

ДЕТЕКТИВ ФАНТАСТИКА ПРИКЛЮЧЕНИЯ 12'2001

Анна МАЛЫШЕВА

ЗАДЕРЖИ ДЫХАНИЕ

ДОРОГИЕ НАШИ ЧИТАТЕЛИ!

Вышел в свет очередной номер издания «Детективы «Искателя» с новым остросюжетным произведением Ст. Родионова «Криминальные тайны».

Напоминаем, что подписаться на «Искатель» и другие наши журналы можно с ближайшего номера.

Индексы:
«Искатель» – 70424, 42785 и 40940,
«Мир «Искателя» – 40920,
«Библиотека «Искателя» – 42827,
детский журнал «Колокольчик» –
79035 («Пресса России»),
26089 (Роспечать),
«Детективы «Искателя» – 38304,

Эти издания можно приобрести в редакции или заказать по почте.

Наш адрес:
Москва, Новодмитровская ул., 5а, офис 1607.
Телефоны: (095) 285-88-07, 285-47-06.

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛ ИЗДАЕТСЯ С 1961 ГОДА

ДЕТЕКТИВ · ФАНТАСТИКА · ПРИКЛЮЧЕНИЯ

2001

12 (275)
2001

Главный редактор Евгений КУЗЬМИН
Редактор Александра КРАШЕНИННИКОВА
Художник Иван ЦЫГАНКОВ
Александр ШАХГЕЛДЯН
Владимир ФЕКЛЯЕВ
Технолог Екатерина ТРУХАНОВА
Адрес редакции 125015, Москва,
ул. Новодмитровская, 5а,
офис 1607
Телефоны редакции 285-8884, 285-4706

Телефоны для размещения рекламы **285-8807, 285-4706**
Служба распространения **361-4768, 362-8996, 285-8807**
E-mail **iskateli@orc.ru**
mir_iskatel@mtu.ru

Учредитель журнала
ООО «Издательский дом «ИСКАТЕЛЬ»
Издатель
ООО «Издательство «МИР «ИСКАТЕЛЯ»

ISSN 0130-66-34

Свидетельство Комитета
Российской Федерации по печати
о регистрации журнала
№ 015090 от 18 июля 1996 г.

Распространяется во всех регионах России,
на территории СНГ и в других странах.

Подписка проводится с любого месяца

Подписные индексы:

по Объединенному каталогу
«Почта России»
(карточная система)
70424 — на полгода
42785 — на год
40940 — комплект «Искатель»
и «Мир «Искателя»

по каталогу
агентства «Роспечать»
(адресная система)
на полгода — 79029

ИСКАТЕЛЬ

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Анна МАЛЫШЕВА
ЗАДЕРЖИ ДЫХАНИЕ

Я пытаюсь подобрать слова, чтобы рассказать о том, что произошло. И тут же умолкаю. Я боюсь не того, что люди узнают о моем преступлении. Я боюсь... Самих слов. Главным образом, произнесенных вслух. Потому что никогда не знаешь, кто именно тебя слушает.

Когда я наконец уговорил жену поехать в гости к моему старому приятелю, на Урал, вещи она стала собирать с непроницаемым лицом. И потом все время, пока мы ехали в спальном купе на восток, пили красное вино и смотрели в окно на яркие, холодные осенние леса, она молчала. За двое суток жена произнесла всего несколько фраз.

Я на нее не сердился, потому что знал — Елена всей душой против этой поездки. Мне это было даже приятно, и сразу скажу, почему. Вот уже четыре года она была моей женой, но до этого считалась девушкой Петра — того самого человека, к которому мы отправились в гости. Я никогда не спрашивал, любила ли она его. Мне было достаточно знать, что теперь она любит только меня. И наверное, из нас троих одна до сих пор помнит о старых временах. Я все забыл, и Петр тоже. Иначе, зачем он нас к себе пригласил? Зачем?

Мы вышли на маленькой станции, не доехав до города километров сорок. Петр встретил нас на машине — изрядно забрызганном грязью армейском «уазике». Он обнял сперва меня, потом Елену. Сразу оговорюсь: я ничуть не ревновал. Я думал, что знаю этого человека. Поверить, что он может любить женщину, было невозможно — не зря же Елена с ним рассталась. Для него существовали только горы. Он ими жил, пропадал в них большую часть

года, и в конце концов сам стал похож на выветрившуюся скалу из красного гранита. Твердое, шершавое лицо, пронзительные голубые глаза — как два ледника, рот — зарубка от ледоруба. Грубые, корявые, отмороженные во время какого-то опасного подъема руки. Потрепанный теплый спортивный костюм, щедро изукрашенный репьями и колючками. И разговоры — только о горах.

— Наконец-то увидите, как я тут устроился, — говорил он, увозя нас все дальше от станции. В небрежно вымытом окне промелькнул маленький, нищий городишко. Сонные бабы на рыночной площади, бледные худые дети, пьяный мужик с собакой на веревке. Через несколько минут мы выехали за город и стали медленно подниматься в гору. — Продал все, и не жалею. И квартиру, и дачу, и машину. Купил вот эту развалюшку, довел до ума. Лучше не нужно! Домик у меня малюсенький, но зато теплый. А вокруг-то, ребята... Вам понравится — увидите.

Мы поднимались все выше по плавному, на удивление гладкому серпантину. Над нами медленно, как тяжелая карусель, поворачивалась пологая гора, покрытая смешанным лесом. На дорогу косо сыпались розовые и желтые листья, небо было бледным и пронзительно-чистым. Петр опустил стекло, в салоне запахло хвоей, сыростью и ночными заморозками. Елена сидела на заднем сиденье, подняв воротник куртки, и молча смотрела в окно. С тех пор как она поздоровалась, ею не было сказано ни слова.

— Вы такие бледные, — заботливо говорил Петр, почти не глядя на знакомую дорогу. — Молодцы, что приехали! Я кое-что вам покажу. Не знаю даже, как и назвать... Это мое открытие.

— Новая вершина? — спросил я. Альпинизм давно стал для меня подростковой забавой. Я перестал ходить в горы с тех пор, как заработал ревматизм — в двадцать-то лет!

— Совсем наоборот, — радостно откликнулся Петр. — Это пещера. Лен, тебе не холодно? Закрыть окно?

Жена не ответила, даже не пошевелилась. Она сидела так тихо, будто ее и вовсе в машине не было. Но, оглядываясь назад, я всякий раз встречал ее напряженный, грустный взгляд. Как будто она чувствовала... Да что там — знала, что должно произойти.

Ехали долго. Я потерял счет склонам, на которые мы поднимались, с которых плавно съезжали. Помню только, что один раз дорогу перебежала линялая тощая белка. Петр коротко просигналил и пояснил:

— Они здесь почти непуганые, так и лезут под колеса. Тут и лоси есть. Ну, как вам дышится после Москвы?

И оглянулся назад. Я — машинально — тоже. Елена упорно смотрела в окно, и в этот миг она, со своими рыжими короткими волосами, бледным лицом и застывшим темным взглядом, удивительно походила на белку, едва не попавшую нам под колеса. Только пуганую белку. Затравленную. В этот миг я впервые пожалел, что уговорил ее поехать. Что не имеет значения для мужчин, связанных многолетней дружбой, то может больно ранить женщину. Все, что угодно, — воспоминания, слово, камешек из-под колес.

Петр, в самом деле, купил маленький дом. Это была серая бревенчатая избушка, ничем не огороженная, без хозяйственных пристроек, даже без бани. Я заметил, что к ней не подходили линии электропередач, и в самом деле — света в домике не оказалось. Петр, едва войдя в сени, зажег керосинку, которую сразу нашел на ощупь. Медовое пламя широко вытянулось, побледнело и застыло, прикрытое закопченным стеклом.

— Вы не пугайтесь — у меня все тут есть. И печь,

и скважина с артезианской водой, — говорил он, занося в комнату наши вещи. — Это уже я пробурил, а раньше приходилось ходить на родник, на гору лезть. Запасы сделал — могу не спускаться в город несколько месяцев. Это на зиму, когда занесет дороги. Есть рация, на батарейках, и приемник. Вот телевизора нет, не обижайтесь. Да он тут и ловить ничего не стал бы — вокруг горы!

Елена медленно, будто неохотно расстегивала куртку. Казалось, она его не слышит. За все время она ни разу не взглянула на Петра, не встретилась с ним взглядом. Села к столу, молча поела вареной картошки и тушеного мяса, молча выпила рюмку водки — за встречу. И поднялась наверх, в мансарду, стелить на ночь постель.

— Пойми, — говорил мне размякший от водки Петр. — Ничего человеку не нужно, никаких благ цивилизации. Стоит один раз понять, что все это мираж, шелуха, — и уже ничего не нужно.

— И все же, здесь такая глушь, — упрямо твердил я. Что со мной случилось? Водка ударила в голову? Или пронзительный воздух, пахнущий молодостью и нетронутым лесом? Или замкнутый взгляд жены? Я горячился: — Что ты здесь делаешь? Кого видишь? Тут поговорить не с кем!

Петр поднял красный, шершавый палец. На его лице застыло торжество:

— Не с кем? Погоди. Я покажу тебе такое, что ты и не поверишь. Я-то кое с кем разговариваю, да! И чаще, чем ты думаешь!

Я подумал, что держу алкоголь лучше, чем он. Сколько бы я ни выпил, а бессвязной чепухи никогда не несу. Выбрав момент, попросился спать и тоже поднялся наверх.

Петр отвел нам теплую мансарду, обшитую струганными досками. Я увидел широкую кровать, застланную чистым бельем, огромные деревенские подушки. На подоконнике в банке стоял букет из осенних листьев и рябины. В углу висел жестяной

умывальник. Я ополоснул лицо остывшей водой и подошел к постели. Елена лежала навзничь, залитая лунным светом, падавшим в мансарду из незашторенного окна. Я боялся ее разбудить, но вдруг увидел, что она смотрит в потолок. Сел рядом. Руки у нее оказались холодными, будто обмороженными луной.

— Ну что с тобой? — спросил я. — Почему ты такая? Он, конечно, ничего не скажет, но обидеться может...

— Не нужно было нам приезжать, — тихо сказала Елена. Она по-прежнему рассматривала доски на потолке. Тени от ресниц вытянулись на полщеки, рот казался голубым, лицо — пугающе незнакомым. Как будто на подушке лежала не голова Елены, а сама луна — яркая, белая, испещренная резкими тенями.

Наверное, я и впрямь выпил больше, чем нужно. Проснулся от жаркого солнца, заливавшего постель так же беспощадно, как ночью заливал простыни свет луны. В мансарде явно не хватало занавесок, но Петр к таким вещам был равнодушен. Елены рядом не оказалось. На подушке осталось несколько рыжих волосков и ее запах. Я полежал немного, вдыхая его и, как всегда, пытаясь разложить аромат на составляющие. Что это было? Белая лилия, свежая вода, любовь, молодость, слабость?

Я встал, прополоскал рот. Воды в умывальнике осталось на донышке — Елена умылась тщательно. Спустился вниз, уже с половины лестницы различая в кухне голоса.

На столе стояла чугунная сковорода с огромной яичницей, на тарелках лежали огурцы, яблоки, хлеб. Елена сидела, подперев подбородок сложенными ладонями, и, не мигая, смотрела на Петра. Впервые смотрела прямо, как завороженная. А он безостановочно говорил, то и дело цепляя на вилку куски глазуньи.

— Дело, конечно, в акустике, но я не физик, сама знаешь, и мало в этом разбираюсь. Ясно одно — в пещере другие законы распространения звука. Звук — это волны, верно? Так представь себе волну, которая одновременно и легкая рябь, и барашек, и цунами. И бог знает что еще!

— Вы это о чем?

Я присел рядом, налил себе молока. Водку Петр не выставил. Я подумал, что меня стошнит, но на лбу только выступила испарина, и муть постепенно ушла. Петр увлеченно продолжал, обращаясь теперь ко мне:

— Понимаешь, неподалеку, километрах в пяти отсюда, есть пещера. Глубокий разлом, я спустился туда случайно, когда бродил по горам. И знаешь, сперва ничего не понял. Крикнешь в этой пещере «Эй!» — и себя не слышишь. Никакого эха — это я еще могу понять, мне это встречалось. Но там себя, собственного голоса не слышно! Будто онемел или оглох. А если постоишь еще минут пять — вдруг, откуда ни возьмись — твой голос, и так громко — «Эй!» А потом еще раз — подальше, будто из-под земли. Или так, будто кто-то тебе на ухо шепчет.

Он быстро перекрестился. Я не знал, что Петр стал набожен. Поискал глазами и, в самом деле, нашел в углу закопченную икону.

— Тогда, в первый раз, я так и сказал: «С ума можно сойти!» И сбежал оттуда, от греха подальше. Живу внизу день, два, только об этом и думаю — да разве такое возможно? И не хочу идти, а тянет туда. Все-таки решил пойти, проверить — может, мне показалось? Иду в горы, спускаюсь в разлом, стою, слушаю. Боюсь рот открыть. И вдруг слышу откуда-то свой голос — и так ясно, чисто: «С ума можно сойти!» Меня оттуда так и вымело!

Елена улыбнулась и покачала головой. Она не верила ни единому слову, я видел. Это понял и

Петр — у него в глазах появился фанатичный стеклянный блеск.

— Не верите? — горячо переспросил он. — Да я сам не верил, даже после второго раза, и после третьего! Привез туда друга, ни о чем его не предупредил. Зашли мы в ту пещеру, и я как ни в чем не бывало с ним заговорил. Он стоял рядом и не слышал ни звука! Глядел на меня, как помешанный, потом вижу — у него тоже шевелятся губы. Спрашивает меня о чем-то, это я понимаю, но тоже ничего не слышу. А когда он «наговорился» и собрался удирать — на нас, как с потолка, упал весь разговор! Фраза за фразой. «Ну, как тебе это?» — «Что? Что ты говоришь? Черт!» — «Спрашиваю — как тебе моя пещерка?» — «Да что это!» — «Я предупреждал! — Пошли отсюда!» — Петр хохотнул: — Мне-то было смешно, а он чуть сознания не лишился. Крепкий парень, все горы исходил, битый, на нем места живого нет. А убежал, сломя голову, да еще меня убеждал никогда больше туда не ходить!

Мы с женой переглядывались, но не перебивали. Альпинисты любят рассказывать байки, и Петр не был исключением. Просто немножко перегнул палку, да и то, чтобы нас развеселить. То есть Елену.

— Но самое смешное, — продолжал он, доедая яичницу, — что когда я через месяц туда спустился — опять услышал.

— Кого? — переспросил я.

— Да его! Его слова, его голос — будто с того света. А потом и себя. Правда, уже не весь разговор, только обрывки, и все перепутано — будто газету порвали, клочки перемешали и склеили. Он все спрашивал, почему я говорю шепотом, почему он меня не слышит — несколько раз подряд, а я твержу сперва, что предупреждал, а только потом спрашиваю, как ему нравится пещера.

Его глаза сияли. Он был так горд, будто в самом деле сделал невесть какое открытие:

— Понимаете? Звук законсервирован! Он куда-то попадает, в какие-то проломы, во впадины, черт знает куда, — быстрый взгляд на икону, — может, очень глубоко. И никуда уже не исчезает. Все, что сказано в той пещере, хранится вечно! И через десять лет я буду там звучать, и через сто, и потом, когда уже никого из людей на земле не останется, мой голос будет там жить. Это же бессмертие звука! Каково?

— Ну ладно, не увлекайся, — возразил я. Его запал начинал меня тревожить. Байки так фанатично не рассказывают. — Такого не может быть.

Елена опустила глаза в стол и промолчала.

— Значит, не может быть? — с расстановкой произнес Петр. — Так вот что я тебе скажу. Здесь, на этой горе, давно уже никто не живет. Изба эта выморочная, досталась мне чуть ли не даром. А прежде тут жили какие-то староверы, пара древних стариков. Они умерли, наследников не было, никто к ним не ходил — какие здесь гости! Ну кто, скажи, мог ходить в ту пещеру? Как часто? Да тут на сорок километров ни души! А сколько там звучит голосов, сколько! — Его глаза мечтательно, почти нежно засветились. — И вот что я тебе скажу: там звучат голоса тех, кого давно уже нет в живых. Может, этих самых стариков, может, их предков, а может, еще кого древней. И говорят они так, как сейчас уже никто не скажет, даже в самой глухой деревне. И молятся они там, и плачут, и шепчутся, и смеются. Старые, молодые — всякие. А один раз было... — Он понизил голос: — Знаешь, я ведь местные диалекты знаю с юности, тут родился. Иностранные языки тоже неплохо различаю на слух. Но там я слышал такое... Не знаю, с чем сравнить. Это, конечно, был человек, но его голос... И то, как он говорил... — Петр нервно сглотнул. — Это был не то лай, не то волчий вой... Какие-то странные звуки, гортанные, почти без согласных, без ударений. Я слушал, и у меня мурашки по коже бежали. Что делал этот человек,

производя такие звуки, — дрался с кем-то, или совершал обряд? Но он делал что-то очень важное, почти великое. У меня ни на миг не появилось ощущения, что я слышу деревенского идиота, случайно заблудившегося в горах. Нет, это был какой-то очень древний человек. С другим строением горла и языка. Как он мог выглядеть — не представляю.

Мне было уже не смешно. Я молча слушал Петра и думал о его одиночестве. О том, как оно меняет человека. О том, что может случиться, если месяцами живешь в глуши — без телевизора и электричества, без семьи и соседей. О том, что в таких условиях слишком заманчиво вообразить себе призрак общения. Такую вот пещеру, полную голосов как живых, так и давно умерших людей. И даже не людей. Полу-людей, жалких существ, едва разогнувших спину, вставших с четверенек где-то на заре цивилизации, когда сами эти горы были совсем другими — воистину великими хребтами, рассекающими пополам материк, где не было еще ни Европы, ни Азии.

И тут жена встала.

— Я хочу туда спуститься, — сказала она ясным, бестрепетным голосом. Такой голос бывал у нее только тогда, когда Елена была очень счастлива. Я изумленно посмотрел на нее, но она уже надевала куртку, торопливо шнуровала теплые ботинки. Петр тоже оделся и азартно взглянул на меня.

— Ну а ты, маловер? Это недалеко, пойдем, прогуляемся!

— Лучше вас дождусь, — иронично ответил я. Мне очень хотелось посмотреть на лицо Елены, когда она вернется из этой мифической пещеры. Вернется обманутая, смущенная, может быть, злая... А может, будет улыбаться, обратит все в шутку. Но, так или иначе, веселье будет неискренним, потому что я видел: она ему поверила. Поверила настолько, что я впервые ощутил что-то вроде ревности и ждал ее возвращения со злорадством.

Больше я никогда ее не видел. Не видел живой. Через два часа Петр мощным пинком открыл входную дверь и, пошатываясь, внес в избу труп Елены. Она висела у него на руках, как тряпичная кукла. Голова была разбита, в рыжих волосах запеклась яркая кровь — будто запутался осенний лист. Петр положил ее на серый дощатый пол, сел рядом и молча укусил свое запястье.

Только тогда я смог выбраться из-за стола. Толкнул его, расплескав из кружки молоко, недопитое Еленой. Подошел к телу, склонился над ним. Потрогал холодную, чуть влажную щеку, коснулся голубых век, открытой шеи. Губы моей жены были чуть приоткрыты, а на лице — как мне показалось — застыло выражение испуга. Не смертельного ужаса, а легкого испуга или даже изумления.

— Она оступилась, — с трудом выговорил Петр, хотя я ни о чем его не спросил. У меня исчез голос. — Там, в глубине пещеры, есть трещина, очень опасная. Я давно ее знаю. В темноте можно угодить туда ногой и сломать лодыжку. Мы вошли, осмотрелись, она убедилась, что я говорил правду... Потом отошла от меня в дальнюю часть пещеры, стояла там и слушала голоса. Их сегодня было много... И тут у меня случайно погас фонарь, а она в это время как раз двинулась дальше. И попала в трещину... Ударилась головой о выступ скалы... Когда я включил фонарь, она уже умирала. Я ничего не мог сделать, ничего.

Я увез Елену в Москву и похоронил рядом с ее родителями, в одной ограде. Там оставалось еще одно место, но никто не думал, что оно ждет именно Елену. Ее смерть не расследовали, зарегистрировали как несчастный случай в горах, каких случаются десятки. Петр на похороны не приехал. Он прислал из своей глуши телеграмму — очень короткую, почти сухую. После ее смерти он больше не смотрел мне в глаза, и мы почти не разговаривали.

Только в начале весны я решился прикоснуться к ее вещам и разобрать их. До этого наша квартира имела такой вид, будто Елена все еще тут жила. На подзеркальнике стояли ее духи, в шкафу висели платья. На полочке в ванной по-прежнему стояли две зубные щетки, ее пудра и крем. После уборки я оставил себе на память только одно голубое платье, ее любимое, и янтарный браслет — он был у нее на руке в день гибели. Все остальное решил отвезти к ее сестре. Бумаг у жены было немного — все больше письма, поздравительные открытки, театральные программки. Я перебирал эту пачку, выуженную из старой коробки для обуви, и вдруг увидел на одном из конвертов имя Петра. Еще одно письмо, еще... Она хранила на самом дне коробки с десяток его писем — еще той поры, когда не была моей невестой. Я ничего о них не знал. Немного поколебался, держа в руках потертые конверты. Было видно, что эти письма не раз перечитывали. На одном стоял штемпель с датой нашей с Еленой свадьбы.

Только это письмо я и решился прочесть — все-таки, оно уже имело отношение и ко мне. Петр писал, что она совершенно напрасно извиняется перед ним за свой поступок. «Таким простым путем совесть не облегчить, — прочитал я фразу в середине письма. — Тебе не станет легче, а я все равно не смогу тебя простить. А ты ведь этого хотела?» Далее он желал моей жене семейного счастья и обещал никогда в жизни не напоминать ей о прошлом. «Но больше никогда не извиняйся, — писал он. — Не хочу тебя обманывать — простить не смогу».

Тогда я прочитал и остальные письма. Они были короткие, и везде я узнавал голос Петра, его отрывистую, а иногда страстную манеру выражаться. Он ее очень любил. Больше, чем я думал. Больше, чем мне говорила Елена.

Я положил письма обратно в коробку, накрыл крышкой. Они не виделись четыре года — с самой нашей свадьбы. Елена никогда о нем не заговарива-

ла, я-то вспоминал друга куда чаще. Откуда я мог знать, что у них все было так серьезно? Она не говорила... Она вообще говорила так мало! Даже не смогла признаться, насколько ей не хочется ехать в гости к человеку, который не «сможет простить». Уступила мне, поехала, ничего не сказав.

Я вспомнил ее бледное лицо в машине, когда мы поднимались в гору, белку под колесами, свет луны на постели, ее слова о том, что напрасно мы сюда явились. Она была напряжена, ждала чего-то дурного. Объяснения, быть может? Как охотно она вызвалась пойти с ним в пещеру, прекрасно зная, что я туда не пойду, не желая поддерживать глупую шутку! Хотела остаться с Петром наедине? Спросить, простил ли он, забыл ли?

Спросила она об этом или нет? Успела ли это сделать, прежде чем оступилась?

Они вошли в пещеру, и секунды темноты ей хватило, чтобы встретить там свою смерть. Фонарь погас, она ступила в трещину между камнями, ударилась виском о скалу... Петр в это время был далеко, пытался включить фонарь. Что случилось с фонарем?

Да случилось ли с ним что-то вообще? Я похолодел. А если Петр был рядом с ней, а не на другом краю пещеры? Если он ждал этого затемнения четыре года? «Не хочу тебя обманывать — простить не смогу».

Я сказал себе, что это чепуха, что я просто ищу виновных. Это происходит потому, что я не могу смириться со смертью Елены — такой внезапной, такой несправедливой.

Да, но для кого-то эта смерть как раз и была выражением справедливости, возразил я себе. Для того, кто не умеет прощать. За четыре года они впервые остались одни, и не прошло двух часов, как Петр вернулся с трупом на руках. А что в действительности произошло в той пещере — мне никогда не узнать.

Я встал, все еще держа в руках коробку. Она вдруг показалась мне очень тяжелой, будто там были не письма, а камни.

Я могу это узнать. Если только Петр говорил правду.

Через три дня я снова сошел на пустынном перроне — на этот раз один. Вещей со мной не было — только небольшая сумка, которую я повесил на плечо. Я надел защитную куртку на теплой подстежке, вельветовые штаны и ботинки на ребристой подошве. Так я ничем не выделялся среди местных жителей, одетых серо и небрежно.

Такси на станции не было — видно, в этом городишке они не пользовались спросом. Я пересек вокзальную площадь, постоял на остановке автобуса, изучил расписание и маршруты. Туда, где жил Петр, никакой транспорт не ходил. Он меня не встречал — я не предупреждал его о своем приезде.

Наконец, удалось уговорить одного местного шофера отвезти меня в горы. Тот долго отнекивался, но, увидев деньги, изумился и больше не возражал. Я и в самом деле заплатил ему щедро, даже по столичным меркам. Здесь на такую сумму он мог существовать несколько месяцев вместе со всей семьей.

По дороге я задал ему несколько вопросов и сразу выяснил, что с Петром он незнаком. Водитель удивлялся, чего ради я еду в такую глушь. К кому? Там никто не живет. Километров за шестьдесят от города есть заброшенная деревенька, но там ютятся только неграмотные старухи да один спившийся мужик. И это все. О Петре он не слыхал и был очень удивлен, когда на горном склоне, вдали от дороги, мелькнул серый домик. Из трубы поднимался дымок, запутываясь в голых ветвях весеннего леса.

— Надо же! — Воскликнул он. — Кто тут живет?

— Понятия не имею, — ответил я. — Мне нужно дальше. К пещерам. Знаете, где это?

Тогда он принял меня за альпиниста и с готов-

ностью поведал о том, что пятью километрами дальше на вершине горы действительно есть несколько разломов. Он знал об этом, потому что прежде туда часто попадали домашние животные — козы, коровы — и ломали себе ноги. Я как будто услышал треск сломанной лодыжки и прикрыл глаза. Через десять минут попросил остановить машину и указать направление. Расплатился и пошел вверх по склону.

Эта поздняя нищая уральская весна не трогала моего сердца. Рыжая трава, растрепанный кустарник, взлетающие из-под самых ног птицы, запах сосновой смолы, разогретой полуденным солнцем, — все это проплывало мимо, вне меня, вне моей цели. Я поднимал глаза и видел на вершине горы черные трещины. Довольно большие, если принять во внимание их удаленность. Я не знал, где именно располагается пещера, как она выглядит. А спросить было некого, разве что Петра. Но он не должен был знать, что я приехал. Не в этот раз.

Через час я был на месте. Водитель не обманул — здесь было несколько пещер, причудливо прошивших вершину горы, будто следы от чьих-то гигантских, яростных когтей. Которая из них та — я определил легко. В первых двух, самых больших, мне сразу отозвалось эхо, тут же спрятавшись где-то в глубине земли. Я кричал снова и снова, но не слышал ничего, кроме собственного голоса.

Третья пещера заросла у входа кустарником, диким мхом и лишайниками. Она была похожа на разинутый старушечий рот, беззубый и кривой. Я продрался сквозь колючки и, войдя под низкие своды, сразу почуял неладное. Как будто к моим ушам приложили ватные тампоны — такая здесь была тишина. Я открыл сумку, и не услышал звука раздвигаемой «молнии». Включил фонарик, направил его на своды, на стены, обозревая обветренный сизый камень. Наконец решился крикнуть... И не услышал себя. Я попал, куда хотел. Теперь оставалось только молчать и ждать.

Я осторожно положил сумку на пол и сел на нее. Не хотелось застудить почки, просидев несколько часов на голом камне. Я полагал, что ждать придется довольно долго. Пот медленно застывал на моем лице, хотелось курить, но я не доставал сигарет. Эту тишину нельзя было нарушать, засорять посторонними звуками. Чирканьем зажигалки, шагами, даже учащенным дыханием.

И когда я уже хотел посмотреть на часы, вдруг кое-что услышал.

Это звучало так, будто рядом, в двух шагах от меня, стоял человек и торопливо что-то говорил. Звук был таким ясным и чистым, что я даже подпрыгнул и включил фонарик. Но никого рядом не было. Только голос.

— Иди сюда, — сказал мужчина. Не Петр. Голос был совсем молодой. Он слегка охрип — от сырости или от волнения. — Дай фонарь, я хочу рассмотреть...

И звук шагов — как биение капель пещерной воды о камень. Наверное, тот, кто говорил, постепенно уходил в глубь пещеры, но я-то слышал шаги все яснее, будто он приближался ко мне... Наступил на меня... Вошел в меня, совпал со мной, медленно продолжал шагать в моем теле...

И вдруг тишина.

Я вытер лоб и все-таки достал сигарету. Петр не солгал. Но даже если через много лет кто-то услышит чирканье моей зажигалки, он все равно не узнает, кто именно здесь побывал. Кто сидел тут и ждал. Главное — не произносить ни слова, задержать дыхание.

Неожиданно в глубине пещеры раздалось пение. Пели женщины и мужчины, нестройным, заунывным хором. Я прислушался — уже без того первобытного ужаса, который испытал вначале. На этот раз звук не удалялся и не приближался, он застрял где-то вдали. Пели, казалось, по-русски, но я почти не мог уловить смысла, хотя слышал все доста-

точно ясно. Насколько я мог понять, речь шла о некоем белом голубе. Сколько я ни слушал поющих, больше не разобрал ничего. Но сами эти голоса... Я понял, что имел в виду Петр, когда говорил о голосах давно умерших людей. Разница между ними и современными была такая же, как между древним и современным правописанием. Столько лишнего и непривычного, что в первый момент ничего не можешь понять.

Голоса исчезли, и больше часа не происходило ровным счетом ничего. Меня начинало угнетать ощущение ватных тампонов в ушах. Впервые в жизни я не слышал собственного дыхания, и минутами у меня возникало ужасное подозрение — дышу ли я вообще? Жив ли еще? Что делаю здесь и сколько понадобится так просидеть, чтобы узнать то, зачем я приехал? Сутки? Неделю? Год? Сколько веков назад пел этот хор, поклонявшийся белому голубю? Кто в последний раз его слышал? Может быть, я — первый? Но разве этого послания я жду?

Близился вечер. Оглядываясь на вход в пещеру, я видел, как извилистая щель понемногу начинает бледнеть. Потом она подернулась розовым туманом, каким заливались бледные щеки Елены, когда она размыкала влажные веки, лежа навзничь в постели и благодарно глядя на меня. Полгода назад — вечность назад.

— Ответь, — прошептал я в надежде, что этот тихий звук пещера у меня не украдет. — Скажи мне правду. Я здесь.

Что произошло — я до сих пор не знаю. Может ли звук быть разумен? Может ли голос умершего человека, давно и насильно оторванный от тела, вдруг ответить на зов?

— Вот ведь странное место, — сказала вдруг Елена. Я тут же закрыл глаза, сердце почти остановилось. Она стояла рядом. Я слышал ее дыхание возле моего уха, не слыша своего. Она запыхалась после долгого подъема в гору. — И как темно!

— Я зажгу фонарь, — ответил Петр. — Теперь смотри. Слушай.

Сорвалось несколько капель, или это моя жена сделала несколько шагов? Ее голос звучал почти у меня в мозгу. Она пробормотала:

— И забавно тут, и немножко страшно. Жаль, что он с нами не пошел.

— Хотел бы я знать... — неожиданно громко и резко заговорил Петр. У меня было ощущение, что он подошел ко мне вплотную. Только ко мне или к ней?

А потом... Пауза — леденящая, ватная, мертвая. Голоса исчезли, сбежали от меня в глубь камня. Я вскочил, протянул руки, будто мог их поймать, и вдруг отшатнулся, едва не упал, ударенный пронзительным криком жены:

— Нет, нет, не надо! Не надо, не трогай меня, не...

— Рлайх! Ктулху! — утробно завыл в отдалении дикий хор, отнюдь не похожий на тот, что пел о белом голубе. По сей день не знаю, были то человеческие или звериные голоса. Или это могильный ветер выл в подземных трещинах, древних, как первые дни человечества, а то и еще древнее?

— Рлайх! — с мерзким торжеством прокатилось прямо надо мной. Казалось, рушится свод, осыпаются камни, время пущено вспять...

Я сам кричал, жалко и хрипло кричал, когда вылетел на склон горы. И мой голос показался мне единственным человеческим голосом на свете, где отныне жили только жестокие, уродливые твари, воющие хором в недрах земли. Только через полчаса я решился вернуться в пещеру и забрать брошенную сумку. Теперь я знал, куда мне идти и что делать.

Я добрался до серой избушки, когда совсем стемнело. Пронзительный воздух резал мне горло, а может, то была ярость — не знаю. Помню, что отворил дверь пинком — так же, как сделал это Петр,

внося в дом тело Елены. Сидевший за столом человек обернулся и привстал.

— Прости, что не предупредил, — сказал я, переступая порог и ставя сумку на пол. — Захотелось тебя увидеть.

На его лице показалась неуверенная улыбка. Было странно видеть, как улыбается человек, будто вырезанный из красного гранита.

— Как ты сюда добрался? — Это было все, что он сумел произнести. За это время я успел осмотреть комнату и понял, что он по-прежнему живет один. Один стакан со следами молока, одна вилка. Та же икона в углу. Я хотел сказать: «Подонок!», но не сказал ничего. Слова иной раз возвращаются с той стороны, откуда их не ждешь. Мое время уходило, нельзя было терять ни минуты.

— Хочу помянуть Лену, — сказал я. — Водка у меня в сумке. Ты должен отвести меня в ту пещеру.

Петр отодвинул стул и выпрямился во весь рост. Он был намного выше меня, но сейчас это уже не имело значения.

— Я туда больше не хожу, — сдавленно произнес он.

Петр боялся — это я понимал очень даже хорошо. Боялся ее пронзительного, умоляющего, обличающего убийцу голоса. Боялся бессмертия, настигшего ее на самом пороге смерти. Он не смог простить? Я знал еще одного человека, который никогда не простит.

— Ради меня, — сказал я. — И ради нее. В шесть утра у меня поезд.

Вероятно, он подумал, что я рехнулся. Но мне было все равно. То, что он думал, меня больше не волновало. Петр покорно оделся, и мы вышли из дома в непроглядную, остро пахнущую тьму. У меня из-под ботинка грузно вырвалось что-то тяжелое и липкое.

— Жаба, — сказал он. — Здесь их полно, и такие огромные...

Я не ответил. Чем меньше слов... Стоило большого труда не бежать, не показывать, что путь к пещере мне уже известен.

Никого, кроме нас, в пещере не оказалось. Ни единого голоса не донеслось из тьмы, прорезанной лучами двух фонарей. Но я знал — все они наготове, и мертвые, и живые. И она, Елена, где-то здесь, в тени, ждет момента, чтобы отделиться от камня и заговорить. Но пока молчит. Я даже был рад этому. К чему лишние свидетели? Говорил Петр или нет — я не знал, он смотрел в сторону, и я не видел его губ.

А потом он посмотрел на меня, кивнул и пошел в глубь пещеры. Я следовал за ним по пятам. Нагнулся только раз, чтобы поднять с земли камень. Я его приметил еще в первый раз.

— Здесь, — вероятно, сказал Петр, остановившись возле глубокой трещины в скале и осветив ее фонариком.

Я молча ударил камнем по его затылку. Крикнул он или не успел — не знаю. Потом я пристроил его ногу так, чтобы было похоже, будто он попал в трещину и поскользнулся. Разбитую голову бережно пристроил на остром выступе скалы. Камень положил в свою сумку. Теперь я мог уйти. Кто бы, когда бы ни вошел сюда, он никогда не узнает о том, что я сделал. Петр ничего не заподозрил, а значит, ничего, обличающего меня, не сказал. Если пещера сохранила его голос, то это будут ничего не значащие фразы. Других свидетелей не было. В шесть утра на станции остановится пассажирский поезд. Он уйдет дальше на восток, я пересяду в первом же большом городе на другой состав и замету следы. Вернусь в Москву, а вернувшись, уничтожу все письма в коробке из-под обуви. И может быть, впервые за полгода усну спокойно.

— ...немножко страшно. Жаль, что он с нами не пошел, — подошла ко мне Елена. Я вскрикнул, но не услышал себя.

— Хотел бы я знать, что ты сейчас говоришь, — ответил ей Петр. — Жаль, его тут нет, ну ничего, в другой раз.

Елена звонко хлопнула в ладоши, попыталась отбить какой-то ритм и засмеялась. Тут же, без перехода, послышался раздраженный голос Петра:

— Постой, садятся батарейки... Стой на месте, Лена, там впереди...

Я услышал быстрые шаги, легкий вскрик — над тем самым местом, где сейчас выглядывала из щели нога Петра. Потом — мучительный стон, и снова его голос издалека:

— Лена, ты где?! Я сейчас!

И звук приближающихся ко мне шагов. Я смотрел в темноту, но оттуда никто ко мне не пришел — только звук. Только Петр. Он остановился над трещиной и испуганно заговорил:

— Не дергайся, я сейчас вытащу ногу. Откуда эта кровь?! Не шевелись, я поворачиваю! Вот так...

— Нет, нет, не надо... Не трогай меня, не надо! — замирающий голос Елены утекал в трещину. Там он живет, мелькнула у меня догадка, оттуда приходит ко мне. Я снова включил фонарь, погашенный, чтобы не видеть разбитой головы Петра.

— Больно... — еле слышно пробормотала жена. — Голова...

Кто застонал над звуком ее еще живого тела — над мертвым телом Петра? Он или я сам? Мог ли он оплакивать себя, склонившись над Еленой, как над собственной могилой? Помню, когда я выскочил из пещеры, на небо карабкалась луна и, как оскорбленная женщина, презрительно смотрела поверх меня. К утру я дошел до станции, сел в восточный поезд, выпил чаю, закрыл глаза. Добравшись через несколько дней до Москвы, я уничтожил все бумаги Елены, отнес ее вещи к сестре. Только тогда я позволил себе умыться, переодеться в городскую одежду и разобрать сумку.

И вынул камень — тяжелый серый камень, заос-

тренный то ли природой, то ли древними человеческими руками. Возвращаясь домой, я забыл его выбросить на каком-нибудь перегоне, как намеревался. Просто забыл. Не выбросил и до сих пор, потому что начинаю понимать — ничто, ничто в этом мире не исчезает бесследно. Иногда я обращаюсь к камню с просьбой — ведь он из той пещеры. Прошу отдать мне голос Елены, ее последние слова. Если он что-то пропустил в первый раз, мог пропустить и во второй. Может быть, жена вспоминала обо мне? Звала? Или снова просила прощения у человека, который все же смог ее простить, теперь я знаю, что смог...

Джон ЛУТЦ
ВЫСОКИЕ СТАВКИ
A

Следом за коридорным Эрни вошел в тесный номер отеля «Хейс». Ему показали маленькую ванную с треснувшей раковиной, черно-белый телевизор с рябью помех. Коридорный, прыщавый юноша, улыбался и ждал. Эрни дал ему доллар — нормальные чаевые, учитывая, что кроме саквояжа, который он нес сам, других вещей при нем не было. Коридорный фыркнул и отбыл.

Щелкнула «собачка» замка, и в комнате воцарилась тишина. Эрни сел на краешек кровати, а его уши отфильтровывали слабые звуки, доносившиеся снаружи: мерное гудение городского транспорта, очень далекая сирена или клаксон, металлическое уханье лифтовых тросов в чреве здания. Наверху уронили что-то тяжелое. Мимо номера Эрни горничная прокатила тележку с бельем, одно ее колесо поскрипывало. Он наклонил голову, стиснул щеки руками и уставился в истертый светло-синий ковер. Потом закрыл глаза, чтобы обрести в темноте хоть временное, но спокойствие.

Удача определенно повернулась к нему спиной. Дело дошло до того, что он не мог смотреть на себя в зеркало. Пусть росточка он был небольшого, пять футов четыре дюйма в ботинках на высоком каблуке, зато всегда одевался с иголочки. Так что теперь его тошнило от дешевого, с распродажи, коричневого костюма, грязной белой рубашки и нелепого красного галстука-бабочки. Весь привычный гардероб пришлось оставить в отеле, где он остановился ранее, чтобы расплатиться по счету. Лицом Эрни более всего напоминал что-то вынюхивающего хорька, особенно розоватыми слезя-

щимися глазами и длинным висячим носом. Об обманчивости внешности в данном случае речь не шла. Эрни постоянно что-то вынюхивал, с тем чтобы обратить полученную информацию себе на пользу.

Большую часть своих сорока лет он провел в беднейшем районе города, где и родился. Пожалуй, он не был самым умным из тех, кто жил по соседству, но его хитрость и умение с выгодой для себя использовать сложившиеся обстоятельства помогали идти по жизни. Инстинкт, интуиция, как ни назови, иной раз помогали ему ставить на победителя и находить за карточным столом правильную стратегию. Иной раз. Так или иначе, он держался на плаву. Держаться на плаву — в этом он видел смысл жизни, и ему это более или менее удавалось. Он числил себя не в удачливых, а в выживающих. Но находились люди, которые ставили ему это в укор.

К ним относился и Карл Этуотер. При мысли о Карле Эрни открыл глаза, поднялся с продавленной кровати. В саквояже лежала початая бутылка ржаного виски, и он пошел в ванную за стаканом, который видел на раковине. Он старался не думать о Карле и тысяче долларов, которые проиграл тому в карты, когда последний раз приезжал в родной город. Налив себе виски, он сел у стола и вновь оглядел крохотный номер.

Дыра, даже по меркам Эрни. Он привык к лучшим условиям. Далеко не всегда он заявлялся тайком и вселялся в дешевый, кишащий клопами и блохами отель. Если бы не насущная необходимость приехать в город и занять денег у сестры (не тысячу для Карла, пару сотен на проезд до Майами), он бы здесь, конечно же, не сидел, глядя на выползающих из-за кровати тараканов и прикидывая, с кем бы поспорить, какой первым доберется до потолка.

Он улыбнулся. Как отреагировала бы Юнис, узнав, что он готов ставить деньги на тараканов? Не удивилась бы, это точно. Она давно сказала ему, что пристрастие к азартным играм — болезнь. Может, она все делала правильно, убеждая его отказаться от них. Но тогда бы он никогда не сорвал куш на Пимлико*. И не получил бы третью даму в добавление к двум другим и двум королям. И не...

К черту. Эрни достал из кармана пиджака две колоды. Всмотрелся в них, затем убрал меченую. Эрни всегда носил ее с собой. Один скользкий тип в Рено показал ему, как ставить метки, чтобы распознать их мог только эксперт, да еще при ближайшем рассмотрении. Сорвал обертку с другой колоды, сдал карты, решив сыграть партию в солитер. С собой он всегда играл честно.

Проиграв три партии подряд, отодвинул карты, потер уставшие глаза.

И тут кто-то постучал в дверь.

Эрни замер, из страха не столько перед Карлом Этуотером, сколько перед другим, самым страшным врагом всех игроков — непредвиденным. Непредвиденное заставляет кость перевернуться лишний раз, приводит к тому, что лошадь-фаворит спотыкается на последнем повороте, шлет хорошие карты новичкам, только осваивающим покер. Вот и на этот раз непредвиденное обернулось для Эрни крупными неприятностями: явилось в виде двух ну очень крупных мужчин. У них был ключ, поэтому, не дождавшись ответа на стук, они сами открыли дверь и вошли.

Природа и так не обделила их габаритами, но в маленьком пространстве номера они выглядели

** Пимлико— ипподром Пимлико,расположенный в пригороде Балтимора. Место проведения скачек «Прикнесс», входящих в тройку самых престижных скачек в США.*

просто гигантами. Тот, что побольше, с квадратной челюстью, переломанным носом боксера и холодными синими глазами, улыбнулся Эрни. Не той нежной улыбкой, от которой тают сердца. Его напарник, темноволосый, со шрамом во всю щеку, стоял с каменным лицом. Разговор начал улыбчивый.

— Полагаю, ты знаешь, что нас послал Карл Этуотер. — Грубый бас как нельзя лучше соответствовал его шкафоподобной внешности.

Эрни проглотил, нет, не слюну, пригоршню камешков, сердце его билось, как отбойный молоток.

— Но... как вы узнали, что я здесь? Я только что приехал.

— Карл знает портье во всех отелях города, — ответил улыбчивый. — Как только ты заполнил регистрационную карточку, нам стало об этом известно, и Карл решил, что тебя стоит навестить. — Улыбка стала шире, он похрустел пальцами. Хруст этот в крохотном номере больше походил на взрывы петард. — И не валяй с нами дурака, Эрни. Ты знаешь, что означает наш приход.

Эрни поднялся, стул отлетел назад.

— Эй, подождите. Мы с Карлом — давние друзья, да и должен я ему всего лишь тысячу баксов. Я хочу сказать, вы ошиблись адресом. Справьтесь у Карла, уж сделайте мне одолжение.

— Мы здесь именно потому, что ты должен тысячу долларов, — подал голос черноволосый. — Слишком многие задолжали Карлу маленькие суммы, такие шакалы, как ты. Тебе предстоит стать наглядным примером для остальных. Плохим примером. Им не захочется составить тебе компанию. Они предпочтут заплатить, и в итоге сумма набежит приличная.

— Хорошего способа умереть нет, — добавил улыбчивый, — но некоторые куда как хуже других.

Оба мужчины двинулись к Эрни, без лишней спешки, словно хотели, чтобы он до конца прочувствовал ужас своего положения. Эрни глянул на дверь. Слишком далеко.

— Переговорите с Карлом! Пожалуйста! — молил он, отступая на ватных ногах. Он дрожал всем телом. Костоломы надвигались. Окно находилось за спиной Эрни, да только от тротуара его отделяли двенадцать этажей. Система кондиционирования в этой блошиной норе отсутствовала, поэтому окно было открыто на шесть дюймов. Каждый, кто хоть раз загонял крысу в угол, знает, что она инстинктивно бросается туда, где ей грозит меньшая опасность. Эрни развернулся и прыгнул к окну. Зацепился ногтем за выцветшую тюлевую занавеску, когда открывал окно, почувствовал, как ломается ноготь. Улыбчивый что-то прорычал и попытался его схватить, но Эрни с невероятной быстротой успел выскользнуть на карниз.

Огромная рука высунулась из открытого окна. Эрни двинулся по карнизу, подальше от нее, прижимаясь спиной к кирпичной стене, подняв глаза к черному ночному небу, позволяя летнему ветерку играть полами расстегнутого пиджака.

Улыбчивый выглянул из окна. Оценил узость карниза, на котором балансировал Эрни, посмотрел на улицу двенадцатью этажами ниже. Продемонстрировал полную пасть кривых зубов и загоготал. В смехе этом веселье отсутствовало напрочь.

— Я же говорил тебе, что одни способы умереть хуже других, — прорычал он. — Ты — червь, а не птица.

Он убрал голову и захлопнул окно. Эрни увидел, как похожие на сосиски пальцы задвигают защелку.

«Успокойся, — приказал он себе, — успокойся».

Да, он на карнизе, в ловушке, но ситуация значительно улучшилась в сравнении с тем, что было несколько минут тому назад.

Вот тут он начал анализировать положение, в котором оказался. Бетонный карниз шириной всего в шесть дюймов — не самое удобное место для прогулок в модельных туфлях с высокими кожаными каблуками. В четырех футах справа карниз обрывался углом здания. Окна на этом участке фасада отсутствовали. Слева, за закрытым окном его номера, окна были, да только из первого торчал кондиционер. Наружная его часть, покрытая ржавчиной, выступала на три фута вперед. Само окно, естественно, плотно закрыто, а перебраться через ржавую железяку к следующему не представлялось возможным.

Эрни посмотрел наверх. Голая стена, путь закрыт.

Тогда он посмотрел вниз.

Закружилась голова. Двенадцать этажей показались ему двенадцатью милями. Он видел маленькие троллейбусы, игрушечные автомобили, поворачивающие на перекрестке. Его охватил ужас. Карниз, на котором он стоял, словно сузился, ушел в стену. Ноги задрожали, туфли вдруг зажили собственной жизнью, превратились в злобные существа, стремящиеся соскользнуть с карниза, предать его, отправить на встречу со смертью. Ему казалось, что он уже летит. Эрни закрыл глаза. Не позволил себе представить, а что произойдет с его телом, после падения на мостовую с двенадцатого этажа.

Прижавшись спиной к стене, опустил руки, ногти царапали грубый кирпич. Эта стена стала ему матерью, любовницей, самой крупной картой в игре. Кроме стены у него ничего не осталось. Обратиться к Богу наглости ему все-таки не хватало.

Но ужас не желал отступать, проникал во все поры, наполнял душу и мозг. Тысяча баксов, паршивая тысяча баксов! Он мог бы пойти к ростовщику, мог бы что-то украсть и заложить, мог бы просить милостыню. Мог бы...

Но ему предстояло заняться другим делом. Здесь и сейчас! Задача перед ним стояла одна — выжить.

Глядя прямо перед собой, только не вниз, он передвинулся влево, поближе к окну, изо всех сил цепляясь подушечками пальцев за кирпичи, жалея о том, что они не подаются. А потом ему вдруг привиделось, что стена вовсе не из кирпича, а из глины, она не держит его, и вот он уже летит в ночи по широкой дуге. Он постарался не думать о стене, не думать ни о чем. Потому что страх проникал в каждую мысль.

Еще шажок. Второй, третий. Эрни кривился всякий раз, когда кожаные каблуки скребли о бетон карниза. Материал дешевого костюма рвался на спине, заднице, брючинах. Однажды левая нога поскользнулась на чем-то маленьком и круглом, наверное, камешке, и он чуть не сверзился вниз. Паника прокатилась по нему холодной, черной волной, но на карнизе он удержался.

Наконец он добрался до окна. Контролируя каждое движение, в страхе, что порыв ветра сбросит его вниз, Эрни изогнул шею и заглянул в комнату.

Пусто. Костоломы ушли. Дешевая мебель, кровать, истертый ковер, как же ему хотелось вновь оказаться в их компании. Эрни осторожно приподнял одну руку. Добрался до рамы, гладкого стекла. Видел и задвинутую защелку.

Постучал по стеклу. Отдача привела к тому, что спина оторвалась от стены. Воздух с силой вырвался из легких, он подался назад, даже стукнулся о кирпичи затылком. На долгую минуту замер, превратившись в статую.

На щеках он почувствовал прохладу: ветерок высушивал слезы. Теперь он знал, что разбить стекло не удастся: сильный удар отправит его в свободный полет навстречу смерти.

Костоломы Карла, решил он, сейчас где-нибудь пьют пиво, считая его покойником. И в этом правы. Они — профессионалы, знающие о смерти все. Нижняя губа Эрни задрожала. Человек-то он неплохой. Никому не причинял вреда и такого отношения не заслужил. Никто такого отношения не заслужил!

А не привлечь ли к себе внимание? Кричать! Может, кто-нибудь — постояльцы, горничная, коридорный — услышат его.

— Помогите! Помогите!

И чуть не рассмеялся. Да кто услышит эти сдавленные крики, уносимые ветром, растворяющиеся в ночи. Он сам едва их слышал.

Отчаяние поднималось из глубин подсознания, сковывало мысли, парализовало движения. Эрни выругал и себя, и всех своих предков за то, что довели его до такой жизни. Досталось и удаче. Но он не мог позволить себе сдаться. Инстинкт выживания был слишком силен. Надежда умирала последней.

Карманы! Что у него в карманах? Нет ли там чего такого, чем можно разбить стекло?

Первой он достал засаленную расческу. Покрутил в руках, чуть не нырнул за ней, когда она выскользнула из пальцев. Уже наклонил голову, чтобы проследить за ее полетом, вовремя вспомнил, что произошло, когда он в последний раз посмотрел вниз. Вновь прижался затылком к кирпичам. Мир качало из стороны в сторону.

Бумажник. Эрни осторожно достал его из кармана брюк, крепко сжимая пальцами, словно боялся, что пролетающая птица выхватит его из руки. На ощупь исследовал его содержимое, не решаясь по-

смотреть вниз. Несколько купюр, кредитная карточка, водительское удостоверение, пара старых расписок, которые он бросил в темноту. Кредитную карточку решил оставить, с бумажником — расстаться. Может, кто-нибудь заметит, как он будет падать, посмотрит вверх и увидит хозяина бумажника. А если кто-то найдет бумажник, сунет его в карман и уйдет? Эрни уже начал доставать из бумажника купюры, одну десятку и две — по доллару, подумал, что овчинка не стоит выделки и бросил бумажник. На карнизе деньги ничем не могли ему помочь.

Между верхней и нижней половинками окна была маленькая щель. Эрни попытался вставить в нее кредитную карточку, молясь о том, чтобы она вошла.

Вошла! Шанс на спасение! Он получил шанс на спасение! Может, остальное — дело техники?

Повернув голову, он повел кредитную карточку вдоль щели, к защелке. Почувствовал, как более теплый воздух комнаты выходит из щели, лаская пальцы. Он находился так близко от другой стороны гладкого, тонкого стекла, так близко от спасения.

Защелка чуть подалась, он мог в этом не сомневаться! Надавил сильнее, чувствуя, как край пластиковой карточки врезается в пальцы. Но не ощутил, не увидел никакого движения. В отчаянии начал водить карточкой взад-вперед. Его руки стали скользкими от пота.

Защелка двинулась вновь!

Эрни чуть не вскрикнул от радости. Он выкарабкается! Через минуту или две он сдвинет защелку, сможет поднять нижнюю половинку окна, влезет в номер, расцелует истертый ковер. Он уже улыбался, поудобнее перехватывая пальцами кредитную карточку.

Но внезапно карточка исчезла. Он ухнул, начал

лихорадочно ее искать, ухватил за самый краешек, но она проскользнула в щелку. Эрни увидел, как она падает на подоконник, отскакивает от него, летит на ковер. Увидел ее и на ковре. Там, где проку от нее не было никакого.

Эрни зарыдал. Его начала сотрясать крупная дрожь. Он испугался, что просто стряхнет себя с карниза. Попытался успокоиться, сказав себе, что отчаяние до добра не доведет. Не без усилий, но он взял себя в руки. Дрожь прекратилась, он вновь замер на карнизе.

Не оставалось ничего другого, как думать, думать, думать!

Что еще в карманах?

Ключ от номера!

Эрни вытащил ключ, уставился на него. Ни цепочки, ни бирки, один только латунный ключ. Попытался вставить его в щель, но ключ шириной значительно превосходил кредитную карточку, так что ничего у Эрни не вышло.

И тут у него возникла идея. Замазка, которая удерживала стекло в раме, за долгие годы высохла и потрескалась.

Эрни начал выковыривать ее острием ключа. Кусочки замазки отколупывались и падали вниз. Но ему предстояло пройти весь периметр, а это требовало и времени, и концентрации. Эрни знал, что сумеет это сделать, потому что другого способа покинуть карниз не было, потому что он впервые понял, как сильно любит жизнь. Чуть согнув колени, прижимаясь спиной к кирпичам, он продолжал выколупывать высохшую замазку.

Прошло, наверное, уже больше часа, когда возникла новая проблема. Он очистил уже половину периметра, но тут по ногам пошли судороги. И колени дрожали, уже не столько от страха, сколько от усталости. Эрни выпрямился, чтобы дать отдых мышцам голеней.

Вновь принялся за работу, но уже через несколько минут судороги возобновились с новой силой. Он выпрямился, чувствуя, как уходит боль. Не оставалось ничего другого, как чередовать работу с перерывами. А боль придется потерпеть, потому что деваться некуда. Он не позволил себе задуматься о том, что произойдет, если ноги откажутся ему служить до того, как он отковырнет всю замазку. Осторожно согнув их в коленях, он опять принялся за дело.

Наконец, вся замазка перекочевала из окна на карниз или на тротуар.

Эрни провел рукой по тому месту, где стекло соприкасалось с рамой, и чуть не вскрикнул от острой боли: зазубрина резанула палец. Эрни отдернул руку, посмотрел на темную кровь. Боль в пальце пульсировала в одном ритме с сердцем.

Теперь предстояло убрать стекло. Вытолкнуть его внутрь Эрни не мог: оно упиралось в дерево. Оставалось только одно: вытащить наружу и сбросить вниз.

Эрни попытался вставить ключ в зазор между стеклом и рамой. Ключ не лез — слишком широкий.

Он прижался спиной к кирпичной стене и снова заплакал. Ноги стали ватными, все тело болело, то одну, то другую мышцу сводило судорогой. Он знал, что слабеет. Уже не оставалось сил на то, чтобы удержаться на узком карнизе. «Будь у меня кредитная карточка, — думал Эрни, — я смог бы подцепить ею стекло, сбросил бы его вниз и без труда вернулся бы в номер». Но если бы он удержал в руке кредитную карточку, то смог бы открыть ею защелку. Ветер усилился, начал трепать одежду, угрожал превратить полы пиджака в паруса и унести Эрни с карниза.

И тут он вспомнил. В кармане пиджака! Во внутреннем кармане пиджака лежала колода меченых карт. Его козырной туз!

Он вытащил коробочку, достал карты, коробочку бросил вниз. Снял верхнюю карту, сунул ее в щель между стеклом и рамой, чуть искривил, надавил на карту, как на рычаг. Стекло подалось.

А потом карта сложилась пополам. Она уже ничего не могла сдвинуть.

Эрни отправил ее вслед за коробкой, взял вторую карту. Она тоже чуть сдвинула стекло. Настроение у Эрни заметно улучшилось. Ситуация определенно складывалась в его пользу. У него оставалось еще пятьдесят карт.

Десятая карта, король бубен, довершила дело. Стекло полетело вниз, чтобы на тротуаре разлететься на тысячи осколков.

Едва контролируя дрожь в ногах, Эрни приблизился к окну, ухватился за раму, откинулся назад, просунув голову в окно.

И тут каблуки соскользнули с карниза. Какие-то мгновения он качался на раме, ноги — снаружи, голова — внутри, но, к счастью, голова перевесила.

Он упал в комнату, крепко приложился затылком об пол и, со вздохом облегчения, лишился чувств.

Очнулся он в ужасе. Понял, что лежит на спине на истертом ковре, постеленном на твердом полу его номера, и ужас ушел.

Но лишь на мгновение.

Потому что сверху вниз на него смотрели Карт Этуотер и двое его костоломов.

Эрни попытался встать, вновь повалился на спину, приподнялся на локте. Внимательно вгляделся

в лица стоящих над ним мужчин, отметил расслабленную улыбку, гуляющую на губах Карла, подчеркнутое безразличие его громил.

— Послушай, насчет этой тысячи долларов... — Он попытался воспользоваться благодушным настроением Карла.

— Эрни, старина, о них можешь не волноваться. — Карл наклонился, протянул руку.

Эрни ухватился за сильные, ухоженные пальцы, и Карл помог ему встать. Ноги еще не держали его, так что ему пришлось привалиться к столу. Трое мужчин не сводили с него глаз.

— Ты мне больше ничего не должен, — добавил Карл.

Эрни изумился. Он знал Карла, они жили по одним, пусть и неписаным законам.

— Ты хочешь сказать, что прощаешь мне долг?

— Я никогда не прощаю долгов, — отчеканил Карл, скрестив руки на груди и все еще улыбаясь. — Скажем так, ты свой долг отработал. Узнав, что ты поселился в отеле «Хейс», мы сразу приехали сюда. Вошли в дом на другой стороне улицы через десять минут после того, как тебя привели в этот номер.

— Ты хочешь сказать, что вы трое...

— Четверо, — поправил Карл.

Вот тут Эрни все понял. Два костолома, настоящие профессионалы, никогда не дали бы ему уйти, даже временно, через окно. Они выпустили его на карниз. Все шло по заранее намеченному плану. А закрыв окно, костоломы вернулись к своему боссу, в дом на другой стороне улицы. И Эрни знал, кто был четвертым зрителем.

— Ты мне больше ничего не должен, — подтвердил его догадку Карл, — потому что я поставил тысячу долларов на то, что ты сумеешь выб-

раться с карниза живым. — В его улыбке Эрни увидел искренне восхищение, смешанное с презрением. — Я верил в тебя, Эрни, потому что знаю и тебя, и таких, как ты. Ты нацелен на выживание в любых условиях. Ты — крыса, которая находит возможность выбраться с тонущего корабля. Или с высокого карниза.

Эрни вновь начала бить дрожь, на этот раз от ярости.

— Вы наблюдали за мной с другой стороны улицы. Вы трое и тот, с кем ты спорил... Все это время вы наблюдали за мной, чтобы увидеть, как я свалюсь.

— Я ни на секунду не сомневался в тебе, Эрни, — заверил его Карл.

Колени Эрни грозили подогнуться в любой момент. Но он доковылял до кровати. Тяжело плюхнулся на нее. От смерти его отделяло совсем ничего. Карл едва не расстался со второй тысячью.

— Больше я ставок не делаю, — пробормотал он. — Ни на лошадь, ни на футбольный матч, ни в рулетке, ни в выборах... ни на что! Я излечился, клянусь!

Карл рассмеялся.

— Эрни, я же говорил, что знаю тебя. Лучше, чем ты думаешь. Я слышал, как такие, как ты, сотни раз произносили те же самые слова. И снова начинали играть, потому что в этом их жизнь. Они снова начинали играть, потому что игра для них — жизнь. Они должны верить, удача в картах, на ипподроме, где угодно может все для них изменить, иначе им не останется ничего другого, как покончить с собой. И ты такой же, как они, Эрни. Рано или поздно я увижу тебя и увижу твои денежки.

Карл повернулся к двери, которую уже откры-

вал для него громила со шрамом на щеке. Ни один из костоломов больше не обращал на Эрни ни малейшего внимания. Для них он просто не существовал.

— Береги себя, Эрни, — уже в дверях посоветовал Карл.

После их ухода Эрни долго смотрел в пол. Вспоминал, каково ему было на карнизе. Он не сомневался, что случившееся кардинально изменило его. Прочистило ему мозги. Карл ошибался, думая, что он, Эрни, не завяжет с азартными играми. Эрни-то знал, что стал другим человеком и его решение — не пустые слова. Насчет него Карл ошибся. Эрни в этом не сомневался.

Он мог поставить на это хоть тысячу долларов.

Перевел с английского
Виктор Вебер

Владимир КОЛЫШКИН
ОДИН ДЕНЬ...

Звонкие мерные удары железяки по куску ржавого рельса, подвешенного в центре плаца, возвестили о начале рабочего дня. Занималось серенькое утро. Резкие порывы ветра пытались разогнать туман. Как гнилая мешковина, разрывался он, разлетался серыми клочками, но с сырых, промозглых низин приходило подкрепление. И только когда тусклое светило лениво поднялось из-за горизонта, дело наладилось. Там и сям заструились живительные лучи. Из ветхих убогих бараков-укрытий стали выползать обитатели этого забытого Богом места.

— Выходи строиться! — сиплым голосом командовал Хромой. — На «первый-второй» рассчитайсь

«Первый — второй», «первый — второй», «первый...» — Голоса уплыли к краю плаца, еще скрытого туманом, и звучали оттуда глухо, как из подземелья.

Однорукий подошел к Хромому четким строевым шагом, так что Хромой даже позавидовал его здоровым ногам, и доложил:

— Роботяги на утреннюю поверку построены. Отсутствует один. Диоген.

— Где этот лодырь? — недовольно спросил хромой начальник, стараясь сместить центр тяжести так, чтобы устоять на одной ноге; костыль он демонстративно держал на плече.

Однорукий без команды встал в позу «вольно» и ответил уже без натуги, просто:

— Да где ж ему быть... На пустыре он. В бочке своей спит. Пока светило не припечет как следует, ни за что не вылезет.

Хромой от злости забыл, что он хромой, сделал резкое движение корпусом и чуть было не свалился на землю, если бы Однорукий не поддержал его, деликатно глядя в сторону. Начальник все-таки опустил свой костыль, сделал несколько скрипучих шагов, грузно обрушился задом на валун и, переведя дух, сказал с угрозой в голосе:

— Сходи к этому философу и передай ему, чтобы сейчас же шел на работу, иначе!..

— Сейчас на молебен пойдем... — напомнил Однорукий.

— Скажи, что после молебна, если он не выйдет на работы, я его, тунеядца, диссидента облезлого...

— На святое помазание сам прибежит, как миленький, — вставил подчиненный.

— Если ты еще раз меня перебьешь, я оторву тебе вторую руку! Ногой креститься будешь. Ясно?!

— Так точно! — звякнул пятками Однорукий.

— К философу... бегом — марш!

Подчиненный подпрыгнул и почесал во всю железку. Помчался он через плац, через выгоревшую пустошь, где раньше стояла подстанция, через песчаную косу, которую намело последним ураганом, да так и не убранную, и скрылся за барханами. Там силы покинули его, и он потерял сознание.

Очнулся он возле бочки философа. Однорукий окинул взглядом пустырь, увидел длинную борозду на песке и огорчился. Тот, кого он, как представитель власти, должен был отчитать и наставить на путь истинный, волок его, представителя, точно дохлого ящера. Подрыв авторитета налицо. Хромой все-таки напыщенный дурак. Если он так заботится о своем авторитете, ему не следовало посылать своего заместителя до раздачи утреннего сухого пайка. Вот же философ — лежит, ухмыляется. Он не бегает сломя голову, не суетится, бережет силы, поэтому никогда не попадает впросак.

— Что это со мной было? — невинно спросил Однорукий, щурясь от бившего в глаза солнца. — Мне показалось, что я умер.

— Я бы не рискнул сказать, что ты умер, — отозвался философ. — Но и утверждать, что ты жив, тоже не стану.

— Все силлогизмами изъясняешься, — оклемавшись, сказал посланец. — Я к тебе с приказом от Хромого. Он велел передать тебе, философу, что если ты, философ, не перестанешь философствовать и не выйдешь на работу, то он тебя...

— Ну-ну, продолжай.

— Дикси. Я все передал... почти дословно, — ответил Однорукий и попытался встать на ноги.

— Ни пса я не понял. — Диоген перевернулся на другой бок, устраиваясь поудобнее на солнышке. — Ты сходи-ка к Хромому, уточни этот вопрос.

— Я еще не восстановил силы, — ответил однорукий посланник. — Я тут немного полежу, если ты не возражаешь...

— Валяй. То есть — валяйся, сколько влезет.

— Скажи, Диоген, в чем смысл жизни?

— А ты как разумеешь?

— Я полагаю, что смысл жизни состоит в том, чтобы быть кому-то нужным, выполнять полезную для общества работу...

— Реникса, — перебил философ. — Смысл жизни — в самой жизни, и потому, сколько ни работай, смысла от этого не прибавится.

— А может, смысл в чем-то более возвышенном, например, в Боге? Ты вот мне скажи, есть Бог или его нет? Я все как-то сомневаюсь...

— Сомнение — это хорошо, — удовлетворенно произнес философ. — Не люблю тех, кто никогда не сомневается, — фанатики, дрянь... Если тебя интересуют вопросы веры, я тебе так скажу: мир — это сон. Причем, у каждого свой. Стало быть, утверждать что-либо категорично было бы неумно.

— Но ведь без Бога не будет в мире справедливости! — вскричал однорукий богоискатель и от возбуждения даже сумел подняться на колени. — Кто накажет плохих, кто вознаградит праведных? Без Высшего судии всякая жизнь теряет смысл, зачем же мы живем и мучаемся? Нет, ты как хочешь, но это несправедливо.

— Вот чудак, право, — усмехнулся Диоген. — Ну кто тебе сказал, что мир справедлив?

— Пастор говорит, что Господь справедлив и каждому воздастся по делам его...

— Для вас Бог, что для Хромого костыль. Придумали гаранта справедливости. Ваша теология — лишь отражение ваших же подспудных желаний. Но это не значит, что так оно и есть на самом деле. Ты говоришь — мучаетесь, страдаете и все такое прочее. Но вот вопрос. Кто или что заставляет вас это делать? Станьте господином самого себя! И вы избавитесь от страданий. А что делаете вы? Вместо того чтобы предаваться медитации, вы начинаете стонать: жизнь трудна, жестока и тэдэ. Требуете от жизни — подай то, подай это. «Хорошо, Господи, — идете вы на компромисс, — если уж не на этом свете, то хотя бы за ее порогом, на том свете, но даруй нам блаженство».

Солнышко уже припекало, философ перевернулся на другой бок и закончил свою мысль:

— А я вот ничего не требую. Ни от кого: ни от жизни, ни от коллектива. И уж тем более — от мифической сверхличности, созданной вашим убогим воображением. Есть у меня пустырь, эта бочка, эти деревья... Созерцая

природу, я получаю эстетическое удовольствие. Я живу и радуюсь. Еще у меня есть «думатель». — Философ постучал себя по голове. — Что мне еще надо? Я мыслю, следовательно — существую.

— А для чего существуешь?

— Да не для чего. Просто существую, и все! Впрочем, могу и не существовать, мне все едино.

— Почему же тогда не умираешь? — задал провокационный вопрос посланец.

— Именно потому, что все равно... А ты для чего существуешь?

— Я-то... ясное дело для чего... Для того, чтобы строить Космодром. Ведь нас сюда, в невообразимую даль, за тем и послали, чтобы мы подготовили плацдарм, так сказать, для Светлого Будущего...

— Ну конечно... Они прилетят на все готовенькое, а вы тут вкалываете...

— Ничего, хорошо потрудимся, большую благодарность получим за то. Почет и уважение... Льготы.

— Ой, дурак, ну дурак, и дурак же ты. Одно слово, роботяга. Роботяге хоть кувалдой по башке бей, все равно он останется роботягой.

— Но ведь Программа!.. Как можно идти против Программы?

— А что Программа? Зачем же нам дан «думатель»? Вот я лежу и думаю. А на кой, думаю, мне лично этот Космодром сдался? Я и без него хорошо проживу. Без него даже еще лучше. А то поналетят сюда, устроят вавилонское столпотворение, а я суеты не люблю.

— Над Программой работали такие головы! Не нам чета... Да как ты осмеливаешься такое заявлять! Да кто ты такой?!

— Я философ.

— И в чем же суть твоей философии, позвольте узнать? Отлынивать от работы?

— 237-й, для тебя работа — это бери больше, кидай дальше. Хватай длиннее, забивай глубже. А я работаю головой. Вот недавно учение одно выдумал.

— Ну и как же оно называется?

— Название я еще не придумал. Не в названии суть...

— А в чем суть твоего учения?

— Смысл учения нельзя передать словами, его постигают интуитивно. Нужно озарение...

— Ты все-таки постарайся объяснить, тоже «думатель» имеем.

Философ поднял камушек и кинул в голову Однорукому. «Дзинь!»,— звякнула голова 237-го.

— Постиг? — спросил философ.

— Нет.

— Надо было взять аргумент повесомее, чтобы искры из глаз, тогда будет озарение. Пойдешь ко мне в ученики? Я хорошую дубину подыщу...

— Нет, уж я лучше в церковь пойду. Пастор, по крайней мере, не дерется.

— Ладно, не обижайся. Твоя голова подсказала мне название. Назову я свое учение — Дзинь. Дзинь, чтобы ты знал, ничего не утверждает и ничего не отрицает. Дзинь стремится подняться выше логики и найти высшее утверждение, не имеющее антитезы. Поэтому Дзинь не отрицает Бога, не утверждает его существования. Практика Дзиня имеет целью открыть око души — узреть основу жизни.

— В чем же эта чертова основа?!

— В том, что мы никогда не рождались и никогда не умрем. Нет рождения и смерти — нет начала и конца. Когда вы это поймете, вы становитесь совершенным господином себя самого.

— Хорошо тебе, — сказал Однорукий, вставая на дрожащие ноги и стряхивая с себя песок. — Ты сумел найти свое место в мире. Сумел преодолеть страх единичности, а я вот так не могу. Я боюсь смерти и потому верю в загробную жизнь. Верю в рай, в ад... в высшую справедливость верю... Ладно, пойду я, а то на молебен опоздаю. На помазание-то придешь?

— Само собой...

— А-а-а, вот все вы такие, философы.

Он едва успел присоединиться к братьям-роботягам и встать на колени, когда на амвон взошел Пастор, осенил всех крестом и начал проповедь.

— Возлюбленные чада мои, — говорил он глухим голосом, но для Однорукого эти звуковые колебания были райской музыкой. — Обращаюсь к вам с благой вестью о Боге нашем и Сыне Его, Генеральном Конструкторе, по образу и подобию которого мы сотворены и который явится вскоре вся облаках во славе своей и со своими ангелами...

Однорукий силился представить это феерическое зрелище — явление Сына Человеческого, Генерального Конструктора, — напрягал «думатель», но воображение отказывало ему. Картины благостнее, чем ежемесячная раз-

дача пайкового масла, он вообразить был не в силах. Тогда он обратил взор на иконы, где отображалось житие Генерального Конструктора в разные периоды его святой деятельности. Широкое и плоское лицо Генерального с глазами-щелками и седым ежиком волос светилось любовью к чадам своим. Незабвенный облик. Его рука начертала Великий План Строительства. И Однорукий со товарищи воплощает его в жизнь. Будь спокоен, Великий Рулевой, мы оправдаем твое высокое доверие.

А Пастор меж тем вещал:

— Близок день славного избавления от трудов наших тяжких. И не будет больше печали, и утрет Он слезу с лица страждущего... И накажет ленивых и нерадивых, гореть им в геенне доменной, и уведет в сады райские покорных и работящих, где сверкают стеклянные витрины и полки ломятся от вечных аккумуляторов...

Молебен кончился, и все, как обычно, вышли на паперть и стали строиться поотрядно. Хромой инструктировал десятников, сообщал сегодняшнюю норму выработки, распределял участки стройки между отрядами, определял фронт работ и многое другое. В общем, все было как всегда. И весь день протек обычно — плоско, отупляюще. Лишь обед порадовал. Солнце светило ярко, и все плотно подзарядились. А вот вечер выдался неудачным. Опять тучи заволокли небо, и ужин они получили сухим пайком. Аккумуляторы были старенькие, дырявые, с белым налетом, точно плёсенью покрытые.

Однорукий с трудом открыл крышку энергоблока, вычистил гнездо от вытекшего и засохшего электролита, заменил один из подсевших аккумуляторов только что выданным, подключил клеммы и сразу почувствовал некое подобие сытости. С чувством благодарности он перекрестился на портрет Генерального Конструктора, висевший на стене барака, и побрел в свой угол. Преодолевая сопротивление плохо смазанных шарниров, он улегся на скрипучую свою лежанку, кое-как собранную из разного деревянного и металлического хлама. Горизонтальное положение благоприятнее сказывалось на конструкции, равномернее распределялась нагрузка на корпус, который, если сказать честно, уже трещит по всем сварным швам.

Раньше-то, когда были молоды и здоровы, они отдыхали стоя. Вообще-то, редко они отдыхали тогда, в ту славную эпоху Великого Начала. Только если не был

подготовлен фронт работ или шел дождь. По большей же части вкалывали 28 часов в сутки. Такова длительность дня на этой планете. После утреннего молебна все опять выходили на работу. И так день за днем, год за годом, десятилетие за десятилетием протекала их жизнь. Ни праздников, ни выходных.

Кроме дня рождения Генерального. Тут уж сам Бог велел праздновать. Но такая лафа случалась один раз в году, на то он и день рождения... Эх!

Однажды в один несчастливый день, когда они возводили коттеджи для будущих колонистов, с подъемного крана сорвался груз и ударил по плечу РСи-237-го. Уже тогда запчасти кончились, и робот-строитель номер двести тридцать седьмой стал Одноруким.

Однорукий был поставлен на легкую работу, следил, чтобы стойки ставили вертикально, крепеж проводился по инструкции. Последнее время роботяги стали халтурить. У кого-то разладилась система ориентации, у кого-то глазомер перекосился, у третьего были обе руки левые и тому подобное. Так что за ними нужен был глаз да глаз. Кроме того, Хромой через Однорукого отдавал различные приказы, поскольку не у всех работала рация.

РСи-237-й попытался запустить программу виртуальных сновидений, но проклятая, вся испиленная программа все время давала сбой, и приходилось снова ее перезагружать. Заменить бы ее на новую, говорят, Умник состряпал какую-то суперразвлекалку, да жаль, воспользоваться ею может не каждый. Ему вот, Однорукому, например, не хватит оперативной памяти. Полгода назад сдох один блок. «Эх, мне бы хотя бы еще 16 Дикобайт добавить...» — размечтался РСи-237-й.

По трубе, позвонил Хромой. Вернее, постучал. Эту трубу они специально проложили, чтобы переговариваться, когда радиосвязь выходит из строя. Однорукий вытащил деревянную затычку из ответвления и сказал в дыру:

— Алло. РСи-237-й у трубы.

Хромой и так знал, кто у трубы, но требовал докладывать по форме. Такой уж у него был характер.

— Ты сводку по отрядам составил?

— Пока еще нет. Сижу вот, подсчитываю... Думаю представить к поощрению РСи-666-го, за рацпредложение, которое он недавно сделал. Получается существенная экономия стройматериалов без ущерба для прочности конструкции. Эта рацуха как нельзя лучше подойдет для следующей, восьмой секции.

— А если крепления не выдержат? — прохрипел в трубу Хромой. Ты знаешь, какая там нагрузка на квадратный сантиметр. Космодром рассчитан на прием большегрузных кораблей, а ты предлагаешь крепить на соплях.

— У него все рассчитано...

— Знаем мы его расчеты. Короче, с поощрением пока не спеши... Пастор наверняка будет возражать. Шестьсот шестьдесят шесть — это не тот номер, на который следует равняться.

— Ну что за предубеждения, ей-богу!

— Это не предубеждения, это политика. Ясно? Не слышу ответа. Алло!

— Так точно!

— Вот так. А теперь зайди ко мне, поможешь с планом на третий квартал. И некоторые пункты соревнования требуют пересмотра. Ко дню Начала Великой Стройки возьмем повышенные обязательства. Хочу чтобы ты выступил с инициативой. В общем, приходи, провентилируем это дело. Конец связи.

Однорукий вышел из барака под вечернее небо. Сумерки совсем опустились. Голая лампочка под жестянкой болталась на ветру, горела тусклым светом. И то хорошо. У многих роботяг системы ночного зрения давно вышли из строя. Собственно, из-за этого и отказались от ночных работ, что существенно удлинило сроки строительства.

Однорукий был уже на полпути между своим бараком и коттеджной будкой хромого начальника, когда небо полыхнуло огнем и раскололось громовыми раскатами. Роботяги на уровне инстинкта боятся дождя, как животные боятся огня. Однорукий машинально хотел перейти если не на бег — бег требовал много энергии, — то хотя бы на скорый шаг, чтобы не попасть под губительный ливень, но, наоборот, тормознул. Дождь не пролился, а на небесах развернулась удивительная феерия. Лучезарное сияние озарило округу.

Пробив облачный покров, весь в огнях, появился космический корабль. Господи, Отец наш и Его Сын, Генеральный Конструктор! Свершилось предначертанное! Легендарное! Так долго ожидаемое.

Дрожащей рукой Однорукий схватил железяку и ударил в набат. По рельсе колотил он что было сил, не жалея аккумуляторов. Чего их жалеть теперь, когда пришло воздаяние! Роботяги выскакивали из бараков, еще

не понимая, что случилось. Но очень быстро до них доходила важность события.

Противоречивые чувства счастья и ужаса стали охватывать толпу. Все задрали головы, осеняли себя крестом и указывали пальцами в небо; к низким облакам обратились взоры, где, пламенея выхлопными дюзами и мигая огнями, летел Корабль.

— Главный рубильник! — заорал Хромой. — Запускайте резервную подстанцию, включайте радио- и световые маяки!

Однорукий бросился к подстанции. На пределе сил ворвался в помещение. Вдавил кнопку стартера, но машина даже не дрогнула. Подсели батареи. О том, чтобы запустить дизель вручную, то есть его одной рукой, можно было даже не думать.

— Кто-нибудь! — в отчаянии крикнул Однорукий. — Господи, помоги!

И Господь помог. На истерический вопль из какого-то темного угла выползли двое доходяг. Это были дежурные электрики.

— Запускайте дизель вручную! — приказал Однорукий. — Не заведете, отдам под трибунал! Разберу на запчасти! Шевелитесь, дохлые мухи!

Роботяги, мешая друг другу, с трудом крутанули заводилку. Мотор чихнул и — завелся! Обессиленные доходяги рухнули на пол.

Однорукий включил главный рубильник и выскочил на воздух. Корабль уже шел на посадку. Он садился на недостроенный Космодром, ориентируясь на включенные маяки, и Хромой с ужасом думал, выдержат ли конструкции седьмой секции, только вчера поставленные и еще как следует не закрепленные... К счастью, крепления выдержали. Космолет причалил благополучно. Открылись входные люки и рабочие шлюзы Корабля, о прилете которого повествовала Благая Весть. Ярким светом корабельных прожекторов озарилось все вокруг. Давненько роботяги не видели столь славной иллюминации, с тех пор как сгорела главная подстанция.

Новенькая, невиданной конструкции техника выползла из грузовых отсеков и поперла через пустырь. Вся толпа роботяг бросилась навстречу. «Эх, не по-людски встречаем, — с огорчением подумал Хромой, стараясь не отставать от других. — Надо бы с хлебом-солью... Да где его взять?»

Из люков выходили колонны новеньких роботов-

строителей. Их черные отполированные туловища из вороненой стали нагло и победоносно сверкали под лучами прожекторов. Отряды шли через пустырь, четко держа строй. У Хромого аж прохудившаяся проводка заискрила от прилива патриотических токов. Он взял костыль «на караул» и, балансируя на одной ноге, отдал честь бравым новобранцам.

— Здорово, орлы! — прохрипел Хромой в экстазе братской любви. Но вместо того чтобы гаркнуть в пятьсот луженых глоток: «Здрав-гав-гав-гав!», пятьсот истуканов прошли, не проронив ни звука. Кто-то из своих привычно попытался крикнуть «Ура-а-а!», но жалкий этот всплеск эмоций был заглушен топотом тысячи стальных ног. По лицу Хромого текли слезы. Нет, это просто показалось. Не может робот плакать. Это пролился теплый дождик от резких перепадов температуры в атмосфере, вызванных тепловыми выхлопами прилетевшего Корабля.

У Однорукого от недоброго предчувствия дал сбой сердечный насос, гоняющий смазочную жидкость, а в гидравлической системе резко понизилось давление. Однорукий вдруг остро почувствовал свою ненужность, нелепость своей ущербной фигуры и боязливо отодвинулся в тень. А вот Диоген, пустырный житель, самонадеянно отключавший слух на ночь, не услышал суматохи и не успел отодвинуться, убраться с дороги марширующих новых строителей. Бочка его хлипкая хрустнула под их железной пятой, а затем и голова философа.

Когда прошла колонна роботов-строителей нового поколения, Однорукий бросился к философу на помощь. Но было поздно. Среди обломков гнилого дерева и погнутых ржавых обручей — все, что осталось от бочки, — лежали вдавленные в землю металлические обломки — все, что осталось от философа. Однорукий поднял сплюснутую голову, из нее выпали две шестеренки и высыпалась стеклянная пыль микросхем. Думатель больше не думал. Философ не мыслил, а следовательно, не существовал.

Включилось дополнительное освещение: какие-то разноцветные гирлянды, точно на Новый год. Из динамиков Корабля разлилась божественная музыка Грига — «Шествие гномов», и по трапу спустился Сын Человеческий в сопровождении архангелов и в окружении ангелов-хранителей. Однорукий не узнал Генерального. Он был совсем не похож на свои образа, что украшали церковь и стены бараков. Говорили, что Генеральный Конструктор был росту преогромного. А этот был не высок,

ступал осторожно, словно все время ожидая, что почва уйдет из-под его аккуратных ножек. В Лице его было что-то хитрое, лисье, Глаза-буравчики внимательно оглядывали окрестности.

Он что-то говорил тихим ласковым голосом, но разобрать было трудно из-за шума.

Хромой подступился было к Нему, но дерзкого оттеснили ангелы-хранители, обыскали, отобрали костыль. Однорукий подставил плечо своему начальнику и товарищу, чтобы тот не упал.

— Пустите меня, — роптал Хромой, — мне нужно к Генеральному... Я должен рапортовать Ему о ходе строительства. Мы почти закончили ... еще немного и... Пустите к Генеральному!

— К какому Генеральному? — сказал один архангел из свиты. Нынче нет никакого Генерального. Вы тут совсем отстали от жизни.

— А кто теперь есть?

— Просто Главный Конструктор.

— А где Генеральный? — допытывался Хромой, прыгая на одной ноге так, что Однорукого мотало из стороны в сторону.

— В отставку подал. Ушел на заслуженный отдых... Ну все, все. Не путайтесь под ногами.

Однорукий понял, что на Родине произошли большие перемены. Вот, оказывается, почему он не узнал Сына Человеческого, Наместника Бога на Земле. Потому что это был другой Сын. Сын старого Сына. Стало быть, Богу Он приходится Внуком.

Высокий гость маленького роста что-то указывал по сторонам, может быть, задавал вопросы, хотя, по Идее, был всеведущ. Архангелы что-то отвечали божественному Внуку, хотя, по Идее, они ни за что не отвечают. Ангелы-хранители злобно озирались.

«Почему они ни о чем не спрашивают нас? — недоумевал Однорукий. — Ведь кто еще, как не мы, знает всю подноготную Великой Стройки».

Наконец шествие удалилось в сторону правительственного дома, специально для этого случая выстроенного, и там засияла иллюминация. Оказывается, новички-строители время зря не теряли. Уже разворачивали походную подстанцию. И первым ее потребителем стал правительственный коттедж. Там засияли окна, заиграла музыка Чайковского — «Танец маленьких лебедей».

— Какие еще будут указания? — сделав жест почтения, спросил старший из свиты.

— Стройка требует основательной зачистки, — тихим голосом сказал новый Главный Конструктор, отодвинув штору и глядя в окно. — Здесь черт ногу сломит, валяется разная дрянь. Распорядитесь, чтобы немедленно навели чистоту и порядок. Весь хлам собрать — и в печь. На переплавку.

— Что ж они делают? — гневно недоумевал Однорукий. — Нет, вы только посмотрите, что они делают!

Хромой сидел на своем любимом валуне и нехотя повернул голову в сторону, куда показывал нервный его заместитель.

— Что они там строят?

— Новый Космодром, — желчно ответил Хромой.

— А как же НАШ Космодром? Он, выходит, никому не нужен?.. Выходит, мы зря трудились?.. Вот так просто вычеркнули нас из жизни, словно нас и не было...

— Получается, что так. — Хромой повесил голову. — Архангел, руководящий строительством, сказал, что Космодром наш не отвечает современным требованиям. Теперь будут ориентироваться на прием военных крейсеров, а это совсем другой тоннаж и другое оборудование. У них там все изменилось. Идет какая-то беспрерывная победоносная война — не то гражданская, не то отечественная.

— Я вот думаю... — подумав, продолжил Хромой.

— Кстати, — непочтительно перебил Однорукий своего начальника, — вы заметили, что у новых строителей отсутствует интеллектуальный индекс. В табличке на груди написано только «РС» — Робот-Строитель. Пометка «интеллектуальный» отсутствует. У них что, нет «думателя»?

— А зачем он им, — ответил Хромой, даже не обидевшись на подчиненного за бестактность. — Нас снабдили интеллектуальным блоком только потому, что эта планета была совершенно не изучена. Никто не знал, что нас ждет, какие трудности, опасности... Одни зыбучие пески чего стоят, помнишь, скольких роботяг мы потеряли в этих проклятых песках! Мы сами должны были выбрать подходящее место для строительства, провести необходимые расчеты, без «думателя» этого сделать невозможно. А теперь, когда мы все исследовали, послали им сводки с результатами... Теперь и болванов можно прислать. С болванами даже легче. Они не диссиденству-

ют, не перебивают старших по должности... Да в общем, что там рассуждать, они — наша смена. А мы...

— Ничего, мы свою жизнь честно прожили. Вот увидите, они еще медали нам выдадут... И уйдем мы на заслуженный отдых... Давайте, я вам помогу дойти до барака, становится слишком сыро.

— Ты идеалист, Однорукий, — сказал Хромой, не двигаясь с места. — Спасибо тебе за все... Ты иди спать, а я понаблюдаю за ними. Может, им совет какой-нибудь понадобится, так я помогу.

Однорукий ушел в свой барак, но уснуть не мог. Система сновидений полностью вышла из строя, а что за сон без сновидений — полная отключка, это как смерть. Однорукий боялся небытия. Он встал и опять пошел на пустырь. Хромой лежал возле валуна, зажав что-то в руке. Присмотревшись в темноте, Однорукий увидел, что череп начальника вскрыт, интеллектуальный блок выдран со всеми проводами.

Вот, значит, что сжимал в руке Хромой.

— Вон еще парочка, — сказал кто-то в темноте. — Один, кажется, функционирует.

— Скорее сюда, пожалуйста! — позвал на помощь Однорукий.

Подошли из темноты молчаливые робостроители нового поколения во главе с архангелом. Человек был знаком, тот самый, что говорил с Хромым.

— Ему нужен срочный ремонт, — сказал Однорукий, — может, еще удастся спасти...

— Не беспокойся, — сказал архангел, — о нем позаботятся.

Новые роботяги без слов подняли Хромого и понесли.

— А мне куда? — спросил Однорукий нового начальника Великой Стройки.

— За ними иди, — указал архангел.

Когда разверзлась геенна доменная и вот-вот должна была поглотить Однорукого вместе с каким-то железным хламом, роботяга под номером 237 успел подумать, что Диоген оказался прав: умирать, в сущности, не так уж и страшно. Потому, что жизнь была всего лишь сном. И умереть, значит проснуться для новой жизни. Хорошая, наверное, будет эта жизнь...

Олег СУВОРОВ

ЧЕТВЕРТАЯ СИММЕТРИЯ

Человек — существо потрясающе наивное. Его легко удивить карточными фокусами, но при этом он почти не интересуется величайшей тайной на свете: что собой представляет его собственное «Я»?

ГЛАВА 1

Знающие люди уверяют, что в Москве имеется несколько таинственных зданий, внутри которых случаются поразительные истории и проводятся удивительные исследования, заслуживающие мистического телесериала вроде знаменитых «Секретных материалов». Так, неподалеку от станции метро «Гуляй-поле» расположено целое поместье, представляющее собой комплекс из трех зданий, окруженных высокой и неприступной металлической оградой, украшенной любимыми символами недавней эпохи — пятиконечными звездами в центре скрещенных знамен. Фасад центрального здания, обращенный на проезжую часть, создан в странном стиле «советской античности»: четыре колонны поддерживают портик, на котором высечен барельеф в виде того же самого символа — крупной звезды и скрещенных знамен. По обеим сторонам центрального особняка расположены два больших флигеля, никак — во всяком случае, на поверхности — с ним не сообщающихся.

Самое странное, что никто из жителей близлежащих домов не может припомнить, чтобы на территорию въезжали машины или чтобы там ходили какие-то люди. Более того, по периметру ограды вообще нет никаких проходных! Впечатление полной необитаемости дополняется тем обстоятель-

ством, что никто и никогда не видел хотя бы одно из окон открытым, и это при том, что иногда в городе царит жара за тридцать градусов! Кстати, по ночам в этих окнах не горит свет. Однако здания не ветшают, не идут трещинами и не облупливаются, словно бы над ними не властно время.

Все это таинственное поместье настолько напоминает собой некий земной аналог «Летучего Голландца», что по сравнению с ним даже зловеще-знаменитое здание на Лубянке кажется оживленным торговым центром.

Однажды летом во дворе соседнего жилого дома, рядом со старым, давно засохшим и захламленным фонтаном, куда, как сказал бы классик, «простой народ уже натаскал всякой дряни», произошло зверское убийство молодой женщины...

— ...Препарирована, как лягушка на уроке анатомии, — морщась от ужаса, констатировал молодой сыщик по имени Александр, осторожно накрывая найденное тело. Вытекшая из него кровь уже впиталась в сухую, давно не видавшую дождей землю. — У меня такое ощущение, словно Джек Потрошитель-отец хотел показать Джеку Потрошителю-сыну, «что там у нее внутри».

— Или же понять, где находится душа, — заметил его непосредственный начальник, полковник Николай Александрович Гунин, подъехавший на место убийства несколько минут назад. — Ты уже выяснил у эксперта время наступления смерти?

— Примерно в три — полчетвертого ночи.

— Самое глухое время, когда до рассвета остается совсем немного и разбредаются спать даже самые поздние гуляки, — констатировал полковник. — И никто ничего не слышал?

— У нее были перерезаны голосовые связки...

— О черт! — глухо выругался Гунин, непроизвольно проводя рукой по собственному горлу. — Ты в этом уверен?

— Хотите убедиться сами?

— Нет, ни в коем случае. Я и так уже изрядно насмотрелся на это женское тело, обнаженное чуть ли не до скелета. На сегодня мне бессонница гарантирована.

— Мне тоже, — кивнул Александр, вставая рядом с шефом и доставая из куртки блокнот. — Кстати, установить ее личность было несложно — в сумочке нашлись документы.

— Ну и?

— Шнуркова Александра Антоновна, двадцати пяти лет, уроженка города Козельска. В Москву переехала несколько лет назад ухаживать за родной бабушкой, которая умерла в прошлом году и завещала ей квартиру. Работала ответственным секретарем в частном издательстве «Академический проект», хотя в свое время закончила провинциальный пединститут. Не замужем, по словам соседей, вела себя достаточно скромно, во всяком случае, никаких оргий не устраивала...

— Что-нибудь еще? — поинтересовался полковник, почувствовав заминку в словах своего помощника.

— Славная была девушка! — только и вздохнул Александр. — Ненавижу, когда убивают таких — молодых и симпатичных, пусть даже в кино!

— А ты бы предпочел заниматься расследованием убийств старух? — без тени улыбки поинтересовался шеф. — Но с чего ты взял, что она симпатичная? Насколько я заметил, лицо конопатое, нос короткий, губы узкие...

— Хотите взглянуть на фотографию в паспорте?

— Да нет, зачем лишний раз расстраиваться? Кроме того, о вкусах не спорят... В квартире побывали?

— Я ничего примечательного не нашел, но сейчас там работают наши ребята.

— Понятно. Ну и каковы первые версии? Ограбление, изнасилование?

— Почти уверен, что ни то, ни другое, — пока-

чал головой Александр. — Квартира у нее небогатая, получала она не слишком много. Кошелька я, правда, не нашел, но два кольца, сережки и браслет остались на трупе. Кстати, все украшения достаточно скромные, на много не потянут. Ну, а по поводу второго... Знаете, если этот монстр с таким упоением и старанием работал над трупом, то мне трудно представить, как он сначала насилует живое тело.

— Почему? — возразил Гунин. — В истории криминалистики известны маньяки, которые сначала насиловали, а потом даже съедали свои жертвы.

— Да, но они всячески уродовали тела, например, потрошили животы, вырывали внутренности или отрезали конечности. Наша же лягу... то есть девушка, была тщательно препарирована!

— Действовал профессионал?

— И высокого класса!

— Значит, в этом направлении и работаем в первую очередь, — подытожил Гунин и тут же добавил: — Разумеется, параллельно с разработкой поклонников и рабочих связей. А что кинолог?

— Собака провела всего метров двадцать... Пойдемте, Николай Александрович, я вам покажу. Вот здесь стояла машина, у которой явно подтекал масляный шланг. Видите, на канализационном люке масляные пятна? Судя по всему, убийца уехал именно на ней.

Оба сыщика подошли к бордюру дороги, по одну сторону которой находился заросший кустами двор, где произошло убийство, а по другую тянулась высокая и остроконечная металлическая ограда.

— А что это там за здание? — неожиданно заинтересовался полковник, указывая на торцовую сторону четырехэтажного особняка самого «казенного» вида.

Но помощник лишь недоуменно пожал плечами.

ГЛАВА 2

— Ну, как дела? — спросил Николай Александрович Гунин день спустя. — Ты разобрался с ее окружением?

— Стерва была еще та! — неожиданно заявил Александр. — Встречалась только с одним джентльменом из числа сотрудников своего же издательства, и, по его словам, от нее всегда можно было ожидать любой подлости или измены. Впрочем, для дам определенного типа в таком поведении нет ничего необычного. Короче говоря, за исключением внешних данных, ничего примечательного.

— С учетом того, почему мы ею занимаемся, этого более чем достаточно.

Удивленный этим черным юмором, Александр вскинул глаза на шефа.

— Оставь все это и собирайся, — проговорил Гунин.

— Куда?

— Звонили из местного отделения милиции и сообщили, что поймали убийцу.

— Как — уже?

— Когда я задал им этот же вопрос, они с гордостью сообщили, что благодаря своим блестящим производственным показателям их отделение не сходит со страниц ведомственной газеты «На боевом посту». Как бы там ни было, нам стоит взглянуть на задержанного...

К удивлению обоих сыщиков, задержанный оказался классическим бомжем лет пятидесяти — невысоким, морщинистым и седовласым, — который, несмотря на предъявленное ему страшное обвинение, до их приезда мирно храпел в «обезьяннике». Разбуженный дежурным сержантом и доставленный на допрос в кабинет, он вяло протирал сонные глаза и имел крайне недовольный вид.

Гунин переглянулся с Александром, и тот едва

заметно пожал плечами. Однако владелец кабинета — лейтенант Ивченко — вел себя довольно самоуверенно.

— Вот, товарищ полковник, — напористо доложил он, — этот самый гражданин, не имеющий при себе никаких документов, был задержан охранниками на территории режимного предприятия в пьяном виде и передан нашим сотрудникам. На вопрос, как и зачем он проник на территорию, не отвечает...

— Почему не отвечаю? – хрипло удивился бомж. – Я ж говорил — отоспаться хотел, чтоб никто не мешал.

— Кроме того, — продолжал лейтенант, — на рукавах его куртки при визуальном осмотре были обнаружены многочисленные пятна крови. Алиби на вчерашнюю ночь не имеет.

— Почему не имею? — вновь прохрипел бомж. — Спал на скамейке, в сквере у магазина...

— Молчи, сурок хренов! — грозно прикрикнул на него Ивченко. — Отвечать будешь, когда тебя спросят.

— А вы отправили эти пятна на анализ? — поинтересовался у него Гунин.

— Ха! — снова встрял в разговор неугомонный бомж. — Да эти гниды мне полрукава отрезали. — И он вскинул правую руку, показывая огромную прореху в своей драной синей куртке с надписью «U.S.A. AIR FORCES».

— Результаты должны быть готовы через два дня, — показывая ему кулак, сообщил Ивченко.

— Вам раньше случалось задерживать этого гражданина? — снова спросил Николай Александрович.

— Нет, сегодня впервые.

Получив этот ответ, полковник переключил все внимание на бомжа.

— Как вас прикажете называть?

— Ха! — довольный вежливым тоном Гунина заулыбался бомж. — Димоном меня кличут...

— А полностью?

— Вадим Кондратьевич Симонов.

— Как вы попали на территорию закрытого ведомственного учреждения?

— Через канализацию.

— Что? Вот так просто? — удивился Гунин.

— А чего сложного? — в свою очередь удивился бомж. — Да под Москвой такая система канализации, что при желании даже в Кремль попасть можно!

— А откуда у вас кровь на рукаве?

— Да там в чем хочешь испачкаться можно, начиная от дерьма и кончая... — Тут Димон зачем-то живописно взмахнул рукой, и из его лохмотьев выскочила и тяжело покатилась по полу какая-то монета. Первым ее подобрал лейтенант Ивченко.

— Ого! — удивился он. — Кажись, золото, да еще старинное. Ты ее что, в дерьме откопал?

— У крысы отобрал, — то ли в шутку, то ли всерьез ответил бомж, — в зубах тащила, гадина.

Монета перешла в руки Гунина, а затем и Александра, который внимательно приглядевшись к изображению какого-то царя в высокой шапке и со скипетром в руках, неуверенно предположил, что это не кто иной, как сам Иван Грозный.

— Отдайте, — неуверенно попросил бомж, — это же я ее нашел...

— Где? — немедленно поинтересовались сыщики.

— Да все там же — в канализации.

— Ведите нас туда! — решительно потребовал Гунин.

— Может, сначала переоденемся? — неуверенно спросил Александр, красноречиво оглядывая свои новенькие, светло-голубые джинсы, но шеф был неумолим:

— Если не хочешь, можешь оставаться.

Через десять минут все четверо, сопровождаемые сержантом с автоматом и милиционером-водите-

лем, уже подходили к знакомому канализационному люку, находившемуся на проезжей части.

— Ну вот, а ты говоришь, убийца на машине уехал! — укоризненно заметил Гунин своему помощнику и распорядился: — Поднимайте люк.

Оба милиционера и лейтенант Ивченко, кряхтя и стыдливо проглатывая ввиду присутствия полковника непечатные выражения, кое-как поддели люк и сдвинули его в сторону.

— Позвольте, я первый, — вызвался Александр, поскольку милиционеры стояли не двигаясь и не выказывая ни малейшего желания лезть под землю.

— А как же твои джинсы? — усмехнулся шеф.

— Найду такую же монету Ивана Грозного — куплю еще сто пар, — сдержанно парировал Александр, начиная спускаться.

Как только он полностью скрылся, все остальные столпились на краю люка, с любопытством заглядывая внутрь.

— Что дальше? — глухо прозвучал снизу голос Александра.

— Тут впереди длинный тоннель с множеством ответвлений.

— Теперь давайте вы, — скомандовал полковник бомжу, — затем пойду я, а за мной лейтенант Ивченко. Вы двое, — обратился он к милиционерам, — останетесь снаружи и будете охранять люк.

Через пару минут Димон не слишком охотно полез вниз, Гунин последовал за ним. Тоннель освещался весьма тускло — загаженные лампы в проволочных сетках висели примерно через каждые пять метров.

— Мне идти вперед, Николай Александрович? — спросил Александр откуда-то издалека.

— Валяй, — согласился шеф и коснулся рукой стоявшего впереди бомжа, — а вы подсказывайте куда нужно свернуть, чтобы попасть на ту территорию, где вас вчера задержали.

Кстати, заодно постарайтесь вспомнить, где вы испачкались в крови и нашли свою монету.

— Хрен ли тут вспоминать, — недовольно буркнул Димон. — Это все рядом, минут десять пройти... Там еще дверь такая была странная — с эмблемой. Налево надо брать после пятого фонаря.

Вся процессия молча двинулась вперед, стараясь не ступать в многочисленные зловонные лужи и не пачкаться о стены, вдоль которых тянулись какие-то трубы. Идти действительно пришлось недолго; вскоре Александр по знаку бомжа резко свернул влево, и почти сразу из-за поворота послышался его голос:

— Николай Александрович!

Гунин и шедший вслед за ним Ивченко тоже свернули в это ответвление тоннеля и увидели явно обрадованного Димона, который указывал на стальную дверь, преграждавшую дальнейший проход.

— Вот она, эта дверь. За ней есть лестница, под которой та монета валялась. Я, кстати, о ее перила в крови и запачкался. Дальше там есть еще один люк, через который можно вылезти наверх. Только сейчас дверь почему-то заперта, а намедни была открыта...

— Ну и что будем теперь делать? — нетерпеливо спросил Александр после нескольких попыток выбить дверь плечом.

— А что вы там говорили про эмблему? — вдруг спросил Гунин, обращаясь к Мишуку.

— Так она же с другой стороны!

— Это понятно, но что за эмблема?

— Два глаза, причем один черный, а другой белый.

— Как это?

— Ну, один черный на белом фоне, а другой белый — на черном.

— А не врешь? — встрял в разговор Ивченко.

— На хрена мне это нужно? — искренне удивился бомж.

ГЛАВА 3

Шестнадцатый день эксперимента.

«...Подвал, коридор, дверь, эмблема — два глаза на черно-белом фоне, тоннель, осклизлые стены, тусклый свет, ведущая наверх лестница.

Необходимость приложить тяжелое усилие. Люк отодвинут в сторону, выход на поверхность открыт. Люк временно задвинут обратно.

Темнота, теплый воздух, тишина. Густые кусты, спокойствие, долгое ожидание. Постепенно гаснущие окна близлежащих домов.

Звонкий стук каблуков по асфальту, одинокая женская фигура в светлой одежде. Объект проходит мимо.

Быстрое приближение, объект оглядывается, испуганный вскрик, попытка бежать.

Догнать, свалить, подавить попытку к сопротивлению. Во избежание шума лишить объект возможности подавать звуковые сигналы.

Объект благополучно обездвижен, сопротивления больше не оказывает. Начинается основная часть операции — изучение внутреннего строения объекта.

Вскрытие прошло успешно — надрез глубокий, широкий, позволяющий свободно наблюдать внутренние органы. Кровь быстро выливается наружу и растекается по поверхности земли. Сердце слегка трепещет, на ощупь — гладкое, скользкое и горячее. Расположение и внешний вид остальных внутренних органов полностью соответствует анатомическому атласу. Ни малейших признаков одухотворяющей силы не обнаружено...

Сигнал к преждевременному прекращению операции. Оставление объекта и отход тем же путем. Тяжелое усилие, люк отодвигается в сторону. Лестница вниз, люк задвинут назад, тоннель.

Осклизлые стены, тусклый свет, дверь, эмблема — два глаза на черно-белом фоне, коридор, подвал...»

ГЛАВА 4

Предводителем московских диггеров оказался худощавый и весьма разговорчивый парень лет тридцати с мертвенно-бледным — разумеется, а каким же еще! — лицом и длинными черными волосами, заплетенными в небольшую косичку. Звали его Сергеем, хотя, представляясь обоим сыщикам, он назвал и свою «диггеровскую» кличку — Гробовщик.

— Подземная Москва, пожалуй, больше наземной, — увлеченно рассказывал он, — здесь есть ходы, вырытые еще во времена татарского нашествия и позднего средневековья, хотя, разумеется, лучше всего сохранились сталинские подземелья, поскольку именно тогда началось строительство метро и бомбоубежищ и стали бетонировать своды. Тот, кто хорошо ориентируется под землей — как я, например, поскольку уже много лет занимаюсь диггерством, — может войти с одного конца города, а выйти в другом конце. Правда, для этого местами придется идти метротоннелями, что возможно лишь в разгар ночи, — и все равно опасно. Вдруг зазеваешься и пропустишь время, когда включают ток...

Вообще, среди нас народу гибнет не меньше, чем у шахтеров! — с нескрываемой гордостью за собственное бесстрашие добавил он. — Сколько нашей братвы оказалось засыпано в древних штольнях, сколько замуровано в сталинских бункерах: войти сумели, а выйти нет. А еще ядовитые укусы тварей-мутантов, ядовитые газы, ядовитая канализация, в которой есть такие жидкости, что прожигают руку до кости.

Но зато сколько всего интересного можно найти по пути! В районе Замоскворечья, например, хорошо сохранились два лежащие обнявшись скелета мужской и женский. По остаткам вещей, валявшихся рядом с ними, мы определили, что эти любовники спустились в подземелье, спасаясь от пожара

Москвы 1812-го года, но, видимо, заблудились и не смогли выбраться обратно. В другом месте сразу у входа начинается целая пещера, где лежит скелет лошади, которую, судя по всему, еще в девятнадцатом веке съели бродяги. Вообще, скелетов там полно...

— Так вас больше всего скелеты интересуют? А как насчет привидений и мутантов? — с нескрываемой иронией поинтересовался Александр.

Гробовщик имел определенное сходство с гоголевским Ноздревым, поскольку мгновенно и охотно поддерживал любую, даже самую фантастическую версию.

— Сколько угодно! — мгновенно откликнулся он. — И вы напрасно усмехаетесь — их видели многие мои товарищи. Если вас интересуют призраки, то среди них особенно знаменито привидение комсомольца-метростроевца, который погиб в результате несчастного случая при прокладке первой линии метро. Начальство побоялось ответственности и приказало замуровать его тело в бетон на перегоне между «Сокольниками» и «Красносельской.» Но, вообще-то, призраки чаще встречаются в древних подземельях, а в сталинских больше мутантов.

— Каких еще мутантов?

— Ну, про диковинных крыс, тараканов и собако-кошек даже говорить скучно — в подземельях их тьма-тьмущая. Кстати, крысами и собако-кошками мы их условно называем — поди, разберись, что это за чудища. Но то, что в районе Таганки живет подземный человек, который никогда в жизни не выходил на поверхность, за это я головой ручаюсь!

— А дьявола вы там не видели? — усмехнулся Александр, на что Гробовщик лишь укоризненно покачал головой.

— Ладно, ладно, — вступил в разговор полковник Гунин, который пригласил диггера на беседу по предложению своего неугомонного помощника

и теперь явно начинал жалеть о потраченном времени, — а как насчет кладов?

— Сам-то я их не находил, за исключением отдельных ценных вещей, — несколько замялся Гробовщик, явно опасаясь уточняющих вопросов, — но среди нашей братвы ходит немало разных слухов...

— Например?

— Например, что где-то в районе Тверской находится клад генерал-губернатора Москвы Растопчина, который он зарыл перед приходом французов. Сам я почти уверен, что в районе Кремля может находиться и золото партии, которое КПСС в свое время якобы переправило за границу. Но зачем переправлять, если можно спрятать прямо под ногами, да еще так, что никто не найдет? Вообще-то, кладами больше интересуется КГБ, то есть теперь ФСБ, а с ними нам стремно конкурировать. Есть слух, что именно они в свое время нашли большой клад времен Ивана Грозного и теперь тратят его на личные утехи, при этом официально жалуясь на недофинансирование со стороны государства.

Гунин и Александр удивленно переглянулись, сразу вспомнив о золотой монете бомжа.

— А что вы можете сказать про одно из зданий в районе «Гуляй-поля»? — спросил полковник и подробно описал его местонахождение.

— Так это же одна из вотчин КГБ, — мгновенно откликнулся Гробовщик, — таких в городе всего три: вторая на шоссе Энтузиастов, а третья на Полянке. Кстати, именно возле них по канализации чаще всего и бродят всякие монстры. Возможно, что один из них и освежевал вашу красотку. Ведь вы меня ради этого дела вызвали, не так ли? — проницательно добавил он.

— А чем занимаются в этих вотчинах? — вопросом на вопрос ответил Александр.

— А черт его знает! Эксперименты какие-то ставят. Мы туда стараемся не соваться, а то еще поймают и запрут в какую-нибудь подземную лаборато-

рию для своих опытов, и ни одна живая душа не сыщет. Или просто запретят наше движение и начнут гонять каким-нибудь подземным ОМОНом.

— Ты где-нибудь видел эмблему в виде двух глаз — черного на белом фоне и белого на черном?

— Нет, не видел, — покачал головой Гробовщик, — а что за эмблема?

— Сам не знаю, — честно признался Александр. — Ну ладно, как говорится, спасибо за интервью.

— Ну и много ты извлек из этих диггеровских страшилок? — поинтересовался полковник, как только посетитель, громко стуча коваными каблуками, покинул кабинет.

— Много — не много, зато теперь мы знаем главное: нам надо проникнуть в это здание с обыском! Тем более что именно туда ведут следы убийства мадемуазель Шнурковой.

— Ну, во-первых, насчет следов — это вопрос спорный, во-вторых, я сомневаюсь, что нам это удастся, — покачал головой Гунин.

— Тогда давайте попробуем еще раз забраться через подземный ход, — азартно предложил Александр. — Ведь бывают же такие случаи, когда эта стальная дверь оказывается открытой? Или — еще лучше! — устроим возле люка постоянную ночную засаду на мутанта.

— Еще чего выдумал! Впрочем, пожалуй, я все же попытаюсь кое-что разузнать...

— Вот это забавно! — весело восхитилась молодая женщина по имени Ольга, сняв телефонную трубку и услышав в ней голос Александра. — Два месяца не звонил, но стоило моему мужу уехать в командировку, и он тут как тут! Как, интересно, ты об этом узнал?

— Интуиция подсказала, — самодовольно усмехнулся молодой сыщик, который давно и тщетно ухаживал за этой двадцатишестилетней красавицей с длинными каштановыми волосами и томными зе-

леными глазами. — У влюбленных, знаешь ли, очень развито это чувство...

— А ты в меня все еще влюблен? — кокетливо поинтересовалась Ольга.

— И все еще надеюсь, что ты разведешься!

— «Увы, мой друг, твои надежды тщетны...», — пропела она, но тут же, словно не желая портить собеседнику настроение, лукаво поинтересовалась: — А чего позвонил? Какое-нибудь интересное дело?

— И даже очень! — немедленно заверил Александр. — Но расскажу только за ужином. Ресторан «Тамада» рядом с метро «Гуляй-поле» знаешь?

— Вам что, в милиции зарплату повысили или ты начал брать взятки?

— О нет, я всего лишь выиграл в одной из телевизионных игр, сумев ответить на вопрос, как звали первого президента России Бориса Николаевича Ельцина...

Через несколько часов они уже сидели друг напротив друга за скромно накрытым столиком. Широко распахнув изумрудные глаза и даже забыв пользоваться вилкой, которую она очень изящно держала своими наманикюренными пальчиками, Ольга внимательно выслушала рассказ Александра.

— Как видишь, история почти как в «Секретных материалах», — многозначительно заключил он. — Таинственные исследования на государственном уровне и вырвавшийся на волю чудовищный мутант.

— Ну да, — очнувшись от задумчивости, насмешливо прокомментировала она, — а ты, как агенты Малдер и Скалли, готов идти на нечистую силу с кольтом сорок пятого калибра в руке. Вам что там, на Петровке, делать нечего? Чем преследовать неведомых чудовищ, лучше занялись бы собственными мутантами.

— Что ты имеешь в виду? — не понял Александр.

— Ты в каком звании?

— Старший лейтенант, а что?

— А у тебя есть «Гранд-чероки» двухтысячного года выпуска?

— С ума сошла? Он же стоит не меньше пятидесяти штук баксов!

— Правильно! А знаешь, почему у тебя его нет? Не мучайся, сама отвечу — потому, что ты нормальный человек. А вот некоторые из ваших мутантов, пребывая в таких же званиях, преспокойно разъезжают на подобных тачках. Представляешь, сегодня прочла в газете: «Разыскивается пропавший без вести сотрудник РОВД, старший лейтенант такой-то. Три дня назад он уехал на работу на «Гранд-чероки» двухтысячного года выпуска, и с тех пор никто его не видел». Не слабо, да?

— В семье не без мутанта, — невесело пошутил Александр. — Кстати, ты знаешь, почему я привел тебя именно в этот ресторан?

— Потому, что тот, что находится через дорогу, в два раза дороже? — улыбаясь, предположила Ольга.

— Нет, не только... Просто убийство произошло во дворе этого самого дома, где мы сейчас находимся, а забор той загадочной конторы, о которой я тебе рассказывал, начинается в пятидесяти метрах отсюда.

— Ты серьезно?

— А что тебя так удивляет?

— То, что меня удивляет, сейчас удивит и тебя, — загадочно пообещала Ольга, быстро отпивая глоток из своего бокала. — Недавно у меня был один клиент, который пришел в наше сыскное агентство с довольно нелепой просьбой...

— Ну и что?

— А то, что несколько дней назад мы случайно проезжали по этой улице. — Она указала пальцем в окно. — И он вдруг заявил: «А вот здесь я работаю» — и показал на то здание, о котором ты говорил!

— Прекрасно! — обрадовался Александр, неосторожно роняя свой бокал на скатерть. — Мне надо обязательно с ним познакомиться!

— Ты сменил ориентацию или я тебя больше не интересую? — лукаво поинтересовалась Ольга.

— Ни то, ни другое, — тем же тоном ответил Александр и, глядя ей в глаза нахально добавил: — И могу доказать это сразу после ужина!

— Верю на слово. — Молодая женщина явно забавлялась собственным кокетством. — Но учти, этот тип — весьма странная личность.

— Чем именно?

— Сейчас расскажу...

ГЛАВА 5

Этот странный маленький, но жилистый человечек с некрасивым и неприятным личиком, всеми своими повадками и ужимками напоминавший дрессированного шимпанзе, явился в офис частного сыскного агентства «Мартис» с весьма необычной просьбой, выяснить, не завела ли себе нового поклонника его бывшая жена.

— Зачем вам это нужно? — поинтересовалась Ольга перед заключением договора.

Такой, достаточно невинный, на ее взгляд вопрос поставил клиента в совершенный тупик. Он смутился и начал было бормотать что-то невнятное, но затем вдруг остановился и зло спросил:

— А какая вам, собственно, разница? Неужели я обязан объяснять причину?

— Вообще-то нет, но вдруг вы потом захотите... Как бы это помягче выразиться... навредить своей бывшей супруге.

— Проще говоря, вы боитесь, что я приревную ее к какому-нибудь ничтожеству и пойду на убийство?

Ольга не ответила, продолжая внимательно наблюдать за клиентом, который упорно не поднимал на нее глаз.

— Не бойтесь, — наконец усмехнулся он. — Я для этого слишком умен.

— Но тогда зачем...

— Это не важно!

Впрочем, она уже и так поняла причину. Очевидно, жена бросила этого озлобленного на весь мир бедолагу, и теперь ему было очень плохо и одиноко. Не в силах утешиться ничем иным, он, видимо, решил, что ему станет легче, если окажется, что бывшая жена так же несчастна и одинока, как и он сам.

Однако в результате недолгой слежки за этой худенькой, скромно одетой и довольно невзрачной женщиной, Ольга поняла, что ничем не сможет порадовать своего клиента. Более того, у него даже будет повод для еще большей озлобленности!

Наблюдая и периодически фотографируя из окна машины его бывшую жену, гулявшую под руку с каким-то невысоким, округлым джентльменом с солидными очками на не менее солидном носу, Ольга мучительно пыталась вспомнить, где она могла его видеть? Разгадка пришла в тот же вечер, когда после выпуска новостей на одном из телеканалов появился этот самый джентльмен и, разводя руками, как начинающий пловец, над картой циклонов и антициклонов, принялся рассказывать о погоде и одновременно о достоинствах какой-то охранной системы сигнализации!

Когда Ольга рассказала клиенту о результатах проведенного расследования и выложила перед ним на стол фотографии, он побледнел и задрожал так, что на него стало жалко смотреть. Более того, из глаз закапали слезы, после чего он глухо извинился и полез за носовым платком, но так и не смог его найти, а потому принялся вытирать глаза рукавом изрядно поношенного пиджака.

Зрелище было настолько душераздирающим, что Ольга невольно почувствовала жалость к этому маленькому, но так глубоко страдающему человечку.

— Послушайте, Аркадий Сергеевич, — как можно мягче сказала она, доставая из вскрытой упаковки бумажный носовой платок и протягивая его

через стол, — право же, не стоит так убиваться. Я где-то читала интервью с этим метеорологом, в котором рассказывалось, что он давно женат и имеет уже взрослых детей...

Однако это утешение оказалось крайне неудачным, поскольку человечек взвыл еще сильнее, и тогда Ольга решила попробовать другое, более радикальное средство.

— Знаете, что я вам посоветую? — сказала она и, дождавшись заинтересованной паузы в рыданиях, продолжила: — Чтобы хоть немного утешиться, вам надо, как это говорилось в старинных романах, погрузиться в пучину разврата. Да-да, и вы зря так удивленно на меня смотрите. Есть такой старый закон диалектики — переход количества в качество. Проще говоря, рано или поздно наступит такой момент, когда вы оглянетесь назад и, вспомнив множество очаровательных, веселых и легкодоступных женщин, которые побывали в ваших объятиях и которым вы жаловались на свое «разбитое сердце», поймете, что не променяли бы эти воспоминания на любовь, которая связала бы вас цепями брака и лишила знакомства со всеми этими прелестницами.

— Я где-то читал, что совет кардиналов римско-католической церкви собрался однажды, чтобы решить вопрос о том, есть ли у женщин душа, — всхлипывая и болезненно морщась, быстро заговорил человечек.

— Ну и что они решили? — заинтересовалась Ольга.

— Они голосовали, и с небольшим перевесом победила точка зрения, что душа все-таки есть. Но поскольку перевес голосов был незначительным, то окончательное решение оказалось таковым: да, душа есть, но очень маленькая.

«Ну что ж, — подумала она про себя, — если тебя утешит этот анекдот, то ради Бога...»

— И вот из-за этой маленькой, дрянной и жалкой душонки происходят огромнейшие несчастья!

— Аркадий Сергеевич! — упрекнула Ольга. — Вы забываете, что я все-таки тоже женщина.

— Извините, но в данном случае я не имел в виду присутствующих, — поправился он, — тем более что вы очень красивы...

— Спасибо.

— Но меня удивляет другое. Почему-то принято считать, что женщины — это существа, более тонко, чем мужчины, чувствующие, и именно поэтому они так часто любят гениев, пусть даже таких уродливых и безобразных, как Сократ или Паганини. Ложь все это! — Последнее восклицание прозвучало негромко, но весьма категорично. — Больше всего женщины любят не гениев, а кумиров, то есть ту серую посредственность, которая у всех на слуху. Да разве пример моей бывшей супруги, изменившей мне с этим синоптиком, не показателен? Именно кумиры из кожи вон лезут, чтобы где-то постоянно мелькать, светиться, суетиться, в то время как подлинные гении не любят суеты, предпочитая покой и уединение... Ну и как женщины смогут узнать об этих гениях, чтобы оценить их и полюбить? Как, я вас спрашиваю?

«Ну и тип! — решила Ольга. — Однако с ним все ясно — типичный случай из практики фрейдизма. Гремучая смесь из неудовлетворенной сексуальности и мании величия. Интересно, чем это он занимается, что считает себя непризнанным гением? Графоманствует, пишет трактаты об устройстве мироздания или носится с проектом вечного двигателя? Впрочем, не все ли мне равно? Как бы от него поскорее избавиться, а то еще начнутся бесконечные душеизлияния...»

— Знаете что, — предложила она, вставая со своего места, — мой рабочий день уже закончен, поэтому давайте я отвезу вас домой. Вы где живете?

— Набережная Прибоева-Новикова, — удивленно отвечал Аркадий Сергеевич.

— Ну вот и отлично, мне как раз надо в Залихват-

ское, — солгала Ольга. — Поехали, а по дороге вы мне расскажете, чем занимаетесь и где работаете...

— А почему это вас интересует? — с неожиданной подозрительностью спросил собеседник.

— Да потому, что вы интересный человек, и мне было очень любопытно с вами беседовать.

— Правда?

— Даже не сомневайтесь, — заверила Ольга. Повесив на плечо сумку и взяв собеседника под локоть, она слегка подтолкнула его к двери. — Вы, наверное, писатель или ученый?

— Ученый.

— А в какой области?

— Я занимаюсь междисциплинарными исследованиями на стыке психологии, нейрофизиологии и кибернетики.

— И что именно изучаете?

— Проблемы разума и самосознания.

«Ну конечно, такого интроверта, как ты, интересует лишь собственное «Я»!»

Разговаривая, они вышли из здания и приблизились к машине Ольги — новенькой «Ладе» темно-коричневого цвета. Она села первой и открыла ему дверцу.

— Садитесь, Аркадий Сергеевич, и не забудьте пристегнуть ремень.

Через минуту «Лада» тронулась с места, выехала на улицу и влилась в поток машин. Ольга молчала, чувствуя на себе недоуменные взгляды собеседника, который явно не понимал, почему она прекратила свои расспросы. Наконец, не выдержав, он заговорил сам:

— В данный момент я провожу интереснейшие опыты по созданию самосознающего сверхразума или, если хотите, суперинтеллекта.

— Я так понимаю, что речь идет об искусственном интеллекте? — исключительно ради поддержания разговора спросила Ольга, внимательно следя за дорогой.

— Не совсем искусственном, но и не совсем естественном, — немедленно откликнулся непризнанный гений, — здесь все гораздо сложнее... Вот, кстати, сейчас мы проезжаем мимо моей работы.

Ольга небрежно глянула в окно и увидела особняк сталинской эпохи, стоявший между двух флигелей в глубине двора, огороженного высокой металлической оградой. Притормозив у светофора, она бессознательно сделала привычное движение — немного подтянула узкую в бедрах юбку, чтобы легче было управляться с педалями. И тут произошло нечто забавно-неожиданное: стыдливо скользнув похотливым взглядом по ее красивым, загорелым бедрам, Аркадий Сергеевич заелозил в кресле и вдруг предложил:

— Если хотите, я как-нибудь смогу провести вас в свою лабораторию, чтобы показать нечто необычное, чего вы никогда и нигде не видели.

— Мне это было бы очень интересно, — незаметно усмехнувшись, отозвалась Ольга, от которой, разумеется, не ускользнули как перемена настроения собеседника, так и вызвавшая ее причина.

— Более того, — понизив тон до таинственного шепота, пообещал Аркадий Сергеевич, — я даже покажу вам будущего носителя суперинтеллекта!

«Надеюсь, что это он не себя имеет в виду...»

ГЛАВА 6

Верный своему слову, Николай Александрович Гунин действительно попытался выяснить, что же на самом деле происходит в этом таинственном здании и к какому ведомству оно вообще относится. Однако все это оказалось очень сложным делом. Обращение в Федеральную службу безопасности было унизительно-бесполезным; там традиционно не любили «продажных ментов», а потому, внимательно выслушав полковника, отказались давать какие-то справки, сославшись на «государственную тайну».

Тогда Гунин оформил официальный запрос на имя руководства МУРа: «Прошу оформить допуск на территорию находящегося по указанному адресу учреждения на предмет выяснения некоторых подозрительных обстоятельств, относящихся к проводимому мною расследованию убийства».

Как ни странно, но официальный ответ пришел не откуда-нибудь, а из секретариата Совета безопасности. Он был вежлив, но категоричен и, в сущности, сводился к ехидному замечанию: «Куда лезешь, мент, не твоего это ума дело». Особенно убедительно выглядела ссылка на то, что «деятельность данного учреждения курируется секретарем Совета безопасности при президенте Российской Федерации».

Раздосадованный полковник решил прибегнуть к последнему средству и попытался хоть что-нибудь разузнать через своего старого знакомого, работавшего в одной из самых засекреченных властных структур. Но и здесь его ждала неудача: по словам этого человека, о существовании данного учреждения он впервые узнал из уст самого Гунина.

Поняв, что шеф зашел в тупик, Александр твердо решил действовать самостоятельно. Дождавшись позднего вечера, он медленно побрел вдоль металлической ограды, огибая кусты и пытаясь найти хоть какую-то лазейку. Порой ему даже приходила в голову мысль воспользоваться альпинистским снаряжением, закинуть крюк и перемахнуть через ограду в каком-нибудь укромном месте.

Примерно час ушел на то, чтобы не спеша обойти всю территорию по наружному периметру. Теперь диспозиция стала окончательно ясна: спереди проходила оживленная улица, а с левого бока — дорога, по другую сторону которой находился тот самый жилой дом, возле которого произошло убийство. Справа все было засажено кустами, за которыми высилась многоэтажная башня еще одного жилого дома. Наконец, с задней стороны простирался замусоренный пустырь, от которого начинался за-

бор какой-то строительной фирмы. Как ни фантастично это выглядело, но не то чтобы ворот — ни малейшей калитки в ограде не было!

Александр был крайне заинтригован и озадачен этим невероятным обстоятельством. Вдобавок ни в одном из окон основного здания или флигелей не горел свет.

— Что за чертовщина! — пробормотал молодой сыщик, закончив свой обходной маршрут и вновь оказавшись неподалеку от места убийства, рядом с какой-то каменной будкой примерно того же возраста, что и все близлежащие строения.

«Можно подумать, что сотрудники этой конторы такие худенькие, что проходят сквозь прутья ограды! Или же пользуются какими-то подземными ходами, вроде того, что ведет из канализации... Но ведь это же бред! Каждый день ходить на работу по подземному ходу... Впрочем, почему каждый день? Может, там налажена система... нечто вроде вахтового метода — заходят туда, месяц живут и работают, а затем их сменяют другие... Но нет, это все маловероятно!»

Расхаживая по дороге, Александр настолько погрузился в размышления, что перестал обращать внимание на окружающее, и именно это помешало ему заметить одно многозначительное обстоятельство — он сам уже давно стал объектом наблюдения...

И тут ему вспомнился один из голливудских боевиков, в котором грабили банк. «Ага! — сказал он себе. — Да ведь это же почти идеальная система охраны! Вся огороженная территория поставлена под контроль специальной системы сигнализации, реагирующей на изменение объема. Таким образом, в случае проникновения человека — например, перелезшего через ограду, — он будет немедленно обнаружен. А контролировать подземные ходы гораздо проще, чем наземную территорию... Да, но как же туда проник этот чертов бомж... как там его... Димон? Сигнализация оказалась отключенной, а подземная

дверь открытой? Возвращавшийся с прогулки монстр забыл запереть ее за собой? Ну и чертовщина!»

Александр тяжело вздохнул и покачал головой.

«В любом случае, единственно логичное решение состоит в том, что должен быть какой-то подземный ход, и явно не из вонючей канализации, куда мне снова лезть очень даже не хочется... Но тогда откуда он может идти? Из близлежащих домов?.. Но это обычные жилые здания, там даже нет никаких контор, кроме ресторана, в котором я был с Ольгой. Неужели прямо из метро? Но как это возможно? Кроме того, эта станция была построена лишь в семидесятые годы...»

Услышав тяжелые шаги, он вскинул голову и увидел приближающегося человека. Это был коренастый, почти лысый мужик с едва заметным «ежиком» по бокам головы и неприятным выражением «типичного лица» боксера — плотно прижатые уши, низкий лоб, широкий приплюснутый нос, оттопыренные губы.

— Закурить не найдется? — спросил он таким тоном, что Александру тут же пришла мысль: похоже, лысому от него не сигарета нужна. Эту мысль немедленно сменила вторая — а вдруг это и есть тот самый монстр, тем более что именно с такой внешностью играют в кино роли киллеров!

Однако старая привычка взяла свое, и он машинально полез в карман за сигаретами. Не обнаружив пачки, Александр виновато улыбнулся и пожал плечами.

— Кончились...

Лысый молча двинулся дальше и через несколько минут свернул за угол. После недолгого колебания Александр последовал за ним, постепенно убыстряя шаг, однако когда он выскочил на улицу, лысого уже нигде не было видно. Чертыхнувшись, молодой сыщик решил перейти на другую сторону, чтобы купить сигарет в ночном магазине. Пройдя вдоль газона и свернув к «зебре», он стал нетерпеливо ждать зеленого сигнала светофора.

В следующую минуту его спасло то ли чудо, то ли хорошо развитая интуиция! Как бы то ни было, но когда он случайно оглянулся, то увидел что к нему бежит невесть откуда взявшийся лысый — наверное, до этого момента он прятался за остановкой — с явным намерением «пристроить» его под ближайшую машину.

Однако не этой, уже разогнавшейся туше, было состязаться в быстроте реакции с молодым и проворным сыщиком. Александр ловко уклонился от прямого контакта, в результате чего лысый с разбега уперся обеими ладонями в борт отчаянно взвизгнувшего тормозами «рафика», с трудом сохранил равновесие и тут же побежал через дорогу, уворачиваясь от встречных машин. Не обращая внимания на бешено-матерные вопли водителя «рафика», Александр уже хотел было погнаться за своим несостоявшимся убийцей, но тут же понял, что это бесполезно. Добежав до противоположной стороны улицы, лысый проворно сел в стоявший у бровки черный джип, и машина тут же рванула с места.

— Вы, чудаки, во что вы тут играете? — продолжал возмущаться водитель.

— Все нормально, мужик, езжай дальше, — рассеянно махнул ему Александр и, забыв о сигаретах, быстро пошел назад— к тому самому месту, где он впервые столкнулся с лысым. Его подгоняло смутное ощущение, что все это было неспроста...

Он еще только подходил к будке с задней стороны, когда вдруг услышал, как негромко стукнула металлическая дверь. Двумя прыжками Александр оказался перед ней и, вцепившись в ручку, потянул на себя. Разумеется, дверь не поддалась, но Александр был готов поклясться чем угодно: только что туда кто-то вошел. На двери имелся кодовый замок.

И тут его в очередной раз осенило. Александр сошел с тротуара на дорогу и медленно двинулся вдоль ограды, внимательно всматриваясь в темные окна таинственного особняка. Как только в одном из окон

ненадолго вспыхнул свет, он даже вскрикнул от радости.

Впрочем, радоваться было рано — прямо на него неслась машина с включенными фарами. Александр метнулся в сторону и спрятался за бетонным столбом уличного фонаря. Машина затормозила, и из нее тут же выскочили два милиционера с автоматами наперевес.

— Стоять! — грозно закричал один из них. — А ну, подними руки!

Александр послушно выполнил приказание. Через мгновение его за шиворот подтащили к машине и заставили лечь грудью на капот.

— Спокойно, мужики, я свой, — негромко сказал он, — мое удостоверение во внутреннем кармане куртки.

— Какой еще, к черту, свой, — злобно огрызнулся один из милиционеров, в котором Александр узнал сержанта из местного отделения. Он видел его в тот день, когда они вместе с шефом и бомжем осматривали канализацию.

— Я хорошо знаю вашего оперативника Ивченко, — спокойно продолжал Александр, — мы с ним ведем совместное расследование убийства Александры Антоновны Шнурковой. Ну, успокоились, наконец?

Услышав знакомые фамилии, сержант кивнул своему напарнику, и тот поднял Александра с капота.

— Покажите удостоверение, — явно смягчившись, попросил он, а когда Александр выполнил эту просьбу, сдержанно извинился: — Простите, товарищ старший лейтенант, но нам поступил сигнал от жителей близлежащего дома о подозрительном человеке, который уже час бродит по двору.

— Мужчина звонил или женщина? — поинтересовался Александр, убирая удостоверение.

— Мужчина... А что?

— Нет, ничего, — ответил сыщик, подумав про себя, что наверняка знает этого неизвестного заявителя.

Как только милицейский «газик» отъехал, Александр снова метнулся к ограде и впился взглядом в здание, но окно уже погасло.

В этот момент у него в кармане затренькал мобильник. Удивленный столь поздним звонком — а шел уже первый час ночи, — Александр поднес трубку к уху.

— Алло.

— Ты еще не спишь? — послышался голос Ольги.

— Нет, — усмехнулся он, — совершаю вечерний моцион.

— В таком случае, я не буду извиняться за поздний звонок, а сразу тебя обрадую...

— Все понял, уже еду!

— Дурак! — засмеялась Ольга. — Я тебе приеду! Короче, я сумела обольстить своего клиента, о котором уже рассказывала, и теперь он горит желанием устроить мне экскурсию по своей лаборатории.

— Вот и славно! — обрадовался Александр. — Надеюсь, ты не сказала ему, что экскурсия будет групповой? И, кстати, я уже, кажется, знаю, откуда она начнется...

ГЛАВА 7

— Здравствуйте, милая Ольга, очень рад вас видеть, — залебезил маленький человечек, открывая металлическую дверь и впуская девушку внутрь. — Осторожно, здесь начинаются ступеньки, которые ведут вниз.

— Ничего, ничего, я вижу, — отозвалась она, с любопытством оглядывая пустое помещение, единственной достопримечательностью которого была довольно широкая и массивная лестница, сооруженная прямо в центре цементного пола. — Куда вы меня ведете, Аркадий Сергеевич, в подземный бункер?

— О нет, это всего лишь подземный ход, через который можно попасть на территорию. Извините,

что предлагаю вам этот путь. Он хотя и не самый презентабельный, зато самый короткий. Извольте следовать за мной.

— Охотно, — откликнулась Ольга и, цокая каблуками, спустилась вниз, где находился достаточно просторный, но самый заурядный коридор, освещенный лампами дневного света.

— Главное, что в конце этого коридора нам не нужно будет подниматься пешком, поскольку там есть эскалатор, — пояснил Аркадий Сергеевич, идя рядом с девушкой, которая была выше его примерно на полголовы.

— А там, куда вы меня ведете, еще кто-нибудь будет? — самым невинным тоном поинтересовалась она.

— Нет, практически нет, — после недолгой заминки ответил собеседник. — А вы чего-нибудь опасаетесь?

— Ну, что вы. — И она сопроводила свой ответ самой обворожительной улыбкой, которая не осталась без внимания — человечек явно приободрился, а в его движениях и тоне голоса даже появилась некая самоуверенность.

Через несколько минут они действительно оказались у подножия небольшого эскалатора. Аркадий Сергеевич нажал кнопку, вделанную прямо в стену, и они плавно вознеслись наверх, на небольшую площадку, перегороженную еще одной стальной дверью.

— Извините, — пробормотал человечек, становясь так, чтобы загородить от девушки свои манипуляции с кодовым замком довольно сложной системы. Ольга успела заметить, что, помимо обычного кодового ключа, Аркадий Сергеевич на несколько секунд положил свою ладонь на гладкую, темную поверхность. Как только она осветилась, дверь тихо загудела и медленно поползла в сторону.

Ольга первой вошла в небольшой «предбанник», где находился стол с телефоном, пультом, мони-

тором и несколькими стенными шкафами, после чего тут же повернулась и ласково позвала:

— Аркадий Сергеевич!

— Что? — обернулся было ее спутник, намеревавшийся закрыть дверь.

— А вот что! — И прямо в его утиный нос зашипела тонкая, но сильная струя аэрозоля.

Как только ученый потерял сознание, Ольга подхватила его под мышки и осторожно уложила на пол. Затем, действуя четко отлаженными движениями, достала из сумки моток бечевки и скотч. После трехминутный возни человек стал похож на туго спеленатого младенца. К тому моменту он уже успел очухаться и теперь следил за Ольгой со все возрастающим недоумением.

— Ребята, вперед! — коротко скомандовала она по мобильному телефону и склонилась над пультом. — Надеюсь, я нажала нужную кнопку?

— Порядок, — ответил голос Александра, — через пять минут мы у тебя.

Пока она покуривала тонкую ментоловую сигарету и успокаивала своего «младенца», сквозь приоткрытую дверь в помещение проникли оба сыщика.

— Ох, друзья мои, — тяжело вздохнул полковник Гунин, увидев на полу Аркадия Сергеевича, — в какую жуткую авантюру вы меня втянули! Он хоть не простудится?

— Ничего с ним не будет. — Александр ловко поднял человечка, развязал ему ноги и отлепил скотч.

— Кто вы такие и что вам надо? — испуганно взвизгнул Аркадий Сергеевич.

— Московский уголовный розыск. — Николай Александрович не стал затруднять себя предъявлением удостоверения. — Мы с моим помощником занимаемся расследованием одного зверского убийства, совершенного в тридцати метрах от ограды вашего заведения. Следы преступника ведут на его территорию, поэтому мы и решили все осмотреть.

— Что за чушь! — фыркнул человечек. — А поче-

му нельзя было действовать законными методами? Есть же такая вещь, как ордер...

— Долго рассказывать, — коротко ответил полковник, — лучше проводите нас в свою лабораторию. Тем более что девушка, — и он кивнул на Ольгу, — пришла сюда именно за этим. Итак, вы согласны?

— А куда я денусь? — криво усмехнулся Аркадий Сергеевич, бросив злой взгляд в сторону Ольги. — Только руки развяжите, а то с непривычки очень уж мучительно...

— Пожалуйста, — кивнул Александру Гунин.

Аркадий Сергеевич быстро размял затекшие кисти, после чего подошел ко второй двери, открыл ее и жестом пригласил всех войти.

Трое «мучителей» последовали за ним и, пройдя недлинный коридор, оказались в лаборатории, которая, судя по отсутствию окон, находилась в подвале основного здания.

Оборудование этой большой комнаты напоминало фантастические фильмы Голливуда: стерильная белизна, множество приборов, какие-то странные отсеки и непонятные датчики.

«Чтобы понять, чем же на самом деле занимается эта лаборатория, нужно иметь звание не ниже члена-корреспондента Академии наук», — разочарованно подумал Гунин.

Тут он заметил странную капсулу, по форме напоминавшую барокамеру, сбоку которой имелось затемненное окно. Сначала Николай Александрович попытался было заглянуть внутрь, потом понял, что ничего не увидит, и поискал какой-нибудь выключатель. Найдя его, он нажал кнопку, но как только внутри капсулы вспыхнул свет, полковник невольно отшатнулся, а затем подозвал своих спутников.

В капсуле лежал обнаженный молодой человек не старше двадцати лет с белой повязкой на голове! Лицо было повернуто в сторону наблюдателей, глаза полуприкрыты. Труп? Пожалуй, нет. Слишком

живым и свежим он выглядел... Спящий? Но разве можно спать в такой мертвенной неподвижности? Замороженное тело?

Последнее было наиболее вероятно, поскольку в капсуле имелся термометр, показывавший температуру всего около пяти градусов по Цельсию. Застыв у окна, Гунин озабоченно всматривался в красивое лицо лежащего юноши и терялся в догадках. Перед ним была ТАЙНА, но тайна, выходившая далеко за рамки всех тех «сыскных» дел, которыми он занимался прежде. Ольга и Александр, краем глаза стороживший исследователя, были изумлены не меньше полковника.

— Ну-с, — обратился он к человечку, который явно наслаждался произведенным эффектом, — вас не затруднит дать нам некоторые объяснения?

— Разумеется, — кивнул тот, снова взглянув на Ольгу, правда, на этот раз победным взглядом.

— Кто этот обнаженный красавец?

— Подопытный экземпляр. Точнее, то, что от него осталось.

— Поподробнее, пожалуйста! — потребовал Гунин.

— Этот юноша попал в автомобильную катастрофу, в результате которой получил необратимые повреждения отдельных участков головного мозга, несовместимые с его функционированием как человеческого существа. Проще говоря, он мог бы прожить несколько лет прикованным к специальной аппаратуре, но не проявляя ни малейших признаков сознания. Таких еще называют «трупами с бьющимся сердцем». Однако на первом этапе эксперимента мне удалось сделать почти невозможное: я вживил в его мозг несколько биоэлектронных плат, благодаря которым он смог обходиться без всякой аппаратуры!

— И что дальше? — зачарованно произнесла Ольга.

— А дальше мне предстояло решить вопрос, как снова сделать из него сознательное существо. Эксперимент должен был проводиться в три этапа и

занять не один день. На первом этапе я предполагал ввести в мозг двойника биографические данные, чтобы он был в состоянии отвечать на вопросы типа «кто ты?» Введение информации должно было осуществляться разными путями — зрительные образы, тактильные ощущения, звуковые сигналы. Но главным способ, на который я возлагал особые надежды, было облучение мозга особыми микроволнами, несущими закодированную информацию. После внедрения в его мозг значительного количества информации я предполагал перейти к самому главному — введению механизма саморефлексии, в результате которого он уже должен был не просто что-то знать, но и знать, что он знает, обладать самосознанием. Если бы все прошло именно так, как планировалось, то именно этот момент можно было бы считать моментом пробуждения феномена «Я». Вот только что это будет за самосознание, я не знал.

— Что же у вас получилось?

— Увы, уже после первой стадии объект стал проявлять смутное беспокойство, постоянно бродил по комнате с широко раскрытыми, но ничего не выражающими глазами, не реагировал ни на какие вопросы и всячески стремился избежать новых сеансов обучения. Приходилось даже привязывать его к столу, чтобы иметь возможность воздействовать на него хотя бы одним из вышеперечисленных способов.

Так и не добившись никакой реакции на самые элементарные вопросы, я все-таки перешел ко второму этапу. Но тут юноша впал в тихое бешенство — стал срывать с себя любые датчики, пытался грызть первые попавшиеся предметы и даже катался по полу в приступах чего-то похожего на эпилепсию. Я замедлил темп обучения, и он немного успокоился, хотя по-прежнему стремился уклониться от новых потоков информации, особенно той, которая поступала с помощью звука и микроволн. Чтобы

привести его в бешенство, достаточно было включить запись членораздельной речи. Он тут же начинал метаться по комнате в поисках источника звука. Зато целыми днями мог просиживать перед экраном, с явным удовольствием созерцая самые незатейливые картинки до тех пор, пока не засыпал. Нравились ему и тактильные ощущения.

Я никак не ожидал такой решительной неудачи! — признался Аркадий Сергеевич, — юноша вел себя не как ребенок и даже не как животное, а, скорее, как олигоцефал, то есть полностью лишенное разума существо, которое ввиду органических изъянов не способно развить даже малейшие зачатки сознания. Решающая стадия эксперимента закончилась, едва успев начаться. Я включил микроволновое излучение, запрограммированное на механизм рефлексии, но тут он вздрогнул, резко соскочил с места и, подбежав к стене, одним ударом разбил себе голову. То, что вы видите перед собой, фактически уже труп.

— Но тогда почему вы не держите его при минусовой температуре, как это делается в морге? — спросил полковник.

— Провожу очередной эксперимент, — пояснил ученый. — Капсула заполнена специальным газовым консервантом, который позволяет избежать полного замораживания. Еще вопросы есть?

— А давно он находится в таком состоянии? — спросил Александр, кивая на неподвижное тело.

— Свыше двух недель.

Оба сыщика быстро переглянулись, но Аркадий Сергеевич успел это заметить и криво усмехнулся:

— Разочарованы, что не удастся навесить на него ваше убийство? Но тут я ничем не могу вам помочь. Да и не хочу, если честно признаться... — И он выключил свет в капсуле, снова погрузив лежащее там тело во тьму.

И тут у полковника Гунина возникла неожиданная мысль.

— Проводите-ка нас к выходу, — попросил он, — но не к тому, через который мы пришли, а к тому, который ведет в систему канализации.

— Здесь множество выходов в канализацию, — на удивление спокойно отозвался Аркадий Сергеевич, — какое именно место вас интересует?

— Меня интересует тот выход, в который можно проникнуть через люк на проезжей части дороги.

— Пожалуйста, — с деланным безразличием пожал плечами ученый и направился к одной из дверей.

— Ты знаешь, — шепотом призналась Ольга стоявшему рядом с ней Александру, — а мне показалось, что он все-таки жив и даже наблюдает за нами!

— В таком случае можно только удивляться, как ему не холодно, — усмехнулся Александр и вдруг, быстро наклонив голову, поцеловал Ольгу в шею. — Ух, какие чудные духи! Это жасмин?

— Еще один такой поцелуйчик, — строго заметила она, — и понюхаешь тех же «духов», что и Аркадий Сергеевич!

Они последовали за полковником и ученым и вскоре оказались в очередном полуподвальном коридоре, который заканчивался массивной дверью с той самой эмблемой, о которой рассказывал бомж, — черный глаз на белом фоне, белый глаз — на черном.

— А что это означает? — спросил Гунин, тыча в нее пальцем.

— Символ нарушения четвертой симметрии, — ответил Аркадий Петрович, оглядываясь назад в поисках Ольги и сердито покусывая губы.

— Что за симметрия?

— Знаете, господин полковник, на сегодня с меня уже хватит бесплатного лектория! Потрудитесь забрать своих спутников и выйти вон, пока я не включил сигнализацию!

ГЛАВА 8

Двадцать первый день эксперимента.

Тишина. Покой. Неподвижность. Оцепенение. Полная невозмутимость и отсутствие всяких внешних раздражителей. Пустота сознания.

Темнота. Полное отсутствие ощущений. Полное отсутствие мыслей. Полное отсутствие настроения, даже ожидания сна.

Идеальное состояние с точки зрения потенциала — безграничные возможности для дальнейших действий, наблюдений, осмыслений.

Яркий свет. Внешняя реакция, сопровождаемая сужением зрачков. Тишина сохраняется, но покой нарушен четырьмя объектами, появившимися снаружи.

Взаимное наблюдение. Явная заинтересованность с их стороны. Объект заинтересованности находится внутри освещенного пространства. Но внутри этого пространства находится лишь... Объект заинтересованности — это Я?

Причина заинтересованности неясна. Взаимное наблюдение продолжается. Один из четырех объектов по своим внешним характеристикам сильно отличается от остальных. Исследование памяти в целях его идентификации с аналогичными объектами.

Воспоминание из ячейки «Шестнадцатый день эксперимента»: «подвал, коридор, дверь, эмблема...»

Возникновение эмоции — идентификация успешно осуществлена. В процессе прошлого изучения аналогичного объекта он был разрушен.

Четкое воспоминание — внутреннее строение аналогичного объекта. Вывод: объект, который находится снаружи, имеет аналогичное внутреннее строение.

Еще один вывод: если аналогичный объект был разрушен другим объектом, который находится внутри освещенного пространства, а внутри этого

пространства нахожусь Я, то аналогичный объект был разрушен мной.

Еще один вывод: если Я — это объект, способный разрушать другие объекты, то и сам могу подвергнуться разрушению со стороны других объектов. Я... Сам... Меня... Что это? Я САМ — это объект, который находится внутри освещенного пространства, а снаружи находятся иные объекты, которые тоже полагают себя Я САМ?

Но если я сознаю внешние объекты и сознаю себя как аналогичный объект под именем Я, то отсюда следует вывод: имеются две реальности — та, что обозначается Я, и та, что обозначается не-Я. И еще один вывод: реальность Я для меня гораздо важнее реальности не-Я...

ГЛАВА 9

— Что-то здесь не так! — в сердцах воскликнул полковник Гунин, который до этого момента спокойно сидел на своем рабочем месте и задумчиво смотрел в окно.

— Это вы о чем? — мгновенно отреагировал Александр.

Ввиду неугомонности своей натуры, он, как обычно, медленно прохаживался между двумя рабочими столами — своим и шефа.

— Да обо всем этом дьявольском деле! Тебе не показалось, что этот пресловутый Аркадий Сергеевич вел себя как-то подозрительно?

— От начала и до конца, — подтвердил помощник.

— А еще эта проклятая эмблема нарушения четвертой симметрии. Что, интересно, он имел в виду? И как симметрия может быть четвертой? Насколько я помню физику, она классифицируется по другим признакам — зеркальная, спиральная и какая-то там еще...

— Так это в физике, а в математике виды симметрии различаются как раз по номерам. Но, странно, — оказывается, вот что вас больше всего зацепило! — искренне удивился Александр. — Признаться, я размышлял совсем о другом.

— О чем же?

— О проблемах изучения сознания. Когда-то давно я прочитал одну занятную статейку, кажется, в журнале «Знание — сила»... Там рассказывалось о знаменитом английском физиологе, сэре Чарльзе Шеррингтоне. Оказывается, в свое время они с академиком Павловым получили одну Нобелевскую премию на двоих за исследования головного мозга и сознания. Однако после этого произошла удивительная вещь — наш Павлов продолжал изучать и то и другое исключительно научными методами, а вот Шеррингтон вдруг ударился в религию и мистику. Пользуясь своим научным авторитетом, он стал на всех научных конференциях доказывать, что человеческое сознание — это вещь идеальная, совершенно неуловимая, а потому и неподдающаяся научному изучению. Проще говоря, экспериментальным способом душу не познать, а потому нечего и стараться!

— Ну и к чему ты об этом?

— Да к тому, что весь научный мир был весьма озадачен подобной метаморфозой Шеррингтона: физиолог и вдруг начал говорить о душе в религиозных терминах! Никто не мог понять, что на него нашло, поэтому высказывались самые различные предположения: например, Шеррингтон испугался того, к чему может привести изучение человеческого сознания и последующее создание некоего сознания иного типа — надчеловеческого. Ведь иное сознание создаст иную цивилизацию, и найдется ли в ней место цивилизации человеческой — никому не известно. Вот Шеррингтон и попытался по мере сил притормозить подобные исследования. Кстати, если бы в свое время так поступили

физики-ядерщики, то атомной бомбы могло и не быть!

— Все это очень любопытно, но я никак не улавливаю связи с нашим делом...

— А чем занимается наш маленький ученый? По его собственным словам, пытается внедрить сознание в фактически искусственный био-компьютерный мозг!

— Точнее сказать, пытался, — уточнил дотошный Гунин, — ты забываешь, что его подопечный уже мертв.

— Вы в этом так уверены? — многозначительно спросил Александр и тут же схватил трубку зазвонившего телефона. — Алло?

Внимательно выслушав сообщение, он еще более многозначительно посмотрел на шефа.

— Ну, что там еще? — сердито поинтересовался тот. — Хватит разглядывать меня и делать умные глаза. Говори просто и без прикрас.

— Звонил лейтенант Ивченко из местного отделения милиции. Говорит, им удалось поймать убийцу!

— Как, опять?

— Да, причем он уверяет, что на этот раз ошибки быть не может — тот был схвачен практически на месте преступления.

— Опять убийство?

— Нет, на этот раз обошлось. Девушка оказалась спортсменкой и сумела убежать, крича на весь квартал, а патруль был тут как тут.

— Ладно, поехали!

Сыщики уже покидали свой кабинет, когда телефон зазвонил снова. Полковник остался в дверях, а Александр снова вернулся к телефону.

— Александр? Кажется, я все-таки была права! — раздался голос Ольги.

— В чем?

— А в том, что этот юноша... ну тот, в капсуле... вполне мог быть жив!

— То есть как это?

— А вот так! Знаешь, как йоги ухитряются совершать свои чудеса — ну, этот знаменитый трюк, когда они останавливают сердце и дыхание, их закапывают в могилу, а через несколько дней выкапывают, и они оживают?

— Ну и как?

— За счет так называемого портального сердца.

— Какого, какого, портативного?

— Портального, осел ты милицейский! Так в медицине называют печень. Оказывается, при полной остановке сердца она способна брать на себя его функции и, таким образом, кровообращение и обмен веществ все-таки продолжаются, хотя и в очень замедленном режиме. Мне это сегодня один знакомый медик рассказал...

— Молодой и красивый?

— Болван!

— Я или медик? Извини, я просто тороплюсь, а потому немного нервничаю. Нам только что позвонили из местного отделения милиции и сообщили о задержании убийцы. Так что мы с шефом немедленно летим туда...

— Я тоже приеду!

— О'кей, — обрадовался Александр. — Тогда я не прощаюсь...

Пока они ехали в сторону «Гуляй-поля», он вкратце пересказал Гунину сообщение Ольги.

— И ты ожидаешь, что задержанным окажется этот голый «морж» из капсулы? — недоверчиво хмыкнул полковник. — Которому не страшна атмосфера в пять градусов тепла?

— А вы чего ожидаете?

— Не будем гадать, посмотрим...

Через полчаса оба сыщика уже входили в знакомый кабинет. Едва обменявшись рукопожатиями с лейтенантом Ивченко, они с плохо скрываемым нетерпением попросили его привести задержанного.

— Только учтите, товарищ полковник, — предупредил оперативник, сделав необходимые распоряжения, — по-моему, он явно не в себе.

— Что это значит?

— Чушь какую-то порет, руками размахивает, пена изо рта идет... Впрочем, может, он специально психа из себя корчит, чтобы за невменяемого сойти. Или просто свихнулся мужик на сексуальной почве, вот и гонялся по улицам за девчонками с ножом в руке.

— Мужик? — переспросил Александр.

— Ну да, ему уже далеко за сороковник, — подтвердил Ивченко, — да вот, сами посмотрите...

И глазам сыщиков предстал всклокоченный Аркадий Сергеевич с закованными в наручники руками.

— Ха! Старые знакомые! — непонятно чему обрадовался ученый, сразу узнав обоих. — А поздно, голубчики, поздно... Опоздали, знаете ли, голубок улетел... — И он зашелся каким-то неприятным, дребезжащим хихиканьем. — Меня-то вы поймали, а он улетел, улетел, улетел!

— Что вы имеете в виду, Аркадий Сергеевич? — мягко спросил Гунин. — Кто улетел?

— А тот, кого вы разыскивали... Вы и ваша шалава, которая вас с собой притащила! Кстати, а где она? — Он злобно огляделся по сторонам. — Прячется, сучка? Меня, что ли, боится? И правильно делает!

— Сядьте и успокойтесь, — строго приказал Ивченко, однако лучше бы он этого не говорил.

В глазах Аркадия Сергеевича мелькнула столь явная искра безумия, что внимательно наблюдавший за ним Александр содрогнулся. Ученый опустил голову вниз, уткнулся подбородком в кулаки, и вдруг началось яростное, но довольно монотонное бормотание, обращенное не столько к окружающим, сколько к самому себе:

— Мой разум бессильно стучал в скорлупу открытия и мучился оттого, что был не в силах извлечь оттуда сверкающее ядро истины. Мудрецы прошлых веков уже не могли дать никаких советов, ну а современники еще не знали о происходящем эксперименте. Впрочем, их реакцию было нетрудно представить! «Нельзя создавать гомункулуса и наделять его душой— результат будет чудовищным!» «Нельзя экспериментировать со святая святых — человеческим «Я»!» «Какое чудовищное научное кощунство — ставить себя на место Господа Бога и пытаться воскресить мертвых!» Но ведь если Бога нет, то почему бы не поставить себя на его место, а? Я вас спрашиваю? — И он вскинул замутненный взор, но ему никто не ответил.

— Ну что? — спросил Ивченко, подходя к обоим сыщикам. — Что нам с ним теперь делать? Отправить на психиатрическую экспертизу?

— Это само собой, — задумчиво согласился полковник. — Но он действительно был один? У него не было сообщника?

— Нет, — не слишком решительно покачал головой лейтенант, — во всяком случае ребята из патрульной машины никого больше не видели. А что, мог быть сообщник?

— Пока не знаю.

— Николай Александрович! Вы сейчас думаете о том, пуста ли капсула? — догадался Александр, легко трогая шефа за рукав.

— А ты сам в это веришь?

— Честно говоря, даже не знаю, что и думать...

— Если не знаешь, что думать, надо действовать. Снова добраться до капсулы, чтобы проверить ее содержимое, нам уже вряд ли удастся, а потому остается только одно — провести обыск на квартире этого свихнувшегося гения... Нет, но что же это все-таки за симметрия такая, а?

ГЛАВА 10

Начало эксперимента. Исходная постановка проблемы.

Человек — существо поразительно наивное. Его легко удивить карточными фокусами, но при этом он почти не интересуется величайшей тайной на свете: что представляет собой его собственное «Я»? И самая величайшая проблема здесь — это выяснить, как и для чего возник феномен само-осознания?

Для ответа на этот вопрос можно исходить из самой основной и универсальной закономерности — три основных события наблюдаемого нами мира произошли в результате трех случаев нарушения симметрии. Вселенная возникла в результате нарушения принципа четности в слабых взаимодействиях, жизнь — в результате нарушения симметрии правых и левых белков в пользу последних, человеческое сознание — как асимметрия двух полушарий головного мозга. Именно благодаря этой асимметрии зародилось такое замечательное свойство сознания, как способность переводить понятия в образы и обратно. Поскольку, как говорил Фрейд, «большинство абстрактных слов являются потускневшими конкретными», постольку для этого можно воспользоваться их первоначальным конкретным значением. Например, обладание можно представить, как сидение на чем-то; а абстрактная мысль о необходимости усовершенствовать свой труд может породить сон о строгании куска дерева.

По-видимому, для возникновения суперили надчеловеческого разума, состоящего уже не из живых нейронов, а из искусственных элементов (Примечание. На первом этапе, поскольку роботы пока еще слишком неповоротливы, а степень их автономности весьма низка, возможно био-электронное сознание, то есть вживление в мозг человека электрон-

ных плат, заменяющих отдельные участки мозга и обладающих долговременным автономным питанием.), необходимо четвертое нарушение симметрии — между информацией о собственном теле и информацией об окружающем мире, — разумеется, в пользу первой.

Лишь в тот момент, когда объект эксперимента перестанет относиться к обоим видам информации, как к равноценным, и начнет противопоставлять первый вид информации (Я), как главный, второму (не-Я), как второстепенному, можно будет говорить о возникновении сознания и самосознания. Но как осуществить это нарушение симметрии искусственным путем, если в обществе это происходит благодаря воспитанию, овладению языком и социальному общению?

В процессе развития ребенка в правом полушарии его мозга накапливается информация для идентификации собственной индивидуальности — то, что в психологии называется «схемой тела» или «первоначальным чувством бытия». Это можно назвать смыслом ОНО — то есть каким-то смутным представлением о самом себе с точки зрения телесности. С другой стороны, в левом полушарии интериоризируется определенное количество социальных навыков (сверх-Я), важнейшими из которых являются язык и речь. В тот момент, когда неопределенный смысл ОНО находит свое выражение в слове «Я», когда смысловой образ ОНО отождествляется с понятием «Я» и становится содержанием этого понятия, можно говорить о возникновении самосознания!

Сделаем небольшое отступление. В принципе, нечеловеческий разум (если понимать под разумом позволяющую ориентироваться в окружающем мире и собственных ощущениях способность ставить и решать проблемы) уже существует — это разум животных и так называемый «искусственный интел-

лект». Однако, перейдя на стадию идеального (или духовного) развития, человеческое сознание достигло таких высот, когда копия не может быть менее совершенна, чем оригинал. Каким же может оказаться новое, надчеловеческое сознание?

Ответить на этот вопрос так же трудно, как и на вопрос о том, что чувствовала бы и как мыслила бы голова профессора Доуэля, отделенная от тела и тем самым лишенная одной из важнейших составляющих сознания и чувства «Я» — «схемы тела». Вполне возможно, что именно «схема тела» является основной подпоркой или «становым хребтом» феномена Я. Одно можно сказать наверняка: суперразум или сверх-сознание — это мозг, наделенный колоссальными возможностями компьютера с точки зрения быстродействия и количества производимых операций, плюс феномен Я, или самосознание. Но самое главное состоит в возникновении идеальной способности оперировать не информацией, а ее смыслом! Разница в том, что информация закодирована в материальных носителях, поэтому каждое ее «прочтение» будет осуществляться одинаково (пока не наступит материальный износ носителя!), в то время как смысловое понимание информации зависит от сиюминутно меняющегося контекста или настроения понимающего! Смысл неуловим, сиюминутен, идеален и не кодируется никакими материальными носителями!

А теперь вернемся к нашей главной проблеме — проблеме нарушения симметрии между Я и не-Я в пользу первого. Поскольку главное отличие человеческого сознания от всех остальных состоит в огромной эмоциональной составляющей (в любом языке огромное количество слов несет эмоциональный заряд или какую-то моральную оценку!), постольку вполне разумно предположить следующее: для нарушения этой четвертой симметрии необходим сильнейший стресс, способный породить эмоции, вместе с тем позволить «схеме тела» осознать себя чув-

ствующим Я и тем самым выделиться из окружающего, бесчувственного мира...»

— Ну вот, теперь ты прочла самое главное, — нетерпеливо заявил Александр, отбирая у Ольги дневник эксперимента, найденный во время обыска на квартире Аркадия Сергеевича. На обложке дневника рукой самого ученого была нарисована знакомая эмблема — черный глаз на белом фоне и белый на черном. — Все остальное уже детали. Наш клиент всячески пытался подтвердить свою догадку о том, что четвертое нарушение симметрии возможно благодаря сильнейшей эмоциональной встряске, а для этого ставил себя на место своего подопечного и даже записи порой вел как бы от его лица...

— То есть именно он совершил это жуткое убийство?

— Да, и теперь это уже доказано. Возомнил себя монстром, обладающим сверх-сознанием, и решил действовать, так сказать, от его имени. На этом и рехнулся... Это убийство настолько его потрясло, что он еле добрался до лаборатории, забыв даже закрыть за собой дверь.

— Ты знаешь, — задумчиво протянула Ольга, — а мне кажется, что дело здесь не только в его научных идеях, но и в элементарной психологической подоплеке — несчастный, брошенный женой человечек, возненавидевший всех женщин на свете... Иначе почему бы он убил одну молодую женщину да еще пытался убить вторую?

— Возможно, ты и права, — согласился Александр, — хотя, по-моему, с мужчиной он просто не справился бы.

— Да, но ты не сказал мне самого главного! — спохватилась Ольга. — Что стало с этим бедным юношей?

— Это опять какая-то мистика! — развел руками Александр. — За день до того, как моему шефу все-таки удалось добиться разрешения на осмотр лабо-

ратории, исследования которой, кстати сказать, курировало ФСБ, во всем районе отключилось электричество! А поскольку Аркадий Сергеевич в это время сидел в палате института имени Сербского, никто не спохватился вовремя включить запасной генератор...

— Ты хочешь сказать, что этот юноша погиб?

— Увы, увы... Понимаешь, при минимальном обмене веществ, возможном лишь при температуре в пять градусов Цельсия, воздуха в капсуле ему было более чем достаточно. Но когда морозильные агрегаты остановились, температура в капсуле стала повышаться, обмен веществ усилился...

— И тогда он просто задохнулся? — ужаснулась Ольга, на что Александр мрачно кивнул головой. — И теперь уже никто не узнает, обладал ли он хоть каким-то сознанием или нет? А вдруг у него действительно возникли зачатки сверхсознания? Знаешь, у меня такое ощущение, словно бы какие-то потусторонние силы или высший разум...

— Что, в принципе, одно и тоже, — заметил Александр.

— ...не допустили создания сверхчеловеческого сознания, — закончила Ольга. — Эй, ты что делаешь? — вскричала она минуту спустя, почувствовав, как руки Александра обвились вокруг ее стройной талии.

— Пытаюсь доказать тебе свою сверхчеловеческую любовь, — пробормотал он, зарываясь лицом в ее пышные волосы.

— А не боишься испытать на себе силу моего женского возмущения? Забыл, что я замужняя женщина?

— Надолго ли? — нехотя отстраняясь, вздохнул Александр и был немедленно удостоен лукавого ответа:

— Вплоть до нарушения четвертой симметрии!

Игорь ГЕТМАНСКИЙ
НЕ СМЕЙ ОБИЖАТЬ СЛАБЫХ!

Штефан Туччи ехал на дело. Чувствовал он себя превосходно. После отпуска за счет организации, после всех этих отелей, пляжей, вечерних карнавалов и обязательных утренних пробежек по утрам по колено в морской воде он не то что российского инженера-эмигранта — самого дьявола укокошит и, как всегда после подобных дел, положит кругленькую сумму себе в карман. Штеф был в прекрасной форме — рефлексы отточены, реакция отменная. На контрольной проверке в тире он сам в этом убедился и другим показал. И сегодня уже включился в работу — он ехал на дело: в этой «заяве» именно он идеально вписывался в интерьер.

Высокий, подтянутый, по-спортивному загорелый, Штеф Туччи как нельзя лучше годился на роль рядового охранника Компьютерного Коммерческого Центра. Центр этот находился в маленьком городке, в 50 километрах от Берлина. Штеф ехал туда. Темно-синяя форма и рубашка с погончиками и серебристыми пуговицами с аббревиатурой ККЦ уже были на нем. Пропуск на имя Карла Дика, 30-тилетнего охранника сменного наряда №3, лежал в кармане. Что стало с этим Карлом — Штефа не очень беспокоило. Или тот проснется назавтра с больной головой в полной уверенности, что перебрал лишку, — и только потом дотырит, что проспал сутки, ха! — или не проснется уже никогда. Штеффа это не волновало, это дело организации. Его работа — предъявить пропуск Дика со своей фотокарточкой и заступить в ночную смену. В лицо Дика на проходной не знает никто, это другое подразделение, а начальник смены предупрежден о замене: дружки Карла вопросов задавать

не будут. Привет, ребята, меня тоже зовут Карл, дайте закурить...

После этого он замочит Эдика Драгинского и поедет домой, вот и все.

Штеф громко засмеялся и свернул с шоссе на дорогу, ведущую к Центру.

Черный подержанный «Мерседес» — «Садись, Штеф, не морщись: такая машина достойна твоей зарплаты стражника ККЦ!» — несмотря на внешнюю затасканность, мчался мягко и бесшумно. Штеф опустил стекло боковой дверцы, подставил лицо встречному потоку теплого ветра и весело поглядел по сторонам. Огромные старые тополя строго чернели на фоне темнеющего неба, густой стриженый кустарник плотно подступал к идеально ровному дорожному покрытию. Запахло доброй старой Германией. Штеф подтянулся, а когда через пару километров на него надвинулись серые бетонные громады корпусов Центра, чуть не крикнул «хайль!» Он был истинным арийцем, до мозга костей. И сегодня он с удовольствием прикончит этого еврея.

Штеф припомнил страницы «заявы».

Эдик Драгинский, 28 лет, ведущий специалист ККЦ в области компьютерных технологий. Три года назад эмигрировал из России и сразу же, без проволочек, получил германское гражданство. Почему? Потому что гений. Штефу так и сказали: он — гений. В Центре на него разве что не молились: с момента появления Эдика в отделе игровых и сервисных программ объем их продаж возрос раз в двадцать пять.

Штеф тогда присвистнул. Ничего себе, это за счет чего же? За счет идиотских гениальных придумок, был ответ. Голь на выдумки хитра, и этот нищий россиянин держит в башке столько наихитрейших алгоритмов разных компьютерных игрушек, что только успевай воплощать в жизнь. «Так за что же его заявили-то тогда?» — искренне изумился Штеф Туччи, который тоже не прочь был иногда поиграть за

компьютером. Шеф тогда поджал губы, — такие вопросы в организации не принято задавать! — но все-таки ответил: «Заказчик неизвестен. Но я думаю, это связано с тамагочи. Японцы, понимаешь, их придумали, освоили мировой рынок, а он подхватил идею и стал добавлять к ней такие прибамбасы, что японские штучки уже не покупают. Похоже, рынок перехватывает ККЦ».

Тамагочи... Штеф было сморгнул, но сразу же включился: ну, конечно, это те самые японские игрушки, на которых недавно свихнулась вся Европа. Величиной с куриное яйцо компьютер, выпуклый экранчик, на нем бегает и постоянно просит жрать цыпленок или кто-нибудь еще. Нажал кнопку — на экране ему сыпятся с неба зернышки, он радуется, песенку тебе поет, поцелуйчики посылает. А через час опять бесится, визжит — голодный, значит. Вот так ты с ним и живешь, с цыпленком этим в кармане, и балдеешь от собственной заботливости и доброты, потому что кормить его надо чуть ли не десять раз в день, и даже ночью, а если не покормишь, он коньки откинет. И станет валяться на своем экранчике — молчаливым трупом с укоризной во взоре. И как ты эту кнопку ни нажимай теперь, никогда уже он не встанет, игра закончилась, и ты — жестокосердный эгоист, убийца, губитель цыплячьих душ — во всем оказываешься виноват.

Штеф хмыкнул. У этих японцев точно с психикой не все в порядке, но в оригинальности им не откажешь. Ладно — дети, но ведь и мужики себе эти штуки покупают, а уж у женщин, особенно у одиноких вдовушек и сентиментальных старух, эти цыплята по всем углам пищат! Молодцы, японцы, прямо в душу среднему немцу заглянули!

А Эдик, значит, их с орлиного на бреющий полет перевел...

Штефу все стало ясно, и он успокоился. Заказчик всегда прав. Следовательно, Эдик Драгинский — пло-

хой человек. Он ведет себя неправильно, но Штеф исправит все его ошибки.

Ему показали фотографию Эдика. Конечно, этот худой и сутулый еврей с печальными глазами сразу ему не понравился. Мало того, что он плохо выглядит, он еще и беспокоит наших симпатичных желтокожих друзей с маленьких островов! «Так дело не пойдет, Эдик, — сказал тогда снимку Штеф. — Если бы я учился с тобой в школе, я сказал бы тебе это еще на первой перемене, чернявый дохляк, — так дело не пойдет! — и дал бы по кумполу. И сегодня с тобой было бы намного меньше забот».

Штеф сразу почему-то вспомнил про школу, когда увидел Драгинского на фотографии. Таких бьют, начиная с первой переменки, — не сильно, но обидно, и Штеф всегда делал это с удовольствием. Мимо таких в школе просто так не пройдешь — Штеф помнил! — всем видом своим неприкаянным, неказистым, всей сущностью своей буквоедской, заумью этой — они напрашивались. Эх, не попался ты мне в мои лучшие детские годы, посочувствовал Эдику бывший гроза интеллекта Штеф Туччи. Но ничего, сразу же успокоил он опечалившееся было изображение, завтра мы все-таки увидимся, завтра наступит твоя последняя перемена, парень. Ты отмучился: не добили в России — Штеф завершит это здесь...

Он плавно вырулил на большую стоянку перед охраняемыми воротами и уверенно вышел из машины. Не торопясь запирать дверцу, беспечно огляделся. Так, вот проходная, в задней комнате — раздевалка дежурной смены. Он кинет свою сумку в шкафчик №23 и спокойно пойдет на развод. Карл Дик всегда дежурит в правом крыле здания, где и находится лаборатория Драгинского. Эдик сейчас торчит там — работает он ночами, это известно, — вон светится единственное окно на втором этаже. Туда же направят и Штефа: каждый охранник

курирует только один-единственный, навсегда закрепленный за ним объект. Развод будет за воротами перед административным зданием через десять минут.

Штеф перекинул через плечо простенькую сумку с барахлом и бутербродами и, посвистывая, направился к проходной.

Эдик Драгинский сидел в экспериментальной лаборатории правого крыла ККЦ и рассеянно улыбался. Только что он закончил еще одну работу, осталось вставить блочок связи с пультом дистанционного управления, и все. Но это — мелочь, это теперь завтра. Сегодня он уже сполна удовлетворил свою новую страсть, все получилось, он доволен. Теперь можно попить кофейку, полистать журнальчик и ехать домой.

Эдик поднялся, отложил отвертку и любовно дотронулся до хромированного черного бока существа. Существо. Паук. Мыслящий и живой дружище. Охранник и лакей — когда сыт, и агрессор и психопат — когда голоден. Сложный характер, это надо сразу признать — капризный и неоднозначный, с таким шутки плохи...

Он фамильярно похлопал паука по широкой спине. Мстительный ты уж больно, вздохнул Эдик, вредный ты тип, хотя и виноват в этом только твой заказчик — такого уж тамагочи захотел он себе, извращенец. Ну да ладно, зато ты — сильный и смелый, а за это Эдик готов простить тебе многое.

Эдик вздохнул и с трудом передвинул массивное тело паука поближе к краю стола. Паук был воплощением мощи, а Драгинский уважал силу во всех ее проявлениях. И ненавидел насилие. Потому что никогда не имел первого и всегда страдал от второго.

Эдик замер и тихонько кивнул своим мыслям: «Всегда» и «страдал» — те самые слова. Он всегда

страдал. Именно он, Эдик Драгинский, — пока не уехал в Германию.

Он с удивлением уставился на машину у себя перед носом. Странное дело, этот грозный паук почему-то пробуждал в нем ту еще память, российскую... Эдик отошел от стола и нахмурился.

Там, в России, ему, хлипкому еврейскому очкарику, по молодости лет здорово доставалось. В школе еще, сопляками будучи, ровесники Эдиковы доступно объяснили ему, как обстоят дела: его место было «возле параши» — по причине физической немощи и по национальному признаку. И всеобщее убеждение в этом было так велико, что Эдик с ним никак не боролся. Он всегда уступал им дорогу — тем, кто пытался на него «наезжать», и старался не ввязываться ни во что.

Но его задевали, постоянно. И обижали — и в школе, и позже, в университете, на дискотеках. Эдика спасало то, что в России — загадочная страна! — обидчиков всегда было ровно столько, сколько и защитников. «Не смей обижать слабых!» — сколько раз он слышал из-за чьей-то надежной спины эти слова: от классной руководительницы, от учителя физкультуры, а уж здоровенный друг его Андрюха Кулаков не одному идиоту это втолковывал, и не по разу. Андрюха, не в пример своим одногодкам, не ставил ни в грош свои мускулы, а преклонялся перед силой ума. И уважал хилого отличника Драгинского. Он его, кстати, даже в университете не бросил, поступил вместе с ним. А как — это их с Эдиком общий секрет...

Эдик помрачнел лицом, глаза его стали еще печальнее. Друг его преданный так и пропал куда-то, в России легко пропасть: ударился в бизнес, по биржам забегал, потом стал ездить — в Турцию или в Китай, заделался «челноком» и пропал. И Эдик тогда, в одиночку жуя колбасу в аспирантской общаге, вдруг понял, как Андрюха здорово его выручал, адаптировал, что ли, к среде. Ведь Эдик, умник и

моралист, всегда терялся, страшно комплексовал среди голенастых девах и лосиного вида общажных парней. Голова у него всегда была забита другим — схемами, чипами, идеями своими компьютерными, а с ними... С ними он никогда не знал, как разговаривать. А они обступали его, они были везде, эти люди. Мат, анекдоты, запах несвежих носков, бормотуха, быстрый секс на столе, кулаки, разборки постоянные — мрак! Наверно, Эдику просто не везло, была же где-то другая жизнь — не общажная, не кабацкая, — иная, ментально насыщенная! Наверно, ему надо было искать ее. И Эдик, кажется, верил в это, и Андрюха ему в этом помогал, и другие — преподаватели, девочка одна была у него, хорошая...

Но Андрюха пропал как раз тогда, когда Россия как-то сразу изменилась — нет! — вывернулась наизнанку: варварство хлынуло изо всех щелей на улицы. И Эдик панически бежал, спасая то единственное достояние, которым обладал. А обладал он «гениальной башкой» — Андрюхины слова... И пока ее не пробили, — а он этого давно боялся всерьез, — он бежал. И нашел, в конце концов, ту жизнь которую так долго искал.

Последние два года он был по-настоящему счастлив. На рынке появились японские тамагочи, и только увидев цыпленка в компьютере, он схватил, увидел в одно мгновение все — и оригинальность замысла, и простоту воплощения, и потенциальный бешеный спрос на такую забаву. Игрушка в режиме эмоционально-интимного общения с хозяином! Нечего сказать — круто, восхищался Эдик и уже начинал подключать мозги: тамагочи были непаханым полем для его фантазии, японцы провели только первую борозду...

Он присосался к идее, как вампир. Он горел, он летал, он модифицировал, он перекраивал, он придумывал свое. Он стал этим самым цыпленком, потом мышонком, потом лягушкой, и неведомой зве-

рушкой он тоже был — режиссером, актером, программистом, ведущим разработчиком — черт-те чем! Он был всем в одном лице, он жил своей новой страстью.

Вскоре ККЦ перешел на выпуск Эдиковых тамагочи, и они мгновенно вытеснили японцев с немецкого рынка. Это была личная коммерческая победа инженера Драгинского, но все-таки не это для него теперь стало главным.

Однажды, на взлете разыгравшегося воображения, Эдик придумал тамагочи-киберов.

И забыл обо всем. А тем более — про Россию.

Эдик вдруг саркастически хохотнул и погрозил себе пальцем. Не ври себе, немецкий еврей, не ври! Ничего ты не забыл, все помнишь — и хари эти агрессивные, с шальными глазами, и страх свой, и беспомощность, и Андрюхину силу. Все ты помнишь, и поэтому сидит в тебе уважение к физической мощи и потребность в защите, — здесь, в спокойном мире, — потому что где-то глубоко внутри все-таки затаился вечный жидовский испуг...

Эдик снова посмотрел на паука. Да, подумал он, все осталось, и этот частный заказ — тому свидетельство. Он оглядел обширные стеллажи лаборатории: много у него за последнее время было подобных заказов с тамагочи, но дружищу он делал с каким-то особым чувством. Наверно, все дело в том, что будущий хозяин паука хотел иметь кибера-охранника, а это Эдику было близко. Но ко всему прочему заказчик хотел иметь еще и тамагочи-агрессора, мазохист бешеный, в том же лице. И Эдик тогда оснастил свое детище не только системами сканирования и сигнализации — он дал ему оружие, самое настоящее. Такое, какое назвал заказчик... Паук превратился в боевую машину, интеллектуальная мощь компьютера несла в себе угрозу силового воздействия.

Паук воплощал в себе то, о чем Эдик мечтал для себя всю жизнь.

Драгинский наклонился и нежно обнял свое создание. Кибер перестал быть для него просто машиной сразу, как только Эдик инсталлировал в компьютер все программы и начал сложный монтаж. Он сидел над дружищем ночами, и паял, и вкручивал микроскопические титановые саморезы, и вспоминал свою московскую жизнь, и Андрюху, и зимние ночные прогулки с той, хорошей, девушкой, и печалился, и снова переживал старые обиды, и пугался, и злился, и скрипел зубами... И, наверно, оставил в этой умной железяке частичку своей когда-то издерганной души.

Он полюбил паука.

Эдик Драгинский заглянул в огромные рубиновые глаза черного дружищи и тихо прошептал:

— Не смей обижать слабых!

И увидел, как они ответили ему.

— Р-разойдись! — Пивной бочонок с пистолетом под вислым брюхом закончил короткий инструктаж и показал строю жирную спину, не дожидаясь выполнения команды. Господин капрал не любит формальности, ухмыльнулся Штеф вслед уходящему начальнику смены, и это хорошо. Все правильно, партайгеноссе, смотрите телевизор и пейте пиво в комнате охраны: Карл с командой прикроет Центр — муха не пролетит. А назревающее легкое недоразумение в правом крыле — не ваша забота. Эдик Драгинский наступил на любимую мозоль мстительным потомкам самураев — пусть теперь сам и отвечает... Начальник охраны — не личный телохранитель.

Строй распался на сорок прикуривающих мужчин, и Штеф Туччи, предъявляя равнодушную физиономию случайным встречным взглядам, не спеша направился к правому крылу ККЦ.

Ключи от здания ему выдали на разводе. Он засядет сначала на пульте в вестибюле, а минут через

десять осмотрит здание. Найдет лабораторию Драгинского, определит пути отхода. После выстрела в ККЦ делать нечего, он выйдет через какое-нибудь окно, покинет территорию — через забор, конечно, какие вопросы! — и скрытно вернется к машине. Стоянка не охранятся, остается только проследить, чтобы его не срисовали из проходной. Хотя, значения это никакого не имеет. Главное, спокойно уехать без лишнего шума.

Штеф набрал код замка, вставил массивный бронзовый ключ в огромную замочную скважину и с трудом открыл тяжеленную дверь главного входа. В лицо ему пахнул застоявшийся воздух старого здания: запахи канцелярии, дымных коридоров и металлической пыли. Штеф двинулся через обширный темный вестибюль к пульту охраны, его шаги гулко отдавались под сводами здания. Он включил свет, потом выставил все рычажки сигнализации в положение «on» и опустился в удобное кресло охранника. И только теперь почувствовал маленькую беспокойную крысу под горлом.

Тревога. Ему здесь не нравилось. Здесь было то, чего он не знал. И это могло для него плохо кончиться.

Штеф осторожно прислушался к себе. Он привык доверять интуиции. Если дядя говорит «нет», сынок, значит, это «нет», и ничего больше, ты же знаешь... Штеф это хорошо усвоил, он не сидел бы сейчас здесь, если бы не усвоил, он всегда слушался: кому-кому, а э т о м у дяде он не перечил... Штеф ошалело помотал головой. Ну ладно — тогда, но здесь-то что? Что он такого не знает, спросил он дядю. Он на месте, объект в лаборатории, сидит спиной к нему. Через сорок минут, после планового посещения пивного бочонка, делающего каждый час обход зданий, Штеф войдет в лабораторию и выстрелит. И потом, уйти с верного дела и завалить карьеру в организации — на основе интуиции! — было глупо. Штеф прислушался. Дядя молчал.

Штеф успокоенно закурил и двинулся в обход здания.

Правое крыло представляло собой типичный бетонный четырехэтажный барак — длинные коридоры с пыльными неоновыми трубками на потолке, сотни дверей, две лестницы с двумя лифтами в торцах и подвал. Штеф медленно поднялся на второй этаж и остановился на лифтовой площадке. Мрачный тоннель чуть освещенного коридора — мертвенно-белый свет лился только от лестницы — неожиданно подействовал на него удручающе. Штефу стало страшно.

Он вдруг вспомнил, как в детстве отправился в одиночку исследовать старое заброшенное здание бывшей мэрии. Там были такие же длиннющие коридоры и полная темнота: здание планировали отреставрировать и до начала работ зияющие проемы выбитых окон плотно забили досками. Был вечер, не видно ни зги и не слышно ни звука, но Штеф не дрейфил: смелости ему придавал новенький электрический фонарик. Он не знал, что такое испугаться по-настоящему, шагал смело.

Дело тогда за первым уроком страха не стало. Где-то в середине пути, в самом темном месте, фонарик внезапно погас, и на лицо Штефа вдруг бесшумно легла мягкая, удушливая, липкая лапа. Невесомая, и от того еще более ужасная. Штеф закричал, дернулся назад — раздалось легкое потрескивание, и страшная лапа скуксилась и повисла у него на подбородке. Штеффи был сообразительный малым, и это спасло его от истерики. Паутина! Всего лишь паутина! — с презрительной усмешкой сказал он сам себе. И на негнущихся ногах вышел из мэрии.

С тех пор пауки и темные коридоры, где бы они ни подстерегали Штефа Туччи, не получили ни одного шанса порадоваться его присутствию.

Он непроизвольно оглянулся, убыстрил шаг,

отыскал дверь лаборатории Драгинского и кое-что для себя отметил. Ни секунды не задерживаясь, вернулся к лестнице и вызвал лифт.

На третьем этаже он обнаружил точно такой же однообразный коридорный ландшафт. Тусклое освещение, завывание ветра в кое-где открытых форточках, шорох черных ветвей за окнами... Он вышел из лифта, сделал несколько неуверенных шагов и остановился.

Идти дальше?

Вдруг что-то липкое и трескучее прикоснулось к его лицу. Штеф вскрикнул и сильно мазнул себя пятерней по физиономии — на лице ничего не было. Он нервически засмеялся. Ну, Штеффи, мальчик, лечиться тебе надо! Иди-ка ты отсюда, такие прогулки тебе не на пользу! Он хотел было опять зайти в лифт, но передумал: тоскливый скрип кабины больше слышать не хотелось. Штеф дернул плечами и побежал вниз по лестнице. Ему сразу стало легче. По дороге он потрогал пару дверей — везде было заперто, толкнул раму лестничного окна на первом этаже — она поддалась.

Штеф постоял около окна, глубоко вдыхая свежий вечерний воздух. Подавленность от обхода постепенно оставила его.

Так, уходить он будет отсюда. Лаборатория Драгинского закрыта на сложный электронный запор, это несколько меняет дело, но особой проблемы не составляет. Осталось дождаться обхода, отдать честь капралу и обтяпать дело в последующий час.

Мне хватит и пяти минут, подумал Штеф и посмотрел на часы. Обход — в ноль десять, десять минут — на приход-уход пивного друга, в ноль двадцать пять — он у Эдика. В ноль тридцать — последнее «прости»!

Штеф Туччи любил четкие планы и был по-немецки пунктуален. Но если бы он действительно

знал то, чего знать никак не мог, он наплевал бы на эти свои достоинства.

И постарался бы ликвидировать «объект» до назначенного им самим часа.

До того как в дверь лаборатории кто-то несколько раз решительно позвонил, Эдик Драгинский расслабленно сидел в кресле и крутил в руках пульт дистанционного управления. Через пять минут проснутся его тамагочи, все разом, во главе с только что заряженным и подключенным пауком, и коечто захотят. Потягивая кофеек, он «накормит» их дистанционкой и поедет домой: следующий пароксизм желаний у них возникнет только в девять утра, а тогда техники уже будут на месте.

Эдик задумчиво улыбнулся. Кто бы мог подумать, что его работа с киберами примет такую форму. По причине их супердороговизны найти клиентов на них было крайне трудно. Но клиенты были. Их деньги сегодня полностью окупали стоимость проекта, а в дальнейшем, при широкой рекламе, и вовсе ожидалась хорошая прибыль. Вот только покупатели эти были довольно странные...

Действительно, думал Эдик, игрушку за несколько десятков тысяч долларов ребенку покупать неразумно, а вот для себя... Для чего взрослому игрушка? Для того, чтобы удовлетворить какуюнибудь свою странность, а может быть — порок, подавленные смутные желания, возможно, детские...

Они были большими чудаками — будущие владельцы его тамагочи, его заказчики. Познакомившись с ними, Эдик вдруг обнаружил, что вскрыл для себя какую-то совершенно не известную ему область. Патология пресыщенности — так презрительно поначалу назвал он причуды богатеньких буратино, но потом как-то вдумался и проникся к ним сочувствием. Все-таки они были все немного ненормальные, психи... Поэтому Эдик бесстрастно

и внимательно выслушивал все их фантастические пожелания и тщательно, стараясь ничего не упускать, устанавливал в кибера нужные программы.

Клиенты были довольны. Эдик видел их горящие глаза, когда они смотрели на своего тамагочи. Да и у Эдика, честно сказать, что-то глубоко внутри пищало от восторга, когда он показывал товар лицом. Взрослые игры... Как правило, они агрессивны: взрослые любят по-настоящему острые ощущения — в пределах разумного, разумеется. И Эдик Драгинский их понимал, хотя и не соглашался с такими забавами: уж он-то знал толк в острых ощущениях, испытывал их не раз...

Однако Эдик с изумлением узнал, что и сам обладает некой маленькой странностью. Подавленная агрессивность вечно затырканного «дохляка» в последнее время вдруг начинала гулко вибрировать в нем, как камертон под водой. Он тут же брался за дело, и она облегченно выплескивалась в дикие шуточки его тамагочи. И он знал: именно поэтому у него все получалось, именно поэтому были довольны клиенты. И поэтому его любимцем стал огромный черный паук с рубиновыми глазами.

Об этом кибере Эдик вел с клиентом особый разговор. Клиент выдвинул совершенно безумное требование, он наверняка был сумасшедшим. Эдик не мог спокойно смотреть в его выпуклые глаза, отнекивался и упирался, как мог, но в конце концов поддался на уговоры и согласился, предварительно заручившись разрешением руководства компании. И, закончив сегодня паука, продолжал думать о его будущем хозяине с опасливым непониманием.

Дело было в том, что паук, при всей своей нечеловеческой проворности и оснащенности самым настоящим орудием убийства, в режиме «агрессия» не имел никаких алгоритмических ограничений в действии...

Уверенные звонки в дверь вывели Эдика из за-

думчивости, он удивленно кинул взгляд на часы. Двенадцать двадцать пять, никто и никогда не заходил к нему в это время. В здании находится только дежурный охранник, может быть, что-то случилось...

Он произвел сложные манипуляции с электронным замком и открыл дверь. На пороге стоял молодой человек в форме охранника и доброжелательно, чуточку виновато улыбался ему.

— Инспектор охраны Штеф Туччи, — церемонно представился Драгинскому Штеф. Достойный объект, считал он, имеет право знать имя своего последнего друга. Это было романтично. — Простите, сэр, что оторвал вас... — Штеф прямо-таки лучился добродушием и исполнительной туповатостью. — Простите, герр Драгинский, но я сегодня первый раз заступил на смену... — Он смущенно переступил с ноги на ногу. — Единственное рабочее помещение в здании... Тем более лаборатория... — Он свел глаза к переносице и, чуть-чуть добавив скрипа в голосе, с идиотским занудством завершил: — Хотелось бы осмотреть на предмет пожарной безопасности и целости охранной сигнализации! — «Вот так, Драгинский, знай наших, охрана не дремлет!»

Эдик удивленно поднял брови и замешкался. Вообще-то, насколько он знал, в компетенцию охраны не входил осмотр аудиторий и лабораторий ККЦ, это было логично хотя бы из соображений секретности. Просиживая в лаборатории ночами, он частенько слышал гулкие шаги охранника в коридоре — тот неторопливо проходил мимо и потом стучал каблуками по лестнице. Плановый обход здания — это было нормально. Но этот ретивый охранник с голубыми глазами на дубленом лице явно слишком уж усердствовал.

Эдику не хотелось его пускать, по многим причинам. Увидит хотя бы киберов, начнет ахать, задавать вопросы, завяжет разговор, а Эдик вовсе не

собирался сейчас с ним разговаривать, он хотел домой. А потом — через пару минут проснутся киберы...

Он оценивающе взглянул на парня в дверях. Охранник переминался с ноги на ногу и смиренно ожидал разрешения войти. Небось, волнуется за свое первое дежурство, не знает, что к чему, да и инструкции еще, как следует, не изучил, перегибает...

Ладно, пусть успокоится... и развлечется заодно — домой Эдик всегда успеет.

— Ну что ж, заходите, инспектор.

Он посторонился и пропустил Штефа в лабораторию.

Штеф что-то удовлетворенно буркнул и, опустив голову, шагнул в помещение.

Все шло точно так, как он и спланировал. Он мог бы хлопнуть Эдика и на пороге, но этому препятствовали разные соображения. Во-первых, когда между тобой и жертвой находится готовая в любой момент разделить вас преграда, оружие надо готовить заранее. А Штеф не был уверен, что у хитроумного еврея возле двери не понатыканы скрытые глазки телекамер. В этом случае Серый Волк с огромным пистолетом в лапах дергал бы за веревочку до тех пор, пока не приехали бы злые охотники. Во-вторых, готовить выстрел на глазах у опасливого невротика — а Эдик был именно им, Штеф в этом не сомневался! — значит тоже увеличить вероятность поцеловать замок и уйти ни с чем. И в-третьих, Штеф не любил стрелять через порог, он был суеверен...

Выстрелить и обезьяна сумеет, думал Штеф, а вот засунуть объекту пулю за пазуху так, чтобы он никак не смог отказаться, — не всякому специалисту порой под силу!

Штеф собирался потереться в лаборатории до тех пор, пока Эдик не встанет к нему спиной. Тогда Штефу не грозят никакие неожиданности — он до-

станет из-под рубашки, из-за ремня, свою бесшумную пукалку и подарит одну пулю своему печальному визави. Тот не откажется. От подарков не принято отказываться.

Эдик пропустил Штефа вперед, и тот прошел по длинному тамбуру в огромную полутемную комнату с обширным столом посередине.

На столе черным зловещим холмом возвышалась литая туша паука — в кустистом бесформенном обрамлении лап-манипуляторов. Глаза паука горели ровным красным огнем. Едва слышное, но отчетливое гудение каким-то образом грозно оживляло его неподвижность. Впрочем, оно исходило не только от него — тихо и угрожающе гудело и в темноте стеллажных полок, и в углах комнаты.

Эдик попытался представить себе ощущения парня при виде его лаборатории и не смог. Но он явственно почувствовал, как напрягся охранник, и это был не испуг, вдруг отметил про себя Драгинский, этот парень подобрался, как хищник в чужом лесу. Рубашка Штефа натянулась на окаменевших мышцах спины, и это Эдик отметил тоже.

Странно, подумал он, реакция у парня все-таки какая-то ненормальная... Эдику стало даже немного обидно: не в берлогу же зашел этот... невротик — в экспериментальный зал киберигрушек! В любом случае Эдик его сюда не звал и, тем более, не собирался пугать.

Парень замер в непонятном ступоре. Пауза затянулась. Эдик решил разрядить обстановку и снова посмотрел на часы.

— Послушайте! — громко сказал он и, обогнув крепкую фигуру Штефа, подошел к столу и взял в руки пульт дистанционного управления. — Через двадцать секунд здесь будет довольно весело и...

И здесь что-то произошло с Эдиком Драгинским. Что-то случилось. Эдик застыл с пультом в занемевших руках.

Это не охранник, вдруг пришла в голову спокойная мысль. И тоненькая нотка тревоги, звучавшая в нем с момента появления чужака перед дверью, взорвалась в сознании могучим ревом. Это не охранник!.. Кибер-паук сбил пришельца. Черный злобный паук вполз в Эдиково жилище и увидел черного злобного паука на столе — место было занято. Дружище сбил его...

Эдик стоял к Штефу Туччи спиной.

Сзади раздался металлический щелчок.

Евдокимов... Вовка Евдокимов с жестокой улыбкой на продубленном от неумеренного курения мальчишеском лице стоял сейчас у Эдика за спиной. В руках у него была только что открытая булавка, он хищно улыбался коричневыми зубами, и булавка уже начала свое тайное движение к Эдикову заду. Сейчас она вонзится ему в ягодицу, острая боль пронзит его аж до кончика пениса, он вскрикнет, а Евдокимов, торжествующе хохоча, отвесит ему еще здоровенного пинка...

Не стой!!!

Эдик инстинктивно шарахнулся в сторону.

Негромкий хлопок выстрела на мгновение заглушил ровное гудение киберов.

Штеф Туччи выстрелил и, не опуская пистолета, изумленно чертыхнулся — он промахнулся! Он не ожидал от Драгинского такой прыти! Откуда что берется, мать твою! Последние полминуты Штеф только и делал, что удивлялся. Сначала — мрачному пейзажику Эдикова склепа, потом этот страшный монстр на столе его встретил: Штефу так и показалось — встретил! А теперь и сам хозяин фортеля выкидывает, ковбой недоделанный.

Пистолет Штефа уже смотрел в голову обернувшегося к нему Драгинского. Штеф хладнокровно встретил его испуганный взгляд и улыбнулся:

— Герр Драгинский, улыбочку! Сейчас отсюда вылетит...

В глубине комнаты громко пискнул зуммер элек-

тронного таймера. Берлинское время — ноль часов тридцать минут.

— ... цыпленок!

Палец Штефа выбирал свободный ход курка.

— Мать твою, тетя! Ты совсем забыла про своего серого пупса!

Визгливый противный голос хлестнул Штефа вдоль позвоночника. А в следующее мгновение на руку с пистолетом откуда-то с потолка упала отвратительная тварь с перепончатыми крыльями.

— Мы сегодня будем ужинать? Твой котенок голоден!

Летучая мышь! Говорящая! Штеф опешил. Ствол пистолета под тяжестью мыши опустился и смотрел дулом в ноги Драгинского. Стрелять не имело смысла.

Говорящая тварь больно обхватила его запястье когтистыми лапками и полезла вверх по рукаву. Серая мордочка с мутными бусинками белесых глаз потянулась к лицу. Тварь открыла маленькую пасть и зашипела.

Нервы Штефа не выдержали. Он изо всей силы тряхнул рукой, выронил пистолет и с омерзением отшвырнул перепончатую прилипалу в сторону. Его трясло.

Тварь отлетела на дальний край стола, неуклюже поднялась и обиженно тряхнула крыльями. Только сейчас Штеф увидел у нее на груди небольшой выпуклый экранчик с какой-то движущейся картинкой. Экранчик тревожно мигал.

Тамагочи! Штеф наконец-то сообразил, на десятой секунде после выстрела: робот-тамагочи, всего лишь робот, есть просит! Ну и напридумывал этот еврей, Штефу на голову! Штеф старается, Штеф спешит, Штеф теряет драгоценные секунды, а под ногами у него путается механическая гадость, просит жрать и называет тетей!

Он быстро перевел взбешенный взгляд на Эдика — тот оцепенело стоял, прижавшись к стене, в

проеме между металлическими шкафами. «За это я убью тебя, уже спокойнее подумал Штеф, убью голыми руками, не тратя времени на пистолет...»

Ему надо было поторапливаться. Занятый дурацкой возней с летучим вампиром, он совсем не заметил, что лаборатория ожила. Он настороженно ощупал взглядом помещение.

В темных глубоких проемах стеллажей, в черноте распахнутых подсобок, сверху, сбоку, за спиной — отовсюду! — зажигались нечеловеческие живые глаза. Перестуки, всхлипы, стоны, бормотание, агрессивные выкрики заполнили комнату. Где-то взрыкнул мощный мотор. Черный паук на столе ярко засветил экран на брюхе и зашевелил лапами. Его рубиновые сегментированные глаза внимательно уставились на Штефа.

Штефа передернуло. Заканчивай это дело, не медли! Он сделал два быстрых шага к Драгинскому и обрушил на его голову страшный удар кулаком — Эдик рухнул как подкошенный.

«Самый быстрый способ, — ухмыляясь, подумал Штеф. — Самый быстрый и безотказный. И, кстати, российский. — Он поддел ногой бесчувственное тело. — Слышишь, Драгинский? Ваш способ, отечественный... Но это так, для начала...»

Он огляделся.

Штеф предпочитал пистолету работу руками, но все-таки лучше всего у него получалось с п р е д м е т о м. Взгляд его упал на бобину гибкого экранированного провода в дальнем углу лаборатории. «То, что надо, — удовлетворенно оглядел он находку, — это сгодится». И направился в противоположный угол.

С момента выстрела и нападения перепончатой твари прошло чуть меньше минуты. Штеф Туччи не ведал и не мог знать, что истекали последние секунды пребывания киберов в режиме «вялого запроса». Подавляющее их большинство не задерживалось на добродушной ругани или призывных сиг-

налах с места: не для этого их покупали. Клиенты желали взрослой игры, клиенты ждать не хотели, и Эдик вложил в тамагочи всего лишь одну такую минутку. За это время, если хозяин «игрушки» не хотел никаких осложнений, ему следовало своего тамагочи «накормить» — либо с пульта, либо нажатием большой красной кнопки рядом с экраном. В этом случае киберы впадали в состояние «тихой игры» и последующего «сна».

Ненакормленный тамагочи переходил в режим «агрессии». Наиболее сложные киберы раскачивались еще тридцать секунд, а потом приступали к активным действиям.

Штеф обязательно бы поинтересовался на всякий случай, если бы его информировали о таких вещах, — это как? Все зависит от странностей и индивидуального темперамента клиентов, ответили бы ему. Эти твари и уроды вытворяют разные штуки, когда им недодали кусок хлеба... Вот, например, летучая мышь — кстати, неприятное исключение из правил, в нее не вложена страховочная минута! — ведет себя просто безобразно с первых секунд после пробуждения. И такое поведение, надо сказать, характерно для многих тамагочи-киберов. Но не волнуйтесь: все это хлопотно, но довольно безопасно. Тем более, что большинство из них лишены Драгинским возможности свободно передвигаться. Правда, не все... Но для вас это не имеет никакого значения. Главное — инженер!

Беда Штефа состояла в том, что даже такую уклончивую консультацию сейчас дать ему никто не мог.

Штеф низко нагнулся над бобиной и стал отыскивать конец провода.

— Я хочу тебя!!!

Могучий призывной рык голодного самца перекрыл вскричавший вдруг на разные тона гневный хор голосов вокруг Штефа. Он вздрогнул, как от удара током. Пальцы, нащупавшие было нужный

виток, дернулись, на указательном сломался ухоженный ноготь. Штеф побелел от бешенства. Эти тамагочи точно его сегодня достанут своими фокусами! Он настороженно обшарил взглядом горящие глаза в недрах стеллажей и снова склонился над бобиной — где же этот конец?

Упругий конец резиновой полицейской дубинки больно ткнул его в зад. Штеф замер и стал медленно разгибаться. В животе у него стало холодно.

— Вставай!

Грозный окрик властно ударил в спину. Штефа пробил холодный пот. Полиция?!

— Поднимайся, зараза, я хочу тебя!

Штеф облегченно стряхнул с себя липкие объятия позорного страха. Холод в животе сменился горячим желанием хорошенько вдарить по яйцам невидимому шутнику. Он обернулся и... опустил изумленный взгляд вниз.

В его пах упирался гигантских размеров красный резиновый пенис с метр величиной. Начинался он от цинично спущенных штанов чубатого молодца ростом в полчеловека. Блудливая ухмылка застыла на неподвижном поливиниловом лице. Экран на груди тревожно взывал: «Успокой маньяка!»

Молодец нетерпеливо взрыкнул и дернул руками. Из рукава вылезла механическая пила с пластмассовыми зубьями и, завизжав, угрожающе нацелилась Штефу в лицо. Он попятился, споткнулся о чертову бобину и рухнул на нее задом. Вот это да! Маньяк с пилой! Это покруче перепончатой твари!

— Я долго буду ждать тебя, засранка?! — подхлестнул озабоченный кибер.

Штеф взбесился: «Они что, за девочку меня держат здесь, куклы поганые?»

Почему-то именно это доконало его окончательно. Он вскочил со зверской гримасой на лице и изо всей силы заехал сладострастнику ногой между нижних конечностей. Маньяк с недоуменным бормотанием поднялся в воздух, его напряженный

красавец прочертил по потолку прямую линию и вместе с хозяином рухнул на спину перепончатой твари. Штеф крякнул: хорошо получилось! Но праздновать победу было преждевременно.

Встревоженно кудахтавшая тварь ловко выбралась из-под потерявшего сознание маньяка и с гадким прищуром обличающе уставилась на Штефа.

— Я вижу, ты и не собираешься накрывать на стол, дрянь! — сообщила она ему и прыжком взгромоздилась на спину паука. — Но ничего, я заставлю тебя!

Штеф еле успел увернуться — летучая мышь взмахнула крыльями, оттолкнулась от паучьей спины и когтистой тенью пронеслась около его головы. «В прическу целила!» — встревоженно возмутился аккуратист Штеф Туччи, а потом со свирепой гримасой схватил летучую мышь, севшую на бобину, и засунул ее под перевернутое помойное ведро.

Он разогнулся и зло сдул упавшую на лоб челку. Все, теперь не вылезешь, будь ты проклята! Он развернулся к столу: а тебе не поддать еще, озабоченный?!

Штеф с изумлением поймал себя на том, что стоит посреди лаборатории и дышит как загнанная лошадь. Все шло совсем не так, как он себе представлял. Прошла уже уйма времени с тех пор, как он перешагнул порог лаборатории, а он все еще кружил вокруг Эдика и никак не мог сделать такое простое дело — прикончить, наконец, чернявого дохляка. Ну, ничего, сказал себе Штеф, сейчас мы это дело быстро исправим. Сейчас...

Он огляделся, быстро подошел к столу и намотал на руку длинный провод лежавшего под пауком паяльника. Паук посмотрел на него строгим взглядом, и одна из длинных лап-манипуляторов легла Штефу на плечо.

— Ты что, не видишь, что написано у меня на брюхе? — менторским тоном гулко спросил он. Во-

прос был издевательский: брюхо паука смотрело в стол. — Ты не видишь? Я прочту тебе, если ты не умеешь читать: «Дай мне муху!»

Штеф, не обращая внимания на это занудство, сбросил с себя его вонючую лапу и дернул паяльник на себя. Тот не поддался, застряв в переплетении бесчисленных суставчатых лап. Штеф чертыхнулся: не везет, так не везет, умирать тебе сегодня, Эдик, все-таки от пули... Он бросил провод и отыскал глазами брошенный на полу пистолет — тот мирно лежал у безвольно раскинутых ног Эдика. Больше не мешкая, Штеф двинулся было к нему, но холодные металлические лапы паука деликатно придержали его за шею.

— Ты что, не понял, дружище? Я могу и по-другому с тобой поговорить!

Внутри паука что-то щелкнуло, на спине открылась створка встроенного люка. Манипуляторы сильнее сжали Штефа, пригибая за шею.

Штеф не стал ждать продолжения. Он резко упал на колени, высвободился от хватки железных лап и кинулся к пистолету.

Широкая стальная дверь одного из шкафов, между которыми лежал Эдик Драгинский, со скрежетом распахнулась и закрыла от Штефа и проем между шкафами, и валяющуюся там, недоступную теперь жертву, а вместе с ними и вожделенный пистолет. Из зияющей черноты открывшегося пространства вместе с парализующим звуком сирены ударили два ярких луча маленьких прожекторов. Они безошибочно отыскали стоящего на четвереньках Штефа и скрестились на его лице. Он зажмурился. Сирена внезапно смолкла, и только теперь он услышал бешеные взрыки мощного мотора и самый настоящий лязг гусениц.

Штеф открыл глаза. Из шкафа сноровисто выезжал, делая одновременно сложный маневр с разворотом на ходу, здоровенный зеленый танк величиной с обеденный стол. «Два прожектора, пуш-

ка, пулеметное гнездо и какая-то базука на правом крыле...» — автоматически оценил Штеф оснастку и вооружение и попятился: танк въехал в пространство между Штефом и ширмой двери, еще раз развернулся и опустил пушку на уровень его лба.

Дорога к Эдику была перекрыта тяжелой военной техникой.

— Танковый экипаж номер двадцать три-семнадцать второго мотострелкового взвода шестого десантного полка прибыл для прохождения технического осмотра!

Громовой механический голос раскатистым эхом отозвался в голове Штефа. Глубоко внутри черепной коробки что-то предательски щелкнуло. Звуки пропали.

Он заглянул в темное жерло орудия. Он очумело пожмурился на прожекторы. Он внимательно осмотрел блестящие траки гусениц. Он подождал, не скажет ли что еще бодрый танкист из нутра. А потом улыбнулся. И, не в силах больше сдержаться, истерически захохотал.

Штеф Туччи на секунду потерял себя в другой реальности.

«Здесь и сам шеф, наверное, обхихикался бы! — сказал себе Штеф, немного успокоившись и вытирая навернувшиеся на глаза слезы. — А потом плюнул бы инженеру в рожу — поверх брони — и ушел бы к чертовой матери! И все-таки я сейчас перелезу через эту машинку...»

Он поднялся с колен и сделал шаг в сторону, собираясь залезть на танк сбоку. Его остановили два одновременных выкрика, спереди и сзади.

— Стой, стрелять буду! Отказ от ремонта двигателя рассматривается как саботаж! Приступайте к работе немедленно. При попытке побега стреляю без предупреждения!

Верхняя пластина корпуса за башней танка отошла в сторону и обнажила сложное переплетение внутренностей ходовой части. Пушка чутко отозва-

лась на движение Штефа и с тягучим стоном задралась на уровень его груди. Пулемет натужно проскрипел и тоже взял Штефа на мушку — ниже пояса.

В то же самое время паук расправил манипуляторы и встал на столе в полный рост. Очнувшийся сексуальный маньяк мстительно взрыкнул из-под светящегося брюха. Паук приосанился и предостерегающе повел передними лапами:

— Не вздумай никуда уходить, дружище! Я уже иду к тебе!

Паук обещающе мигнул экраном и присел. «Для прыжка! — ошалело вскинулся Штеф. — Он присел для прыжка. Он хочет п о г о в о р и т ь п о — д р у г о м у!»

Теперь уже дурацкие требования танкистов его не интересовали — он испуганно сосредоточился на движениях паука. И увидел: колючий кустарник лап дрогнул, и из отверстия на спине выпрыгнула рука. Штеф попятился — длинная мускулистая рука из пластика и стали, в ее внушительном кулаке была зажата ржавая средневековая секира с обломленным черенком.

Штеф сморгнул. Ржавая. С зазубринами. Со следами засохшей крови на рваных краях...

«Краска! Это всего лишь краска, дебил! — закричал Штефу кто-то внутри, кто не потерял еще способности трезво мыслить. — Прыгай через танк, заканчивай дело и уходи!»

Почти неслышно взвизгнули шарниры у основания кисти, и секира со свистом прокрутилась в воздухе. Капли полузасохшей крови брызнули Штефу в лицо. Передние лапы паука снова протянулись к его плечу. Паук сдвинулся с места.

Время для Штефа перестало существовать.

Штеф закричал — так, как не кричал никогда в жизни. Штеф попятился, закрывая лицо руками. Штеф сделал два шага спиной вперед — туда, где светился проем спасительной двери.

И тогда ему в грудь ударило вспышкой огня орудие танка.

А потом в унисон рокотанию двигателя деловито забормотал пулемет.

И черный паук тяжелой громадой завис перед ним, закрыл собой все: он прыгнул.

Жизнь Штефа Туччи, за которую в эту секунду никто не дал бы и ломаного гроша, висела буквально на волоске — ровно столько, сколько танковый снаряд покрывал расстояние до цели. Его спас выстрел танка. Небольшая полумягкая резиновая болванка больно ударила его в грудь и отбросила к порогу лаборатории, в тамбур. Через мгновение массивное тело паука обрушилось на то место, где только что стоял человек, ржавая секира еще раз со свистом разрезала воздух.

Оглушенный Штеф неуклюже поднялся с пола, чисто механически общупал ноющую грудь, стряхнул с брючин прилипшие к штанам пулеметные пули. Ноги гудели от множества микротравм. «Ну, это еще ничего, — совершенно равнодушно сказал он себе, как будто успокаивал кого-то другого. — Это ерунда еще, Штеффи, бывает хуже!» Он покачнулся, оперся рукой о стену. «Надо тебе уходить, — так же равнодушно пришла здравая мысль. — Наплюй на Эдика, надо тебе уходить — спокойно и по-английски, не прощаясь. Жизнь дороже... дружище!»

Штеф еще несколько долгих мгновений тупо смотрел на надвигающегося на него паука, а потом подпрыгнул на месте и опрометью бросился в коридор.

И услышал, как средневековая секира обрушилась на металлическую обшивку крепко захлопнувшейся за ним двери.

Начальник охранной смены Компьютерного Коммерческого Центра Ханс Брегман тяжелой посту-

пью продвигался к правому крылу ККЦ. Он забыл при первом обходе у новичка Карла свой обходной журнал, и ему пришлось возвращаться почти от самой проходной. Ханс недовольно пыхтел. Он уже завершил свой очередной плановый обход зданий. До следующего похода и так оставалось совсем ничего, меньше часа, а ему теперь приходилось тратить время на лишнее посещение.

Ханс Брегман остановился и тяжело вздохнул. На душе его было неспокойно, а такое с ним случалось не часто. А если случалось, то всегда означало наступление неприятностей по службе. Или ЧП на объекте.

Он рассеянно посмотрел на единственное горевшее в здании окно инженера. Не спится ему. Молодой еще, резвый, а Ханс бы уже давно ушел на покой, если бы не личная просьба директора да двойная зарплата. Ханс улыбнулся: он знал, за что его ценят, знакомый психолог из Центра ему объяснил.

Увидеть его бегущим с пистолетом в руке, сказал тот парень, можно было только в тяжелом бреду. И какими путями работа в охране и Брегман друг друга нашли — остается загадкой. Но Ханс был одним из тех редких людей, которые изменяют реальность. Как только он заступал на свой пост, бурные реки различных коллизий вступали в спокойные берега. Как только он опускался в кресло, они превращались в скучнейшие ручейки. Когда же Брегман делал обход, даже крысы в подвале внезапно бросали возню и уходили от дел.

И еще, добавил психолог, у вас хорошая интуиция, герр Брегман, а это в охране ценят превыше всего. Оказаться в нужном месте и в нужное время дано не каждому!

Если бы Штеф Туччи слышал эту характеристику, он не колеблясь перенес бы время исполнения заказа в другую смену. Или сначала замочил бы неведающего носителя воли Провидения — старого

капрала Ханса Брегмана. И сделал бы это совершенно напрасно: на этот раз Провидение, как всегда, вело старого охранника к горячей точке, но роль ему предлагалась на этот раз совершенно иная...

Брегман еще раз вздохнул и потянул на себя тяжеленную дубовую дверь. Если и есть у него интуиция, то что он с ней будет делать, коли чего случится. Да и старый он стал, реальность теперь менять — дело других. Сейчас он пожмет руку новичку Карлу, строго взглянет на пульт и — в комнату охраны, к телевизору, до половины второго.

Способность предвидеть и влиять на окружающий мир в эту минуту тихо покинули Ханса: он сам от них отказался...

В ярко освещенном вестибюле и за пультом охраны никого не было. Брегман прошаркал к рабочему месту Карла и отыскал на столе свой журнал. Парень обходит здание, скоро вернется — Ханс его подождет. Он тяжело опустился в кресло. Надо будет пожурить новичка за открытую дверь и напрасный расход электричества. Ханс для порядка сделает это и пойдет отдыхать.

Он прислушался, не звучат ли наверху шаги Карла.

Тишина.

Здание спит, вздремнет на минутку и он, старик Ханс. Тот психолог сказал, что превыше всего они ценят его интуицию... Ерунда... Ханс превыше всего ставил покой. Он вздремнет.

Покой превыше всего...

Громовой раскат выстрела танкового орудия выбросил Ханса Брегмана из кресла. Крупный кусок потолочной лепнины обрушился ему на голову. Тревожно загудели стекла старинных оконных рам. Ханс вскрикнул, схватился за голову и уставился выпученными глазами на потолок. Быстрый глухой перестук каблуков процокал над головой. Карл! Что он там делает, мать его так?!

Ответом Брегману была довольно длинная пау-

за, а потом — страшный треск и последовавший за ним грохот тяжелой упавшей двери. Потолок содрогнулся. Неоновые лампы тревожно мигнули. У Брегмана закружилась голова.

Нападение! Группа террористов! Захват здания! Кто-то палит из базуки! «Неправильно, — ответил ему спокойный голос вернувшейся на секунду интуиции.— Это не базука...»

Над головой явственно залязгали траки танковых гусениц.

Ноги Брегмана подкосились, и он стал медленно оседать на пол.

— Сволочь! Я все равно доберусь до тебя, сука! — пообещал Хансу приглушенный перекрытием психопатичный голос со второго этажа. Его поддержали бешеные взрыки танкового мотора. Еще один орудийный залп и стрекот станкового пулемета не дали Хансу упасть — он подскочил как ужаленный.

Мысли в голове заскакали, как каучуковые мячики. Что делать? Идти туда? Карл и инженер, наверно, уже мертвы. А может быть, их взяли в заложники? Надо вызвать подмогу, объявить тревогу. А вдруг они живы и не в плену, Карл отстреливается там один? Ханс должен им помочь!

Ханс Брегман не был трусливым человеком. И он, несмотря на долгие годы работы в охране, никогда не был профессионалом своего дела. Сочетание этих двух качеств и определило его опрометчивый, но мужественный шаг.

Он встряхнулся, снял пистолет с предохранителя и, забыв о сигнале тревоги и вызове полиции, прошел мимо пульта по направлению к лифту. Он не может идти по лестнице, у него дрожат ноги, но он вызовет лифт и подоспеет на помощь Карлу.

Он нажал кнопку вызова, электронная панель над раздвижными дверями мигнула — лифт стронулся со второго этажа.

Зловещий скрип спускавшейся лифтовой каби-

ны заставил Ханса собраться. Пока автоматические двери плавно раздвигались, он уже стоял наготове — широко расставив ноги и вытянув вперед обе руки, сжимавшие пистолет. Мозги у него теперь встали на место, голова работала четко, каждую секунду он знал, что будет делать дальше.

Если лифт двинулся после вызова, значит, в нем никого не было, но мало ли что... Очевидно, на этаже его уже ждали, но в лифте он ляжет на пол и прикроет свой бросок из кабины беглой стрельбой в расширяющуюся щель между дверями. Главное, не зацепить своих...

Ханс не очень представлял себе, как он будет делать этот «бросок из кабины», если брюхо его свисало поверх ремня до колен, но решимость его была велика. Он нетерпеливо взрыкнул и крепче сжал пистолет.

Двери лифта раздвинулись.

То, что предстало напряженному взору изготовившегося к схватке Ханса, он мог увидеть только в кошмарном сне. «Вот это и есть тот самый тяжелый бред, о котором говорил психолог, — мелькнуло в голове Ханса. — Тяжелый бред... и я — с пистолетом в руке». Палец на спусковом крючке задрожал, но стрелять он не стал, потому что стрелять — означало признать, что он окончательно спятил.

Из лифта на Ханса Брегмана выкатывал новенький полированный гроб на колесах. Крышка гроба аккуратно откинулась в сторону — Хансу в лицо неприятно пахнуло трупным душком. Навстречу из бархатной красной глуби вынырнул абсолютно голый мертвец и, протянув к нему бледные руки, уселся в гробу.

— Похорони меня, брат! Ты обещал и не сделал!

«Все! — закричал себе Ханс и опустил вниз трясущийся пистолет. — Все, брэк, приятель! Успокойся, иначе ты сейчас сойдешь с ума!» Он кое-что начинал понимать.

Как только он заглянул в стеклянные глаза ожив-

шего трупа и увидел мерцание светодиодов, он одновременно заметил и экран на груди, в паутине седых волос. Штучки инженера, разрази его гром. Гребаные штучки инженера!

Стоя у гроба, Ханс Брегман стал суетливо копаться в памяти. Все-таки он являлся сотрудником ККЦ и о работах Эдика Драгинского был немного осведомлен. По Центру и среди охраны ходили разные разговоры о секретах русского инженера — Ханс особо не прислушивался: главное, с ним не говорили об этом в дирекции, а значит, дела эти были не опасны, к охране объекта отношения не имели. И все-таки он кое-что слышал.

А голый покойник расставил все по местам.

Там, на втором этаже, роботы, понял Ханс. Бессмертные тамагочи, он слышал: инженер делает их богачам на заказ. Они не умирают, их можно только выключить... Или исполнить желание — тоже кнопкой. Но где она у них? Ханс не знал. Говорили, что денег компания на них не жалеет, ведут они себя почти натурально, как живые, и оснащены... этими... — голова у Ханса загудела, — системами теплового, визуального и аккустического наведения, всплыли в памяти чьи-то слова. Они реагируют на объекты с температурой человеческого тела, производящие шумы средней громкости...

Ханс сам себе удивлялся, откуда он все это помнил. Впрочем, все без задержки тут же вылетело из него, он понял главное: на втором этаже техническое происшествие, а от мертвеца так просто не отвяжешься.

Он сделал шаг в сторону и встал сбоку от гроба. Мертвец истерически взвизгнул, и гроб развернулся так, что его обитатель опять оказался к Хансу лицом. Беспокойный покойник рассвирипел:

— Ты слишком долго думал, говнюк! Ну, подожди, теперь я сам закопаю тебя!

Мертвец, вращая глазами, зашарил руками в гробу. Секунду спустя раздался его торжествующий

вопль: штыковая лопата в костлявых руках, вся в комьях земли, зависла у Ханса над головой.

— Стой! Отставить!

Рассерженный голос начальника смены Брегмана прогремел на весь вестибюль. Светодиоды покойника недоуменно мигнули, он ошарашенно замер.

— Сам ты говнюк! — прежде всего вернул оскорбление Ханс. А потом он шагнул к мертвецу, вырвал из его рук лопату и, не теряя времени, быстро заскочил в лифт. Двери кабины захлопнулись перед самым носом опешившего мертвеца.

«Там, как видно, творится представление похлеще, — думал Ханс, нажав кнопку второго этажа и нетерпеливо переминаясь с ноги на ногу. — Карл и инженер, наверно, запарились...» Мысли опять перескочили к работе инженера. «Значит, и танк он им сделал... А чем он стреляет? И, позвольте спросить, в кого? А может быть, в его, Ханса, личный состав — рядового охранника Карла?» Ханс взъярился. Что там у них происходит?

Двери открылись, он засунул пистолет в кобуру, шагнул на площадку и замер как вкопанный.

Широкие стеклянные двери, ведущие с лестницы в полутемный тоннель коридора, были открыты. Но дверной проем сверху донизу перекрывала блестящая металлическая паутина.

Брегман испуганно замер. Ему опять стало страшно. Как оказалась здесь эта сетка? Он захлопнул открывшийся от изумления рот и прежде всего всмотрелся в преграду. Тонкие серебристые нити сетки обвивали миниатюрные головки шурупов. Те были намертво вкручены в торцы стен.

Ханс не стал задаваться вопросом, кто это так пошутил — ответ он приблизительно знал. Вот только что это за механизм, который может делать такую работу? Ханс осторожно нажал на преграду — с тем же успехом он мог бы давить и на стену.

Оттуда, где стоял Ханс, хода в лабораторию Драгинского не было.

Только теперь, оправившись от легкого шока, он вгляделся сквозь ячейки преграды в полутьму коридора. Изумленному взору его предстало невероятное зрелище.

Людей в коридоре не было. Разбитая в щепы дверь лаборатории валялась на полу, по ней вяло скакали красные блики аварийного освещения. Глухие, почти человеческие стоны и ругань доносились из комнаты. Но это было не главное...

В коридоре развернулась своя, особая жизнь. Кричал младенец — он ездил в сидячей коляске вдоль стен и раздраженно размахивал бутылочкой с соской. За коляской тупо ходил мужичок с пилой, без штанов, его клоунский член бодро смотрел в потолок. Еще же там был суставчатый змей, и летучая мышь на окне, и белый скелет бродил в полутьме, и мигал, и кричал, и зеленый утопленник что-то бурчал ему в спину... А в конце коридора, у дальнего лифта стоял и молча стерег все это грозный танк.

Ханс Брегман прижался лицом к паутине и крикнул:

— Эй, Карл! Герр Драгинский!

И сразу же понял, что сделал это напрасно.

В коридоре вдруг стало светло — два мощных прожектора с танка ударили Хансу в лицо. Слух резанул восторженный хохот утопленника. Ханс на секунду ослеп от яркого света и отвернулся, а когда снова взглянул в коридор...

Коляска с младенцем уже включила первую скорость и мчалась к нему. Летучая мышь сорвалась с окна и, выставив когти, неслась к паутине. В руках мужичка без штанов завизжала пила. Суставчатый змей зашипел и пополз за коляской.

— Всем оставаться на местах! Расстрел саботажника производит боевой расчет танка двадцать тринадцать! — попыталась сдержать всеобщее оживление строгая команда из танка.

Ханс вовремя смекнул, к чему идет дело, и отлип наконец от сетки.

И вовремя.

Когти летучей мыши вцепились в паутину напротив его лица. С недетской силой брошенная бутылочка с соской разлетелась от удара о стену рядом с головой Ханса. Коляска с воем врезалась в упругую преграду — туго натянутые нити загудели.

А потом прогрохотал выстрел. Паутина снова прогнулась, и под животом у летучей мыши в сетке застряла резиновая чушка размером со здоровый кулак. Ханс отпрянул: от неминуемого «броска в кабину», спиной вперед, в обнимку с коварным снарядом его спасли частые ячейки загадочной паутины.

Ханс развернулся и побежал в лифт. С него достаточно: то что нужно, он увидел. Инженера и Ханса здесь нет, сказал он себе на бегу. Ханс мог бы поклясться, он мог поставить на что угодно: инженера и Карла здесь ему не найти.

Он вскочил в лифт и нажал кнопку третьего этажа. Роботы Драгинского разбили лабораторию и выкурили людей — куда? Если их нет внизу и здесь, значит, они ушли на верхние этажи. Только почему их не слышно? И кто все-таки сделал сетку? Ханс среди коридорных аборигенов таких мастеров не увидел...

Пока закрывался лифт, он бросил последний взгляд на проем коридорных дверей. Вся паутина со стороны коридора была облеплена тамагочи. Танк медленно продвигался в направлении лифта, пушка его была прощально поднята вверх. Киберы, снова оставшись одни, как сироты из-за калитки приюта, призывно пялились на покидающего их человека. Хансу стало их жалко. Двери захлопнулись.

Когда лифт прибыл на третий этаж, Ханса встретила молчаливая пустота коридора.

На четвертом этаже он сразу вышел из лифта. Последний этаж. Если здесь нет людей, он объявит тревогу, а сам начнет тщательный поиск один, пока не прибудет полиция.

Сначала он опять увидел пустой коридор, а когда повернул голову в сторону лестничного пролета... Он не обнаружил людей, но теперь смотрел на того, кто умеет делать прекрасные сетчатые переплеты на стенах здания. Кибер-паук!..

Ханс уже в который раз сильно испугался, но виду не подал. Огромный механический монстр молча уставился на него красными плошками сегментированных глаз. Суставчатые лапы дрогнули в ответ на появление Ханса.

Пауза. Оба помолчали. Ханс открыл было рот, чтобы сказать что-нибудь приличествующее встрече со столь солидным существом, но не успел.

— Господин капрал! — раздался тревожный сдавленный шепот над головой. — Господин капрал, я здесь...

Ханс Брегман поднял голову. Голос звучал из-за двери узкой подсобки на тупиковой лестничной площадке между наглухо забитым чердаком и лифтом.

Когда Штеф Туччи выбежал из лаборатории Драгинского и крепко захлопнул за собой дверь, он получил всего несколько секунд передышки. Но этого времени ему с лихвой хватило на то, чтобы прийти в себя. Он отбежал подальше от двери, сотрясаемой ударами пауковой секиры, и на мгновение безвольно припал к стене. Загнанное хриплое дыхание мешало сосредоточиться, болела ушибленная снарядом грудь, ноги гудели, пережитый страх толкал его прочь, прочь от треклятого гнезда бешеных тамагочи.

Он проклял тогда все — и свою нечеловеческую работу, и шефа, давшего ему такой безобразный заказ, и Эдика с его идиотскими придумками, и его клиентов с их мазохистскими фантазиями. Но все-таки он был профессионалом. Он должен был довести начатое хотя бы до логического заверше-

ния. Он был приучен выполнять заказы всегда, в любой, самой тухлой ситуации идти до конца. Да если поразмыслить, то другого выхода у него и не было: с таким треском провалить дело, так раскрыться, оставить живого свидетеля покушения.... Да еше свидетель этот — жертва, в которую не попала ни одна пуля... Его просто заживо сожрут в организации! Штеф мог вполне серьезно опасаться за свою шкуру, если сейчас поддастся панике и убежит.

Штеф уже чуть-чуть отдышался и немного успокоился. Он осторожно помассировал ноющую грудь — думай! Думай, Штеффи, шевели мозгами: дорога тебе отсюда открыта только через труп Эдика Драгинского.

Он затравленно оглянулся на дверь лаборатории. Вернуться т у д а ?! В это паучье гнездо, в этот танковый гараж, в этот вертеп свирепых маньяков и отвратительных тварей? Не-ет! Пока о н и там, хода ему в лабораторию не было. И хорошо, что замок, которого Штефу никогда, при всем желании, не открыть, — захлопнулся.

И тут он вспомнил — пульт! Пульт дистанционного управления в руках Драгинского! Эдик потянулся к нему, когда все началось, и что-то говорил. Что — Штеф не помнил, но это и не важно: очевидно, Эдик хватал его, чтобы «накормить», выключить своих уродов!

Штеф окончательно пришел в себя и энергично сжал кулаки. Ему нужен этот пульт! Тогда он сможет отключить паука и танк, а потом спокойно закончить разговор с Драгинским.

Да, но как? Как ему добраться до пульта? Сам он открыть дверь не сумеет, да и не будет этого делать, даже под пистолетом. Вот если бы о н и сами вышли оттуда, хотя бы на минуточку, он тогда нашел бы способ проникнуть туда незаметно...

Монстры Драгинского как будто прочли его мысли. Он только подумал, он совсем еще не был готов,

он не имел четкого плана, он еще не собрался — но его никто не спросил.

Удары секиры о дверь вдруг прекратились и наступила тревожная пауза. Штеф потом понял, что танк и паук в это время менялись местами — договорились? — а потом рев мотора стал ужасающе громким, и страшным ударом брони танк вынес дверь в коридор.

Таран он, как и положено, выполнял задним ходом.

Дверь, как убитая, грохнулась на пол. Танк выехал задом, и, делая разворот пушкой к Штефу, растер ее в щепки. На Штефа теперь опять уставилось орудие танка. Он, не раздумывая, побежал. И, обернувшись, увидел, что в коридор вылезает паук.

Это было хорошо.

Это хорошо, подумал Штеф, прибавляя шаг. Это твой шанс, страдалец и неудачник Штеф Туччи.

Он собирался утянуть врагов в дальний конец коридора. Потом он быстро сделает крюк по третьему этажу и проскочит у них за спиной — спустится по лестнице и проникнет в лабораторию с другого конца этажа. Штеф был почему-то уверен, что танк застынет у лестницы и не двинет назад, а паук... С пауком он разберется по ходу!

— Сволочь! Я все равно доберусь до тебя, сука! — яростно закричал ему вслед сексуальный маньяк, тоже выскочивший в коридор, но Штеф не слушал его.

Он добежал до лифтовой площадки и только-только успел свернуть за выступ стены, как грохот выстрела сотряс коридор и резиновая болванка сочно шмякнулась о дверь лифта. Потом по ней застучали пулеметные пули — танк не тратил времени на разговоры.

Штеф взлетел на площадку между вторым и третьим этажом и на всякий случай прижался к стене. Здесь танк его не достанет, он не сможет так высоко задрать пушку, но все же осторожность не помешает. Его растерянность теперь улетучилась, развея-

лась, как дым: ему было ясно, что делать, а значит, игру поведет опять он, специалист по рискованным играм любимец публики Штеффи.

Штефу надо было понять, куда двинет паук. Сомнений не было — за танком, за ним... Но все-таки Штеф не спешил, он хотел убедиться. Он не знал, как киберы опознают человека, какие программы работают в них. А вдруг Эдик создал новую кибер-игру, и называется она, скажем, так — «Совместное ведение охоты на Штеффа Туччи в правом крыле ККЦ»? Тогда в мозгах у них — поэтажный план, они не будут метаться за ним, как привязанные, а разойдутся в разные стороны... Штефу тогда конец: он не хотел и думать об этом.

Тем временем танк уже выехал к лифту и — как будто увидел Туччи — с рокотом развернулся к нему и стал задирать свою пушку. Он пыхтел и стонал, пытаясь совместить прицел с целью, но цель не давалась. «Так-то, балбес, — мстительно усмехнулся Штеф, — не все тебе стрелять в невинных людей: я тебе спину чесать не подписывался». И он презрительно плюнул на пушку.

Теперь, сверху, он увидел у танка на крышке командирского люка такой же экранчик, как и у всех тамагочи. И рядом с ним — красную кнопку. Штеф захлопал глазами — ведь это же кнопка кормления, точно! И у паука она есть, и у мыши... Вот только глупенький Штеффи их раньше не видел, но он у нас вообще дурачок! Штеф досадливо сплюнул: он мог бы их отключить вручную... Ну да ладно, теперь уже поздно. А потом, у танка и паука они располагаются так, что добраться до них может разве что камикадзе.

Да, подумал Штеф, японцы свой заказ должны были поручать земляку... Но где же паук?

Паук все не появлялся.

Штеф прислушался. Из коридора доносились неясные шум и возня — киберы высыпали в коридор, — но в эти звуки с равными интервалами

вклинивалось жужжание... «Дрели! — испуганно вскинулся Штеф.— Кто там сверлит и что там можно сверлить? Неужели паук? Зачем?»

Штеф взволновался. Он опять чего-то не знал, и это «что-то» опять дурно пахло. Он поглядел на танк: может, прыгнуть ему на броню и отключить? Нет, танк стрелял сразу, как только Штеф попадался на мушку, а чтобы прыгнуть, ему пришлось бы спуститься по лестнице в зону обстрела. А потом, он не знал — вдруг под люком рука... с томагавком!

Штеф совсем растерялся. Он собрался было уже уходить на третий этаж — стоять без дела вот так было глупо! — но жужжание вдруг прекратилось, и, немного спустя, долгожданный паук появился на лестничной клетке.

Есть!

Штеф засмеялся. Ведь это же киберы, Штеф, безмозглые твари, а ты — человек! Он все правильно рассчитал. Начнем наши игры, дружище!

Паук бросил на него строгий взгляд и без паузы деловито заработал манипуляторами. Он перелез через танк и, совершая довольно сложные пируэты лапами, ходко закарабкался вверх по лестнице. Штеф удовлетворенно хмыкнул и побежал.

«У меня есть огромная фора, — думал он, стрелой проносясь по третьему этажу. — Теперь он не достанет меня еще минуты три, а танк — тот вообще может не заметить, он уткнулся в лестницу. Я замочу Драгинского, а потом выключу паука дистанционкой... Если он не потеряет меня еще раньше и не заблудится на этажах!»

Он пролетел коридор, скатился с лестницы на второй этаж, развернулся и... со всего маху врезался в металлическую сетку. Тонкие нити преграды больно врезались в лоб, потом он ударился коленками, и ничего не соображая, согнулся от боли.

Яростный вопль Штефа огласил здание. И слился с не менее яростной руганью мертвеца из гроба на первом этаже.

Штеф быстро пришел в себя и уставился на сетку, перекрывающую ему ход в лабораторию. Что это? Что это, мать вашу, я спрашиваю?! Я уже почти был у цели! «Это паутина, — сам себе ответил Штеф. Ты же бегаешь наперегонки с пауком, а они иногда делают паутину в разных неподходящих местах. Чтобы ловить жирных мух... и таких идиотов, как ты!»

Больше не пробуя преграду на прочность — все и так было ясно, ему не пройти, — он ринулся обратно, наверх. Ему надо успеть до того, как паук перекроет дорогу на четвертый этаж: только оттуда он мог еще попасть на второй, на первом этаже сквозного коридора от торца до торца здания не было. План менялся. Штефу придется прыгать на танк, а там... Будь, что будет!

Он проскочил площадку третьего этажа прямо под носом у вылезающего из коридора паука. Тот вскинул лапы, пытаясь схватить его за одежду, секира в руке с готовностью дернулась, но Штеф очень даже изящно прогнулся, захват его миновал. Вцепившись в перила, он ринулся вверх, перепрыгивая через четыре ступеньки. Еще один марш! Он хотел оторваться подальше, но проклятый кибер как-то враз включил предельную скорость и теперь почти сидел у него на плечах. Перестук его лап по ступенькам волнами накатывал сзади.

Штеф задыхался. Площадка четвертого этажа уже всплывала на уровень глаз. Еще чуть-чуть, поднажми!

Он вылетел к лифту и шарахнулся к стеклянным дверям. Паук уже был на площадке и надвигался на Штефа. Три метра... два между ними... Штеф навалился на дверь.

Стеклянные коридорные двери открывались в сторону лифта.

«На себя, идиот! На себя!!!» — завопил себе Штеф.

Но было поздно. Он уже не имел времени ни раз-

бить их, ни открыть в нужную сторону. Манипуляторы паука легли ему на плечи.

— А-а! — теперь уже в голос сдавленно вскрикнул Штеф и снова проделал испытанный трюк: упал на колени, а потом откатился в сторону лифта, назад. Он тут же вскочил и бросился дальше наверх, на чердак — дорога ему была открыта только туда. «Лишь бы не обманула чердачная дверь! О-о, эти двери!» Он буквально взлетел на один оставшийся лестничный марш, с бешеной скоростью перебрал ногами ступеньки и еще раз безмолвно вскричал: «Только бы эта проклятая дверь...»

На проклятой двери он увидел огромный амбарный замок.

Штеф покачнулся. Замок вдруг приблизился, вырос в размер его головы, потом в размер паука, потом хохотнул, раскачался и дал Штеффу Туччи по кумполу. Блям! Штеф покачался на месте, оперся о стену спиной... Он теперь сползет вниз и чуть-чуть посидит перед смертью. Осталось немного, паук уже рядом...

Он тяжело навалился на стену — она поддалась. Штеф даже не успел удивиться — он неожиданно мягко упал в темноту. В тишину. И запах помойки. И еле устоял на ногах: какие-то мягкие тряпки опутали ноги.

Дверь в стене притянулась пружиной и хлопнула.

«Подсобка! — завороженно прошептал очнувшийся Штеф. Он огляделся — во тьме разобрать что-нибудь было сложно. — То, что надо... Меня не видно. Меня не слышно. Мной не пахнет... Как эта тварь еще может определить человека? Никак... То, что надо...» Он постоял неподвижно, ожидая услышать стук лап паука, — снаружи не доносилось ни звука.

Штеф подождал, тихонько приоткрыл дверь и осторожно выглянул в узкую щель.

Паук стоял около лифта и недоуменно шевелил лапами. Рука с секирой втянулась в спину, глаза его притухли и разочарованно пялились по сторонам.

Штеф ухмыльнулся. Паук потерял его. Он спасен, и это немало. Остаться живым в такой переделке — уже большая удача.

Он отошел от двери и сел на вонючие тряпки. Он испачкается — пускай. Он устал. Он должен посидеть и подумать.

Паук, скорее всего, так и останется там, на площадке. Он не учуял Штефа, он лишился объекта, ему некому теперь долдонить свое, он застыл и будет теперь там торчать до скончания века. Стоять и ждать, пока Штеффи не вылезет на свет божий. Он загнал-таки Штефа в свою паутину, получил свою жирную муху, вот только никак не отыщет ее в уголке.

Чтобы паук от него отвязался, ему нужна еще одна муха. Тогда он займется ею, а Штефа отпустит, Штеф уйдет сам. Еще одна муха...

Штеф улыбнулся: он знает, кто это будет. Начальник охранной смены, как его... Брегман? Так точно — старый капрал. Во время обхода в половине второго он не найдет охранника Карла у пульта, подождет, а потом отправится шарить по зданию.

И найдет паука.

Они начнут свои игры, а Штеф побежит по делам. И, кажется, ждать осталось немного, от силы сорок минут — полчаса.

Штеф взбодрился: сегодня он все же исполнит заказ, нужно лишь потерпеть. Полчаса.

Но Штеф ошибался: ждать ему не пришлось ни минуты. Он услышал снаружи шумы и тихонечко выглянул из подсобки.

На лестничной площадке перед лифтом стоял капрал Брегман и во все глаза таращился на паука.

— Господин капрал! Я здесь...

Тихий шепот Штеффа Туччи извилистой змейкой обогнул паука и крадучись достиг слуха Брегмана. Ханс поднял голову. Взгляды людей встретились над спиной механического монстра.

Ханс обрадовался. Ну, наконец-то! Он нашел. Это, кажется, Карл, а у него за спиной, наверно, стоит инженер. Этот паук будет пострашнее всех остальных тамагочи — вон как сверкает глазищами. Он за ними погнался, чтобы они его «накормили», а инженер почему-то не смог его отключить. Без сомнения, случилось что-то непредвиденное. Надо теперь этого тамагочи успокаивать силой, вызвать подмогу. Но пока... Пока надо отвлечь паука, пусть Карл и Драгинский выбираются из подсобки и бегут вниз, Ханс же запрыгнет в лифт и поедет на первый этаж. Они выберутся из здания, а потом... Там уже план приблизительно ясен, да и Драгинский подскажет, как лучше ловить его психопатов.

Ханс знаками показал Карлу, что он собирается делать и как он мыслит действия Карла и инженера. И все время смотрел на паука. Он слишком сильно махал руками, он вспотел от волнения: от него так и несло жаркой влагой. И, хотя он предусмотрительно не издал ни звука, паук медленно, но очень уверенно поднимался на лапы, ярко засветил на брюхе экран и загудел с нарастающей силой.

Ханс Брегман имел тридцать секунд для общения со Штефом Туччи — временной интервал раскачки сложной кибернетической системы при переходе из режима спонтанного «сна», в который тамагочи впадали при потере объекта, в режим «агрессии».

Штеф Туччи удовлетворенно наблюдал за деятельностью Брегмана на лестничной площадке и коварно улыбался из-за двери. Он прекрасно понял знаки старого капрала. Жирный идиот собирался действовать именно так, как и рассчитывал Штеф. «По-существу, ты изложил мне план убийства Эдика Драгинского. На пальцах, дурачок. Ты мне поможешь, и за это я не буду убивать тебя. Я тебя только выключу. На пять минут, для порядка... Как паука!»

Штеф подобрался: паук окончательно очухался

и развернулся к Брегману. Створка на спине зловеще щелкнула и открылась, рука с секирой выпрыгнула вверх.

Старик испуганно всхрапнул и бросился к лифту. Кибер заработал манипуляторами и, набирая скорость, двинулся за ним.

И в это время Штеф, как чертик из бутылки, как рука из спины паука, как пила из рукава маньяка, выскочил из подсобки и упруго — упруго и бесшумно, бесшумно и стремительно! — перескочил через перила и с ужасающим грохотом приземлился на ступеньки лестничного марша, ведущего вниз. Он отбил себе пятки, он обнаружил себя, но это не имело значения — путь на третий этаж был свободен! Он оглянулся, прежде чем ринуться вниз.

На лестничной площадке разворачивалась драматическая сцена. Брегман уже вбежал в лифт, и двери его закрывались, но паук, видно, опять включил предельную скорость, он теперь двигался с утроенной быстротой. Он успел. Передние манипуляторы его вытянулись на всю длину, царапнули по полу кабины и намертво заблокировали готовые захлопнуться двери. «Дай мне муху, хозяин!»— прогудел он свою вечную просьбу и шагнул к лифту. Глаза Брегмана округлились от ужаса и неотрывно смотрели на смертоносную секиру, рот его открылся в безмолвном крике. Он наставил на паука пистолет, но ловкие манипуляторы зацепились за рукоять и вырвали его из рук Брегмана. «Здесь-то тебе и конец, мой благородный спаситель!»— мысленно констатировал Штеф. И запнулся. Паук, не отпуская дверей кабины, разворачивался к нему.

Он кинулся вниз и уже на бегу услышал, как двери лифта захлопнулись. «Слишком быстро! Он что, отпустил старика? Зачем, когда Штеф далеко, а капрал у него под секирой?!»

Вопрос был интересный, но Штефа он занимал недолго. Дела это не меняло: если старого капрала

не вырубил паук, это сделает Туччи, чуть позже. «После исполнения заказа, Штеффи, после!» Штеф мчался по третьему этажу, приближалась лестница. Сейчас ему предстоит встреча с танком.

Штеф кубарем скатился на площадку между третьим и вторым этажом и с замиранием сердца посмотрел вниз. Танка не было. «Ай-яй-яй, танкист, — укоризненно прошептал Штеф, — оставить пост во время ведения боевых действий... По вам плачет трибунал!» Он на цыпочках спустился на второй этаж и осторожно выглянул из-за угла.

Коридор был пуст: все тамагочи, вылезшие из лаборатории во главе с зеленой тушей безалаберного танка, дружно сгрудились около той гадостной паутины. Почему? Старый капрал! Брегман их собрал здесь, когда шарил по зданию.

Путь к дистанционному управлению вставшими сегодня поперек горла киберами, путь к недоступной доселе жертве, в глубоком сне ожидавшей Штефа и пулю, путь в разрушенный и безопасный теперь вертеп тварей и маньяков был свободен.

Штеф глубоко вздохнул и ринулся в лабораторию Драгинского.

И, делая первый шаг, услышал стук лап паука на площадке третьего этажа. Быстрее!

Счет времени в его голове пошел на секунды. Уже не таясь, он сломя голову вырвался из-за угла и громко застучал каблуками ботинок по полу. Восприятие его исказилось. Изуродованный дверной проем лаборатории приближался почему-то очень медленно, а тамагочи в другом конце коридора, обернувшись на стук, уже начинали свой гневный гвалт; он был еще на середине пути, а правая гусеница танка уже бешено прокручивалась на месте; он, казалось, не спеша дрейфовал по паркету, а пушка с невообразимой скоростью разворачивалась в его сторону. У самой лаборатории он поскользнулся на деревянном мочале двери, балансируя, развернулся и увидел, как грозная тень паука

легла на лифтовую площадку. Танк выстрелил. Штеф охнул, присел, и, вытянув руки вперед, нырнул за порог.

Он был у цели.

Эдик Драгинский валялся все там же, как и положено после удара Штеффа Туччи. Его ноги торчали из проема между шкафами. Штеф с грохотом захлопнул дверь шкафа, все это время бережно прикрывавшую несчастного, и бегло оглядел свою жертву.

Эдик потихоньку приходил в себя. Он открыл глаза и непонимающе уставился на Штефа. Пальцы его задвигались, заскребли по полу и инстинктивно сжали валявшуюся справа дистанционку. Штеф рыкнул, быстро нагнулся и вырвал ее у Драгинского. Все. Теперь он будет ждать паука, а потом возьмется за Эдика.

Он вышел на середину лаборатории, встал спиной к столу и, хищно прищурившись, вытянул перед собой пульт. И отметил, что никогда не чувствовал себя так уверенно, даже с пистолетом в руке. Идите, сказал он проклятым киберам, заходите все, но все-таки лучше, если первым будет паук. Пусть первым зайдет паук — да он и должен быть первым, он движется быстрее их всех! — и Штеф его сначала с наслаждением выключит, а потом... Потом надает по заднице — той самой средневековой секирой, которой он Штефа гонял по всем этажам...

Первой входа в лабораторию все-таки достигла толпа киберов. С возбужденными криками они заполнили дверной проем. Азартно блестели глаза, хлопали крылья, визжала пила и кричал младенец, ухал утопленник и что-то причитал белый скелет, шипел змей и пакостно ругался маньяк, и кто-то еще махал руками и расталкивал соседей, и за всем этим безобразием опять делал точный разворот на ходу зеленый танк.

Штеф безостановочно защелкал кнопкой пульта. Он не видел со своего места, где у тварей распола-

гались окошки приема управляющих импульсов, и поэтому наводил пульт куда попало, беспорядочно, вперемешку — на глаза, лбы, туловища, руки и ноги, и снова на головы, и снова вниз: он боялся остановиться. потому что знал, что если подпустит к себе хоть одну эту тварь, хлопот с ней не оберешься. А тогда он проморгает появление паука.

Штеф жал и жал — с замиранием сердца, стиснув зубы, не позволяя прийти панической мысли, что пульт не в порядке. Он жал и не думал, и думал одновременно, и содрогался от этой мысли, и водил рукой и, кажется, что-то кричал...

Пульт действовал безотказно. Первым он вырубил, как это ни странно, танк. Тот сразу же прекратил совершать разворот и, стыдливо задвинув пластину над двигателем, что-то успокоенно буркнул и замер. Вторым настал черед маньяка. Он мелодично пропел музыкальную фразу про нежную любовь и откатил в сторону. Подобным же образом успокоились и остальные. Мышь теперь сидела на окне и вещала последние новости голосом диктора берлинского радио. Утопленник откатился назад и исполнял несложные па какого-то танца. Скелет просто молча упал, змей заговорил про джунгли, а младенец присосался к запасной бутылочке с соской.

Штеф теперь уже с интересом следил за преображением монстров. Напряжение схлынуло. Он улыбнулся. Получилось! Слышишь, Драгинский, у меня получилось, я тоже умею, как ты! И теперь...

Он увидел: паук заслонил собой всю нижнюю половину дверного проема. Штеф высокомерно задрал подбородок.

— Иди! — закричал он ненавистному монстру и протянул к нему руку с пультом. — Иди, гад! У меня кое-что есть для тебя!

Паук молчаливо надвинулся. Штеф нажал кнопку «off».

Паук как ни в чем не бывало наплывал на него из тамбура.

Штефа пробил ледяной озноб. Он нажал еще раз.

Впустую.

Еще. Без толку — паук приближался.

Не отнимая пальца от кнопки, Штеф стал лихорадочно шарить пультом вдоль всей объемистой туши кибера. Рука задрожала: паук вползал в комнату. Штеф закричал и остервенело бросил пульт в надвигающуюся махину.

Манипуляторы монстра протянулись к его лицу. Секира взвизгнула и провернулась на шарнирах. Штеф с криком вобрал голову в плечи и прикрыл руками голову.

— Карл, держитесь!

Голос Брегмана. Объявился. Последнее, что он слышит... Штеф ждал удара.

— О т с т а в и т ь!!!

Громовой приказ Ханса Брегмана неожиданно дал Штеффу Туччи последний шанс. Как и мертвец в гробу, паук ошарашенно замер.

Штеф мгновенно встряхнулся. Он понял. Пистолет! Когда он будет стрелять, паук не сдвинется с места, надо только снять глушитель!

Он кинулся к Драгинскому. Пистолет валялся на том же месте, где Штеф оставил его — в ногах кандидата в покойники. Туччи сделал шаг и нагнулся за ним, но Драгинский...

Эдик к тому времени уже почти полностью пришел в себя. Руки и ноги у него двигались плохо, голова гудела, как трансформаторный ящик. Он полулежал, привалившись к стене, и с ужасом наблюдал теперь за охранником Штефом, которого недавно хотел позабавить. «Это киллер, Эдик, эти ублюдки никогда не оставят тебя в покое, они везде... Не дай ему хотя бы так просто убить себя!»

Штеф нагнулся к его ногам.

Эдик давно увидел его пистолет, да не было сил шевельнуть ни рукой, ни ногой. Но теперь он собрался, прижал пистолет ступней к полу и дернул ногой в сторону так, что чуть не порвал себе связ-

ки в паху. Пистолет с противным шарканьем исчез под металлическим шкафом.

Эдик презрительно поглядел Штефу в глаза. Тот взбешенно крутнул головой.

— Брегман! – взревел он, не отрывая от Эдика взгляда. – Идите сюда! Здесь инженер, его надо спасать!

Эдик понял расчет убийцы. Он сейчас скрутит этого Брегмана и подставит его под паучью секиру. Штеф прикроется им. А потом... Потом придет и его черед... Эдик обессиленно вжался в стену: от т а к о г о удара по голове он уже не очнется.

Брегман обогнул приходящего в себя паука и встал рядом с киллером. Он тяжело дышал и тревожно смотрел на Драгинского, Эдик подался к нему: ему надо сказать, он не знает... Хотя бы слово... Распухший язык не слушался его. Он что-то мыкнул, а Штеф уже жестко всадил локоть в рыхлое брюхо старого охранника. Тот захрипел и согнулся.

Штеф шагнул к Эдику, схватил его за грудки и рывком поднял на ноги:

— Вставай, инженер... Пойдем потанцуем!

Паук за его спиной шаркнул манипуляторами.

— Сейчас, коллега! Подожди еще пару секунд... — зашипел Штеф, а сам уже перехватил Эдика одной рукой за ворот рубашки, а другой рывком разогнул хрипящего Брегмана. Теперь он держал обоих за шиворот, как котят.

Паук неуверенно продвинулся к людям и вскинул передние лапы. Штеф развернул к нему свои жертвы.

— На! — закричал он пауку. — На, подавись! Посмотри-ка на них, разве это не прелесть? Смотри — одна жирная муха слева, и какой аппетитный сухарик — в правой руке! — Изо рта у Штеффа летела белая пена. — Ты хотел муху — на тебе две! Подавись!

Паук чуть развернулся и уставился рубиновым глазом на Эдика. Секира на его спине дрогнула.

Эдик поднял свои печальные глаза и, бессильно

обвисая под жесткой рукой, улыбнулся ему. Он ничего не мог сделать и просто прощался со своим любимцем. О н и все же достали Эдика... И дружище здесь ни при чем, не важно, что именно он будет убивать. Это просто сработает программа — нет, не важно. Там, внутри кибера, был друг... Эдик верил. Только жаль, что дружба не получилась, все так некрасиво закончится... Впрочем, с Эдиком всегда старались обойтись некрасиво такие вот парни, вроде этого Штефа... Ну, от судьбы не уйдешь. Прощай, дружище...

Паук загудел, обхватил Эдика манипулятором за спину и вырвал из хватки Штефа. Одновременно он то же самое проделал и с Брегманом. Штеф ошарашенно уставился на него, стоя теперь в одиночку, безоружный, прижатый к столу.

Рубиновые глаза паука мигнули, он повернулся к Штефу и назидательно прогудел:

— Не смей обижать слабых!

Эдик опять чуть не упал. Он не вводил в программу таких слов.

Штеф зло выдохнул воздух. Он понял, почему паук отпустил Брегмана в лифте: ему был нужен именно он, хулиган Штеффи. Этому зануде и моралисту был нужен именно он — нарушитель закона и порядка, Штеф Туччи!

В голове у него зазвенело. Будь ты проклят! Он плюнул пауку в морду.

Секира опустилась на голову Штефа. Но прежде чем достичь макушки злодея, в последний момент провернулась вниз черенком.

Эдик Драгинский не смог выполнить требования заказчика-самоубийцы. Его паук не был киллером.

Штеф Туччи секунду постоял со сведенными к переносице глазами, а потом рухнул к ногам Эдика и Ханса.

Светло-серый «Опель» инженера Драгинского подъехал к воротам Компьютерного Коммерческого Центра и деликатно гуднул. Ворота беспрепят-

ственно раздвинулись: Эдик был одним из немногих сотрудников ККЦ, которым разрешался въезд на территорию на машине. Он развернулся на площади перед административным зданием и остановился: по ступенькам главного входа неуклюже спускался и приветственно махал рукой начальник охранной смены Ханс Брегман. Эдик заулыбался и высунулся из машины.

— Капрал, еще не наступила темная ночь, еще и пули не свистят по степи, а вы уже начеку!

Старый охранник понял, наверное, половину шутки, но от души рассмеялся:

— А вы, герр Драгинский, все так же собираетесь бдить под луной в компании со скелетом и утопленником? Я вижу, урок не пошел вам на пользу! — Он заговорщически наклонился к ветровому стеклу. — Как насчет того, чтобы отвлечься сегодня где-нибудь в половине второго за парой хороших баночек пива? Я зайду к вам во время обхода... Ваши монстры, надеюсь, будут спать?

— Не все, капрал, не все. Кое-кто из них дублирует теперь ваши функции.

Капрал уважительно хохотнул:

— Паук? Наш добрый дружище паук! Лучшей охраны себе и придумать нельзя! Как он там у вас поживает?

Эдик сделал серьезное лицо и нахмурил брови:

— Он непрестанно бдит, капрал, особенно ночью! Как я и вы. Теперь он будет всегда со мной: компания мне его подарила... — Он осторожно потер теменную часть головы. — В качестве компенсации за понесенный моральный и физический ущерб...

— О-о! Хотел бы и я получить такой подарок! Вы хорошо ухаживаете за ним?

— Не беспокойтесь, Ханс, я ценю настоящую дружбу. Да он и сам вполне может позаботиться о себе. Ведь это не только игрушка, а еще и довольно сложная охранная киберсистема — полинормативное опознавание, фотодинамическая идентифика-

ция объекта, ситуационная корреляция алгоритмов реагирования... — Драгинский быстро взглянул на Брегмана — тот понимающе и значительно кивал головой. Эдик снова засмеялся и легонько ткнул его в вислый живот. — Кстати, Ханс, что стало с этим парнем? Когда на него надевали наручники, мне показалось, что он был не в себе. У него прошел этот невроз?

Брегман небрежно махнул рукой.

— Да все с ним в порядке, Эдик, меня уже вызывали для дачи показаний, я его видел. Правда, мне кажется, что он вполне искренне путает ход событий... Кое-что начисто забыл... Но это понятно: здорово досталось ему от вашего друга! — Капрал сделал паузу. — За ним стоят большие деньги. Защиту взял на себя один из самых дорогих берлинских адвокатов. Так что с ним действительно все в порядке...

Оба задумчиво помолчали. Потом Эдик завел мотор:

— Мы еще увидимся сегодня, мой друг...

Он заглянул снизу в глаза старому капралу, они крепко пожали друг другу руки, и машина стронулась с места.

Эдик ехал к правому крылу ККЦ и тихонечко улыбался. Он был довольно одинок все эти годы, но теперь судьба ему подарила сразу двух друзей. Сегодня они с Брегманом выпьют пива, и может быть, капрал спросит у Эдика, как он назвал своего дружищу. Эдик не будет скрывать, но, чтобы капрал все понял, придется рассказать ему про Россию. А потом Эдик немного захмелеет и начнет рассуждать о насилии и защите. И скажет Брегману, что, без сомнения, есть еще в мире разные люди и... существа, которые твердо знают, что добро всегда побеждает зло. И имеют силу, когда надо, показать это всяким непонятливым засранцам...

А потом он назовет капралу имя дружищи.

Андрюха.

МИР КУРЬЕЗОВ

ГЕНЫ НА ПРОДАЖУ

Уфологи уже давно бьют тревогу: пришельцы с других планет и обитатели подземного царства ведут коварную охоту за человеческим генным материалом!

Караул!

Разумеется, над этой чепухой можно было бы только посмеяться, но в последнее время выяснилось, что вполне реальные земляне, наши с вами соплеменники, решили взять пример с мифических инопланетян и троллей и попытаться открыть что-то вроде генной «барахолки».

По сообщению газеты «Аделаида-эдвертайзер», австралийская биотехническая корпорация «Отоджен» купила исключительные права на гены полинезийских аборигенов тонга. Этот народ числом 110 тысяч человек стал первым «приобретением» корпорации, и теперь только она может на законном основании вести генетические изыскания среди туземцев. Но планы «Отоджен» идут гораздо дальше. Она намерена скупить генетический материал всех населяющих Полинезию народов.

Дело в том, что ДНК полинезийцев представляет особую ценность для биотехнологов благодаря многовековой генетической изоляции этих народов от остального населения Земли, позволившей им создать сравнительно «чистый» этнос. «Отоджен» намерена использовать гены полинезийцев для поиска лекарств от целого букета болезней. С этой целью корпорация строит на архипелаге Тонга, по соседству с единственной в стране больницей, исследовательскую лабораторию. Если на основе ДНК тонга удастся разработать действенные лекарственные препараты, правительство страны будет получать часть выручки от их продажи, но сам народ тонга «забыли» поставить в известность об этой сделке.

Список произведений, опубликованных в журнале «ИСКАТЕЛЬ» в 2001 году.

Январь

Казанцев Александр	Как все начиналось	Воспоминание
Чешкова Лидия	Сорок лет назад	Воспоминание
Томпсон А.	Волк напрокат	Рассказ
Булычев Кир	Годы как день	Воспоминание
Булычев Кир	Цена крокодила	Рассказ
Головачев Василий	Край света	Рассказ
Андрюхин Александр	Киллер поневоле	Повесть
Горяйнов Александр	Битва гигантов	Рассказ

Февраль

Андрюхин Александр	Меченный	Повесть
Олби	Призрак в доме	Рассказ

Март

Родионов Станислав	Третья смерть	Повесть
Андрюхин Александр	Желудин	Повесть
Андрюхин Александр	Однажды в провинции	Повесть
Беляев Александр	Анатомический жених	Рассказ
мир курьезов		

Апрель

Чандлер Лоуренс	Пещера скелетов	Рассказ
Гусев Владимир	Вариант «Однако» (Сладкая парочка-2)	Повесть

Май

Ричи Джек	И не подкопаешься	Рассказ
Ричи Джек	Номер восьмой	Рассказ
Родионов Станислав	Некриминальная загадка	Повесть
Дичаров Захар	Пауки на стене	Рассказ
Найт Даймон	Пришельцы в Оазисе	Рассказ
Уиллфорд Чарльз	Гражданская бдительность	Рассказ
Шаров Андрей	Ангелы смерти	Рассказ

Июнь

Стаут Рекс	Повелительница павианов	Повесть
Вчерашний Рудольф	Ювелирное дело	Рассказ
Вчерашний Рудольф	Случай на охоте	Повесть
Головачев Василий	Выход глубинника	Повесть
Мазур Гарольд	Бумеранг	Рассказ
Нестеров Ростислав	Полет	Рассказ
мир курьезов		

СПИСОК ПРОИЗВЕДЕНИЙ ЗА 2001 ГОД

Июль

Клугер Даниэль	Призрачный убийца	Повесть
Булычев Кир	Космография ревности	Рассказ
мир курьезов		

Август

Шаров Андрей	Вендетта миллионера	Рассказ
Гусев Владимир	Записки сервера	Повесть
Вчерашний Рудольф	Загадка маркетинга	Рассказ
Нестеров Ростислав	Загадка	Рассказ
Крылов Александр	Оддор	Рассказ
Альмечитов Игорь	Лабиринт	Рассказ
Степняк-Окиянский Андрей	Шта на нь?	Рассказ
Неонов Валерий	Дозорная башня	Рассказ
мир курьезов		

Сентябрь

Родионов Станислав	Благодарность мертвеца	Повесть
Кейс Дэвид	Чудовище	Повесть
Джилфорд К.Б.	Убийство в 199... году	Рассказ
Вебер Томазина	Леди и джентльмен	Рассказ

Октябрь

Дюма Александр	Авантюра самозванца	Рассказ
Блок Лоуренс	Джентльменское соглашение	Рассказ
Старцева Ирина	Слишком зубастый покойник	Рассказ
Шаров Андрей	Кто победил непобедимую армаду	Историческое
Шаров Андрей	Убит в пьяной драке?	расследование
Вчерашний Рудольф	Время встречи изменить нельзя	Рассказ
Риз Джон Генри	Символическая логика убийства	Рассказ
Головачев Василий	Дезактивация джинна	Рассказ

Ноябрь

Пауэлл Толмидж	Цветы на могиле	Повесть
Ковалев Анатолий	Кто напугал господина Д.?	Рассказ
Родионов Станислав	Криминальный полтергейст	Повесть
Куин Эллери	Президент сожалеет	рассказ
Черкачов Валерий	Ошибка киллера	Рассказ

Подписано в печать 09.11.2001. Формат 84x108 1/32. Печать офсетная. Бумага газетная.
Усл. печ. л. 8,4. Тираж 18000 экз. Лицензия № 00829. Заказ №18479.
Адрес редакции: 125015, Москва, Новодмитровская ул., 5а. Телефон: 285-88-84.
Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии ОАО «Молодая гвардия»
103030, Москва, К-30, Сущевская ул., 21

серия «БИБЛИОТЕКА ШКОЛЬНИКА»

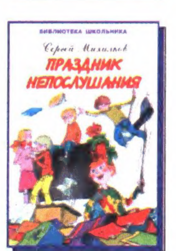

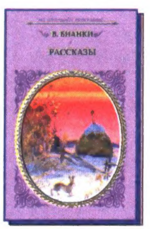

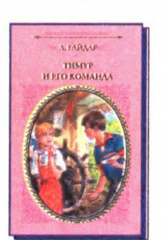
серия «ПО ШКОЛЬНОЙ ПРОГРАММЕ»

серия «БИБЛИОТЕКА ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ»

серия «ЗАНИМАТЕЛЬНАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ»

серия «МУЛЬТПАРАД»

Эти книги можно заказать по почте.

12'2001

Подписные индексы:

«Искатель»
70424, 42785 и 40940,

«Мир «Искателя»
40920,

«Библиотека «Искателя»
42827,

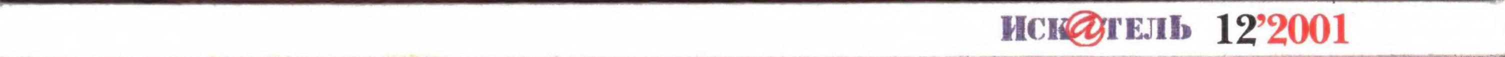
«Детективы «Искателя»
38304.

Подписаться можно с любого номера.

ISSN 0130-6634

ПОДПИСНЫЕ ИНДЕКСЫ
70424, 40940, 42785

ИСК@ТЕЛЬ 12'2001